

МАРТА ЛИВИНГСТОН-МУДИ

Оын
миллионера

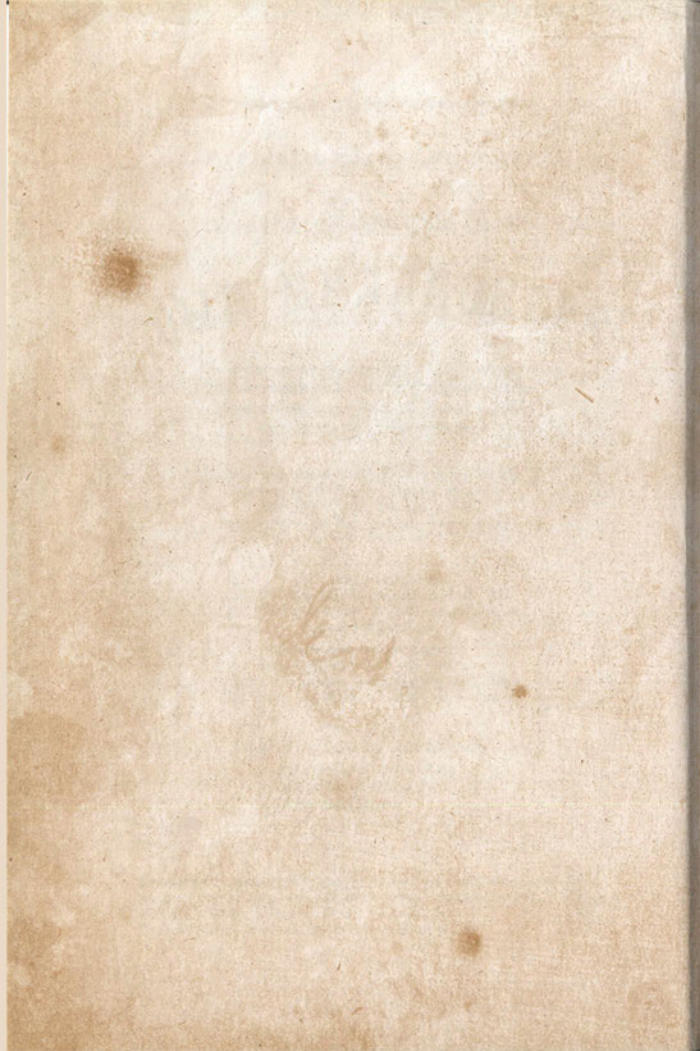

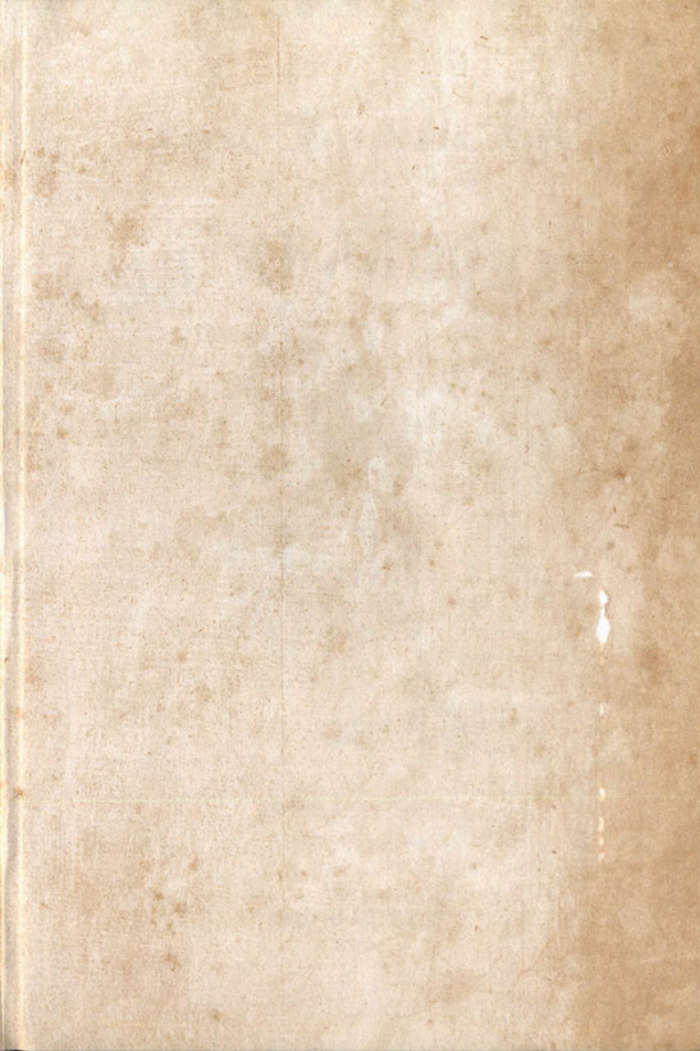
12+

ISBN 978-5-91921-280-5

9 785919 212805

Марта Ливингстон-Муди

СЫН МИЛЛИОНЕРА

Перевод с английского

Москва
ЭНАС-КНИГА
2015

УДК 82-3
ББК 84(7)-44
Л55

Martha Livingston Moody
The Little Millionaire

Перевод с английского М. ГРАНСТРЕМ

Литературная обработка О. ЕПИФАНОВОЙ и Г. ХОНДКАРИАН

Художник Л. МЕЙНЕЛЛ

Ливингстон-Муди М.

Л55 Сын миллионера / Марта Ливингстон-Муди ; пер. с англ. М. Гранстрем ; литобработка О. Епифановой и Г. Хондкариан ; худож. Л. Мейнелл. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2015. – 224 с. : ил. – (Книги на все времена).

ISBN 978-5-91921-280-5

Повесть об удивительной дружбе наследника семьи миллионеров и простого чистильщика обуви написана американской писательницей конца XIX – начала XX века Мартой Ливингстон-Муди.

Двое американских мальчишек жили совершенно по-разному. Казалось бы, кипризный и избалованный Реджинальд, родившийся среди роскоши и окруженный чрезмерной заботой матери, должен был превратиться со временем в бездушного и заносчивого богача. А Джиму, которому с малых лет приходилось своим трудом зарабатывать на хлеб, не суждено было до конца жизни выбиться из нищеты...

Однако судьбе было угодно положить начало необыкновенной дружбе между столь непохожими детьми – и кардинально изменить их жизни и характеры...

Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84(7)-44

© О. Епифанова и Г. Хондкариан.
Литобработка, 2015

© А. Власова. Обложка, 2015

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-91921-280-5

Глава I

Про серебряный доллар и едва не испорченный характер

Маленький Джейми Грей с тревожным ожиданием вглядывался в лица прохожих, спешивших по своим делам. На него было жаль смотреть, однако все равнодушно проходили мимо. Никто из всей многочисленной толпы не остановился, чтобы спросить мальчика о причине тревоги или хоть словом участия ободрить его встревоженное сердце.

После смерти матери мальчик остался круглым сиротой, и ему пришлось уйти из дому: во всем городе у него не было ни родных, ни знакомых. У соседки, на первое время приютившей его у себя, и без того было много детей, которые часто голодали и вечно ссорились между собой. В сравнении с этой неприглядной нищетой бедная обстановка в доме покойной матери казалась Джейми настоящим раем.

Попав в суровые условия, он не мог привыкнуть к скудной пище, на которую с такой жадностью набрасывались дети соседки. Между тем соседка, заметив, что Джейми слаб здоровьем,

послала за членом Общества призрения бедных детей и заявила ему, что не может долее содержать сироту у себя.

Уловив несколько слов из этого разговора, маленький Джейми понял, что его хотят отправить в сиротский дом. Он и раньше слышал о подобных заведениях и знал, что бедным детям живет-ся там нелегко, а потому задумался, как бы избавиться от грозившей ему участи.

От детей соседки он слышал, что многие мальчишки его лет занимаются продажей газет или чисткой обуви на улицах и иногда, сговорившись, работают и живут вдвоем на равных правах.

И вот на следующее утро, после завтрака, Джейми тайком ушел из дому и отправился искать какого-нибудь доброго мальчика, который взял бы его в компаньоны и выучил искусству чистить сапоги.

В кармане у него была блестящая серебряная монета — подарок молодой девушки, положившей букет цветов на гроб его матери. Малыш крепко сжимал монету в маленьком кулачке и, шагая по тротуару, зорко всматривался в лица прохожих. Наконец он увидел одного чистильщика обуви с рабочим ящичком на спине, по-видимому, добродушного мальчика, который остановился позавтракать у фруктового ларька. Джейми подошел к нему и тронул за локоть.

— Не возьмешь ли ты меня в компаньоны? — спросил он робко.

Чистильщик обуви засмеялся, лукаво подмигнул и раздул свои худые щеки.

– Пожалуй, возьму.

– А ты будешь делиться со мной поровну за работком, как делают другие мальчики? – доверчиво спросил Джейми, вспомнив рассказы детей о подобных сделках.

– Буду. А у тебя есть ящик со щетками?

– Нет.

– А клиенты?

– Тоже нет.

– Ну, сразу видно, что ты еще новичок и не знаешь дела! – заметил чистильщик, с усмешкой осматривая маленького кандидата.

– Не знаю, но хочу выучиться, – ответил тот.

– Тогда тебе придется многому поучиться. Ты сапоги чистить умеешь?

– Нет, но попробую, – весело пообещал Джейми.

– Так вычисти мне! – сказал чистильщик, выставив ногу в рваном сапоге, и, небрежно облокотившись на стенку ларька, принялся чистить только что купленный банан. – Не хочешь ли попробовать? – спросил он немного погодя, поднося к самому носу Джейми сочный плод. – Да нет, ты не хочешь! – засмеялся он, быстро отдергивая банан как раз в то мгновение, когда малыш хотел вцепиться в него своими беленькими зубками.

– Я и не голоден, – кротко заметил Джейми.

– Но ты будешь голоден, если займешься этим делом. Нас слишком много, и работы на всех не хватает.

Джейми взглянул на мальчика с недоумением.

— Ну, так и есть! Вижу, ты ничего не понимаешь! — засмеялся чистильщик обуви.

— Но у меня есть деньги! — Джейми вынул из кармана блестящую серебряную монету.

— Покажи-ка, не фальшивая ли? — спросил его новый знакомый, с сомнением поглядывая на монету.

— О нет, настоящая! Видишь, она круглая! — малыш доверчиво протянул ему доллар.

Сначала мальчуган крепко прикусил монету зубами, как бы испытывая ее, — и вдруг молниеносно спрятал за своими грязными губами.

— Да, она настоящая и круглая, — сказал он, закидывая свой ящик за плечо, — но... она улетела...

И вероломный мальчуган так быстро бросился бежать по улице, мелькая пятками, что Джейми не успел опомниться, как тот уже скрылся за углом, продолжая выкрикивать: «Кому сапоги чистить?»

— Что это?! Он убежал с моим долларом?! — закричал пораженный малыш, бросаясь во всю прыть вдогонку.

Джейми нагнал мальчугана на углу улицы, где тот, стоя на коленях, уже чистил сапоги какому-то господину.

— Отдай мой доллар! — крикнул Джейми, подбегая.

Чистильщик обуви взглянул на него без тени смущения на лице.

— Какой доллар? Я ничего у тебя не брал! — ответил он с притворным изумлением, даже изменив голос.

— Отдай мой доллар! — крикнул Джейми, подбегая.

– Не брал?.. А тот мальчик был точь-в-точь похож на тебя! – произнес Джейми упавшим голосом.

– Разве у него тоже был ящик? – с невинным видом спросил мальчуган.

– Да...

– Мы все ходим с ящиками и как две капли воды похожи друг на друга.

– Но у него была такая же большая заплатка, как у тебя, – заметил Джейми, указывая пальцем на штаны мальчугана.

– И что из того? Мы все не богачи и ходим в заплатанной одежде!

Джейми поднес кулачки к глазам, чтобы утереть навернувшиеся слезы. А чистильщик, закончив работу, вскочил на ноги, с лукавой улыбкой показал Джейми серебряную монету на кончике языка – и тут же помчался искать нового клиента.

– Мой доллар! Это тот самый мальчик! – завопил Джейми, опять бросаясь за ним вдогонку.

Тем временем чистильщик проскользнул под веревкой, ограждавшей какое-то сгоревшее здание, и минуту спустя оказался по ту сторону пожара. Джейми хотел было побежать за ним, но его остановил грозный голос высокого полисмена:

– Стой, здесь ходить нельзя! Беги за Джимом Трейси другой дорогой!

Малыш метнулся в боковую улицу и едва успел завернуть за угол, как очутился в объе-

тиях Джима, который схватил его и сжал как в тисках.

— Отдай мой доллар! — произнес, тяжело дыша, Джейми.

— Знаешь, — сказал чистильщик, придавая своему голосу самое искреннее выражение и буравя грязным пальцем грудь малыша, — а ведь я не могу исполнить твоей просьбы. Дело в том... — и, приложив губы к самому уху Джейми, Джим шепнул: — Дело в том, что я проглотил его!

Маленький Джейми не подумал усомниться в правдивости этих слов и, вытаращив глазенки, растерянно смотрел на Джима.

— Разве ты можешь обижаться на то, что со мной случилось такое несчастье? — продолжал мальчуган. — Я как раз хотел идти к доктору, чтобы он вынул из меня твою монету.

— И я пойду с тобой! — радостно воскликнул Джейми. — И получу там свой доллар обратно!

— Нет, тебе придется проститься с ним, — ответил Джим. — Доктор потребует вознаграждение за свой труд, и этот же доллар пойдет на уплату его услуг.

Честный малыш не мог не согласиться, что это будет справедливо.

— Так вот: сначала доллар был твой, теперь он мой, а достанется доктору! Прощай! — крикнул Джим, убегая от Джейми и размахивая высоко поднятой рукой, в которой снова сверкнул серебряный доллар.

Эти проделки чистильщика обуви окончательно смутили малыша. Он продолжал неподвижно стоять на месте и потерянно смотреть на удалявшегося беглеца. В этот день он столкнулся с такой стороной жизни, о какой прежде и не подозревал. Потеряв мальчугана из виду, он грустно повернулся и тихо пошел в обратную сторону.

— Значит, ничего он не проглотил, — произнес он с глубоким вздохом, — пропал мой доллар!..

— Неужто пропал? — раздался вдруг позади насмешливый голос, и тут же под локоть Джейми просунулась чья-то рука, в которой опять сверкнула серебряная монета.

— Слушай, малыш, — сказал Джим Трейси, становясь перед мальчиком, — я сразу понял, что ты новичок, и захотел преподать тебе небольшой урок. Никогда больше не вводи нашего брата в искушение своим новым долларом. Ты им чуть не испортил мой характер! Ну, теперь он будет твой, если ты его поймает. Лови! — и Джим подбросил монету вверх.

Джейми бросился на землю, чтобы схватить доллар, едва он упадет, — но тотчас услышал над собой громкий смех чистильщика обуви. Подняв голову, он, к своему изумлению, опять увидел монету у Джима на кончике языка! И вдруг она исчезла в глотке ужасного мальчика. Раздался сильный кашель. Джим покраснел как рак и, корчась от боли, стал громко умолять Джейми колотить его в спину.

Малыш усердно забарабанил кулачками по его спине, и доллар в который раз появился у Джи-

ма на кончике языка, а мгновение спустя засверкал на его грязной ладони. Джейми хотел схватить монету, но едва успел дотронуться до нее, как она снова исчезла.

— Товарищ! — сказал Джим, выправившись и лукаво щуря глаз. — Ты спас мне жизнь, дай пожать тебе руку! — и с этими словами мальчуган шлепнул доллар на раскрытую ладонь Джейми. — Ну, теперь беги домой завтракать, а я поем на парапете, — добавил он, вынимая из кармана ломоть хлеба и кивая на шумевший вблизи фонтан.

— У меня нет дома... мне некуда идти... я убежал от нашей соседки... — пробормотал Джейми, едва сдерживая слезы.

Этот ответ озадачил чистильщика, и он недоверчиво взглянул на мальчика.

— У тебя нет дома? — протянул он после минутного молчания. — Откуда же у тебя такая хорошая одежда?

— Мне ее дали, когда сожгли мою старую, — ответил Джейми.

— Значит, у вас был тиф?

— Да.

— А где же твои родители?

— Умерли!.. — произнес Джейми, снова поднося кулачки к глазам.

— Так ты сирота? — спросил Джим, подходя к мальчику, который готов был разрыдаться.

Малыш молча кивнул головой.

— А пойти в сиротский дом не хочешь?

— Н-е-е-т, не хочу туда!.. — всхлипнул Джейми.

– Почему?

– Я был там с мамой... Мне жалко тех детей...

– А самого себя не жалко?

Малыш громко разрыдался.

Вид его слез сильно смутил Джима. Чистильщик начал как-то странно озиаться по сторонам и усиленно заморгал глазами, избегая смотреть на мальчика, но скоро овладел собой. Он был скуп на слезы и, как сам говорил, не имел для них носовых платков.

– Я не зна-а-ю, что мне де-е-лать!.. – продолжал всхлипывать Джейми.

– Слушай, малыш, слезами горю не поможешь и денег не наживешь. Вытри лучше глаза и скажи: так ты не в шутку просился ко мне в компаньоны?

– Не-е-т.

– И хочешь работать?

– Да-а-а.

– Ну, так пойдем со мной.

Глава II

Про новый дом и колбасу на завтрак

Дети сердобольной соседки заметили отсутствие Джейми только поздно вечером, когда наступившая ночь и сильный голод заставили

их прибежать домой. Вернувшись после тяжелой работы, их мать не чувствовала под собой ног от усталости и не могла идти на поиски. Она, правда, расспросила окрестных жителей и заявила об исчезновении мальчика в полицию. Но затем, успокоенная тем, что ее собственные ребяташки дома, затворила на ночь двери, решив, что выполнила свой долг по отношению к сироте.

Для Джейми же, ставшего чистильщиком обуви, наступил первый длинный, утомительный день. Он исходил со своим новым другом почти весь город и к вечеру с трудом передвигал ножки.

Малыш был очень озадачен, обнаружив, что Джим живет на задворках большого здания, заваленных разным старым хламом и множеством досок. В углу двора находилась маленькая, наскоро сколоченная из досок будка, покрытая найденным на улице куском брезента. Джим, напротив, чувствовал себя в своем скромном укрытии таким же довольным и независимым, как знаменитый философ, живший некогда в бочке.

Джейми тоскливо осмотрелся: здесь было даже хуже, чем у соседки!

— Разве у тебя нет постели? — спросил он, когда Джим, сняв свою куртку, с наслаждением растянулся на соломе.

— Мне и так хорошо! — ответил мальчуган.

— Как же я буду спать без подушки? — недоумевал малыш.

– Сними-ка свою куртку: я тебе сейчас сделаю подушку, – отозвался Джим.

Он наскоро завернул в куртку большой пучок соломы, а потом накрыл себя и своего маленького товарища старой попоной, служившей ему одеялом.

– Свернись калачиком, так будет теплее. И спи!

Через несколько минут Джим услышал возле себя легкий шорох. Взглянув одним глазом на своего нового компаньона, он увидел, что тот стоит на коленях, сложив ручки, и шепчет какие-то непонятные слова о насущном хлебе и прощении грехов, а под конец благодарит кого-то за хорошую постель.

– Постель неважная, и тебе не за что благодарить меня, – буркнул Джим, полагая, что эти слова относятся к нему.

– Да я не тебя благодарю, – возразил Джейми. – Мама учила меня молиться, но я так устал, что чуть не забыл об этом.

– Ну, так помолись заодно и за меня, – сказал Джим и, перепоручив таким образом свою религиозную обязанность простодушному малышу, повернулся на другой бок и заснул.

На следующее утро мальчики поднялись с первыми лучами солнца.

Джим быстро привел себя в порядок: он встряхнулся, надел свою куртку и, умывшись наскоро у ближайшего фонтана, был готов. Джейми последовал его примеру, но, умывшись,

остановился в недоумении, не зная, чем вытереть лицо и руки.

– Как же быть без полотенца? – обратился он к Джиму.

– А на что у тебя носовой платок? – засмеялся Джим. – Ну, вытирайся скорей! Мы должны сначала заработать себе на завтрак, а потом уже есть его.

И вот уже в утреннем воздухе раздался звонкий голос Джима: «Кому сапоги почистить?» Ему, подобно дальнему эхо, вторил слабый голосок Джейми. Деньги на завтрак были скоро заработаны, и мальчики вошли в булочную.

– Ну, что ты себе выберешь? – спросил Джим, важным взглядом окидывая прилавок. – Случалось, когда мне не везло, я вместо булок и колбасы запасался здесь одним запахом.

– Я возьму себе пирожное, – мечтательно проговорил Джейми, соблазнившись видом расставленной по всему прилавку свежей выпечки.

– Пирожное?! – воскликнул Джим. – Сто́ит оно слишком дорого, а сыт от него не будешь. А булка с колбасой тебе не по вкусу?

Джейми покорился, и Джим запасся булками и колбасой.

– Тебе приходилось просить милостыню? – спросил Джейми, шагая по улице рядом со своим другом и с аппетитом уписывая завтрак.

– Милостыню? Нет, никогда! Ведь у меня есть сбережения в банке! – возразил Джим.

Он вынул из нагрудного кармана заляпанную банковскую книжку, показал ее своему маленькому компаньону и добавил:

— Сегодня мы пойдем туда за деньгами. Ведь тебе тоже надо купить ящик со всякими штука-ми для чистки обуви.

— Вот, возьми и мой доллар, — предложил Джейми, тронутый великодушием Джима.

— Нет, не надо. Положи его лучше в банк на свое имя — тогда у тебя тоже будет запас на черный день.

Едва открылся банк, как друзья уже явились туда.

— Мне нужно взять часть моих денег, мистер, — сказал Джим, подавая служителю свою банковскую книжку.

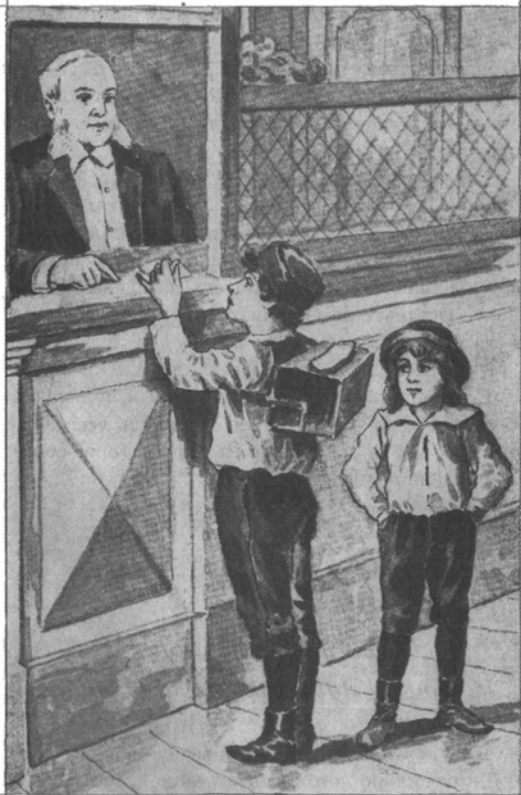
— Оставь-ка лучше свои деньги в банке, — посоветовал тот.

— Мне пора купить себе новую одежду, — возразил Джим, оглядывая свое рваное платье. — И вот его надо снабдить новым ящиком и инструментом, — прибавил он, кивнув в сторону Джейми.

— Сколько же тебе надо?

— Может быть, на все хватит и пяти долларов, но надо будет на всякий случай взять шесть. Мой друг тоже хочет открыть счет, — продолжал Джим, указывая на Джейми, который подошел к конторке и протянул свой доллар.

Чуть позже короткое свидание с торговцем готовой одеждой превратило Джима в очень

Мой друг тоже хочет открыть счет, – продолжал Джим, указывая на Джейми.

опрятного мальчика. Однако юный чистильщик обуви не выбросил свои старые лохмотья, а благоразумно приберег их для использования в рабочие дни. Джейми же был в восторге от своего нового ящика и радовался ему, как новой игрушке.

Так друзья стали работать вместе. Их дни проходили одинаково, за исключением разве что воскресений, когда мальчики заходили в церковь. Джиму очень нравилось звучание органа, а услышав однажды проповедь на слова Евангелия: «Оставьте детей приходить ко мне», он заметил своему маленькому приятелю:

– Ты ходи сюда, тебя здесь ждут.

Себя он считал совсем взрослым и не относил к «детям», но тем не менее в церковь всегда ходил охотно – и ради Джейми, и ради торжественной органной музыки.

Глава III

Про умение плавать и неожиданное знакомство

Дни становились длинными и жаркими, и Джим сильно потел в своей теплой куртке.

– Пойдем купаться, – сказал он однажды в знойный вечер своему маленькому товарищу.

– А где же ванна для купания? – наивно спросил Джейми.

– Ванна?.. По-моему, Атлантический океан лучше ванны! – заметил Джим.

– А ты не боишься утонуть?

– Утонуть?! Спроси-ка рыбу, может ли она утонуть! Ведь я умею плавать.

– А я не умею, – признался Джейми.

– Ты должен выучиться, если хочешь быть моим компаньоном!

С этого вечера мальчики часто стали ходить купаться в заливе. Не прошло и недели, как Джейми выучился отлично плавать. Но все равно Джим не позволял ему купаться одному и всегда держался поблизости, чтобы в случае опасности тотчас прийти на помощь.

Однажды приятели, по обыкновению, пришли на берег залива. На этот раз Джим заплыл далеко. Возле лодки старого рыбака он глубоко нырнул и пару минут плыл под водой. Вынырнув на поверхность, он очутился рядом с маленькой яхтой.

На роскошном судне находились две дамы и молодой джентльмен, с которым ссорился нарядно одетый мальчик. Последний схватил румпель* и пытался самостоятельно управлять судном. От его неумелых действий яхта начала резко разворачиваться и так сильно накренилась,

* Румпель – специальный рычаг, часть рулевого устройства на судне.

что сам «рулевой», стоявший у борта, упал в воду и камнем пошел ко дну.

Джим мгновенно нырнул следом и через несколько секунд снова появился на поверхности — уже вместе со спасенным шалуном. Все произошло так быстро, что в воздухе еще не успел замереть душераздирающий крик матери.

Спасенного мальчика заботливо приняли на борт и укутали с ног до головы в дорогую шаль. Джим тоже поднялся на палубу и удивленно рассматривал богатое убранство судна.

Мать проказника от страха едва не лишилась чувств, поэтому молодой джентльмен поспешно повернул яхту к берегу.

— Спасибо. Меня зовут Чарльз Лоренц, — сказал он Джиму и поочередно показал рукой на остальных. — А это моя тетушка миссис Лоренц, ее сын Реджинальд и его гувернантка, мадемуазель Кларет...

Джим молча поклонился дамам и едва взглянул на спасенного мальчика. Он не чувствовал себя героем.

На пристани семейство Лоренц ожидал экипаж. Мистер Лоренц заботливо усадил обеих дам и мальчика, а сам остался на берегу, чтобы поставить яхту на место.

— Ты спас жизнь моему кузену, — обратился он к стоявшему рядом Джиму, — ведь я совсем не умею плавать. Скажи, что я могу для тебя сделать?

– Я не беру награды за то, что умею плавать, – пожал плечами Джим. – Но обувь чищу за деньги. Вот если бы вы стали моим клиентом и позволили мне чистить свои сапоги...

– Эту работу у меня исполняет слуга, – улыбнулся молодой джентльмен. – Приходи ко мне завтра часов в двенадцать, – продолжил он, передавая Джиму свою визитную карточку. – Может быть, я найду для тебя какое-нибудь дело.

– Хорошо, я буду у вас в назначенный час, – ответил Джим, по-деловому взглянув на это приглашение, и, повернувшись на каблуках, удалился с пристани вместе с Джейми.

– Знаешь, дружище, это важные птицы! – заметил Джим своему маленькому другу, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их не было слышно. – У них своя яхта для прогулок по морю, бриллианты и лакированные сапоги. По всему видно, что они люди знатные. Теперь этот маленький миллионер, наверное, не скоро захочет покататься на яхте! Как он перепугался! А когда я его схватил, он вцепился в меня, как речной рак.

– Бедненький, какой он был бледный! И все его локоны развились! – заметил с участием Джейми и добавил мечтательно: – Я тоже хотел бы иметь яхту.

– Потерпи немного, ты скоро тоже станешь миллионером, – отозвался Джим.

– Наверное, приятно иметь все, что хочешь, – продолжал малыш.

– Еще бы! Но, знаешь, почти все миллионеры были сначала чистильщиками обуви, – ответил Джим, стараясь его утешить.

– Ох, сколько же сапог им пришлось вычистить, прежде чем они нажили столько денег! – вздохнул Джейми.

– Да, немало! Но не все они умели хорошо чистить сапоги. И потому многие из них стали строить железные дороги.

Продолжая объяснять своему маленькому компаньону, откуда берутся миллионы, Джим скоро заметил, что тот его не понимает. И тогда, прекратив разговор, друзья молча отправились искать работу, выкрикивая: «Кому сапоги почи-
стить?»

Глава IV

Про микстуру и борьбу за свободу

Вернувшись домой, миссис Лоренц тотчас уложила сына в постель и послала за домашним доктором. Она овдовела несколько лет назад и, не чая души в своем единственном сыне, наследнике многих миллионов, ежеминутно трепетала за его здоровье. Своего домашнего доктора она считала каким-то добрым гением, обязанным строго следить за самочувствием ее любимца и всегда иметь наготове лекарство против любого

недуга. На самом же деле мальчик был совершенно здоров, только сильно раздражен: ведь его, как грудного младенца, уложили в постель только потому, что он упал в воду!

– Скажите, доктор, что вы ему пропишете? – с тревогой спросила миссис Лоренц.

– Я не стану принимать никаких лекарств! – предупредил маленький джентльмен.

Доктор знал, что в таких случаях надо было угодить и матери, и сыну.

– Мой дорогой мальчик, – ласково начал он, – я тебе дам очень вкусное лекарство, и ты даже не заметишь, как проглотишь его.

– Все лекарства противные! У меня ничего не болит! Вы меня только сердите! – раздраженно воскликнул мальчик.

– У тебя лихорадка, мой дорогой, она очень опасна. Если ты примешь это лекарство, я подарю тебе маленькую арабскую лошадку, – принялась увещевать непослушного ребенка мать.

– Мне не надо лошадок! У меня есть Дик. А микстуру я не стану пить и за сто лошадок!

– А если я тебе подарю новые золотые часы, ты примешь лекарство? – упрашивала нежная мать.

– Нет, нет и нет! Часы – несносная вещь, они всегда ломаются! К тому же у меня есть хорошие часы.

– Милый Реджинальд, пойми: доктор Кемпер прописал лекарство ради твоего же здоровья! Ну, хочешь, я подарю тебе велосипед? Ты давно

хотел его. Ну скажи маме, чего ты хочешь, и я сейчас же исполню твое желание!

— Я хочу встать, одеться и идти играть с тем мальчиком, который вытащил меня из воды! — ответил Реджинальд.

— Но ведь он всего лишь один из этих ужасных чистильщиков обуви! Ты, верно, шутишь?

— Нет, я совсем не шучу, и, если вы с доктором не оставите меня в покое, я убегу от вас и тоже стану чистить сапоги на улицах!

— О, Реджинальд, ангел мой, не говори мне таких ужасных вещей! Ведь ты всегда делал все, что хотел, и имел все, что только можно купить за деньги.

— Мне не надо ваших прекрасных вещей, которые покупаются за деньги! Я хочу делать, что мне нравится, и не хочу, чтобы вы с доктором и мадемуазель Кларет каждую минуту следили за мной!

— Но ведь я беспокоюсь о твоём здоровье! — заметила кротко несчастная мать. — И забочусь о твоём воспитании.

— Мне наскучили ваши заботы! Я хочу, чтобы вы все оставили меня в покое!

Миссис Лоренц была поражена словами сына.

— Он прежде никогда не говорил так! — заметила она доктору. — Не усиливается ли у него лихорадка, доктор?

— А теперь я всегда буду говорить так! — кричал маленький тиран, радуясь, что его слова о желаемой свободе произвели на мать такое

сильное впечатление. — Я хотел бы быть Робинзоном Крузо и жить на необитаемом острове! Тогда никто не мешал бы мне делать все, что мне вздумается.

— Зачем ты говоришь такие вещи, дорогой мой? Этим ты очень огорчаешь свою бедную маму...

— Ну так что же? Ведь и вы меня тоже огорчаете! Не хочу больше лежать! И сейчас же встану! — и мальчик поднялся на кровати, но был удержан матерью.

— Реджинальд, милый мой, — обратилась она умоляющим голосом к сыну, — скажи мне, могу я хоть как-то уговорить тебя принять лекарство?

— Да! — последовал неожиданный ответ.

— Как же, мой дорогой? — воскликнула бедная мать, с которой уже начинала делаться истерика при мысли, что потеряно столько драгоценного времени.

— Пошлите за тем мальчиком, который вытащил меня из воды! И я тут же приму ваше противное лекарство! — и мальчик широко открыл рот, закрыл глаза и, закинув назад голову, стал с мученическим видом ожидать ложки с микстурой.

— Скорей, скорей, доктор! — торопила мать, опасаясь, что капризный рот сына опять закроется.

Доктор поспешно поднес ложку. Мальчик проглотил микстуру, сделав гримасу, и тяжелый подвиг был совершен.

– Ну, теперь пошлите за тем чистильщиком сапог! – потребовал маленький тиран, утирая губы.

– Но у меня нет его адреса, – попыталась отговориться мать.

– Тогда мы напечатаем объявление в газетах! Напишите, пожалуйста, объявление, – обратился Реджинальд к доктору, вполне уверенный, что его приказание, хоть и отданное в виде просьбы, будет тотчас же исполнено.

– Как же мне писать? Я даже не знаю его имени, – возразил доктор, желавший, в свою очередь, оттянуть время.

– Не знаете, как писать? Ну, так я вам скажу, – Реджинальд на минуту задумался. – Напишите так: «Тот чистильщик обуви, который вытащил из воды упавшего в заливе с яхты “Быстрая” мальчика, услышит очень приятную для себя новость, если явится ко мне». Потом напишите наш адрес и, если нужно, мое имя.

– Имени не надо, – заметил доктор, садясь по просьбе миссис Лоренц за письменный стол писать более грамотное объявление, нежели продиктованное его маленьким пациентом.

– Благодарю вас, доктор, – сказал Реджинальд, когда доктор закончил писать, – но помните: я буду просматривать все утренние газеты и увижу, поместили ли вы мое объявление, – добавил он на прощание. – Теперь опусти шторы, мама. Я попробую уснуть, иначе мне не дожидаться завтрашнего дня. Когда придет тот мальчик,

я оставляю его у себя, чтобы он выучил меня плавать и делать все, что делают другие мальчики, у которых нет денег.

С этими словами Реджинальд повернулся лицом к стене, но тотчас снова окликнул мать:

— Мама, я закрою глаза, чтобы вы не уговорили меня принять еще какое-нибудь лекарство. Лучше отдайте мою микстуру тому мальчику, когда он придет. Ведь он пробыл в воде не меньше меня!

Глава V

Про то, что произошло в доме Лоренцев

Когда миссис Лоренц пообещала своевольному сыну послать за чистильщиком обуви, она не знала, что ее племянник, Чарльз Лоренц, уже пригласил мальчика к себе на следующее утро.

В назначенный час на парадной лестнице раздался резкий, непривычный звонок, беспокоивший Тиммона, слугу Лоренцев. Поспешно отворив дверь, он, к своему негодованию, увидел перед собой двух скромно, но чисто одетых мальчиков.

Не дожидаясь замечания за слишком нетерпеливый звонок, Джим объяснил ему причину

своего прихода. Тиммон уже слышал от прочей прислуги, что маленький хозяин решил обзавестись живой игрушкой в лице какого-то чистильщика обуви. Догадавшись, что один из стоявших перед ним мальчиков и есть то самое лицо, он с высокомерной насмешкой обратился к вошедшим с вопросом:

— Неужели вы пришли пешком? Разве мистер Лоренц не послал за вами экипаж?

— Наша коляска осталась там, за углом, — без запинки ответил Джим, подразумевая виденную им по пути ломовую телегу.

— Растрезвонились на все парадное! Могли бы явиться и с черного хода... — презрительно проворчал Тиммон.

— А на кой нам дверь для прислуги? Мы пришли увидеться с мистером Лоренцем, а не с его холоуями, — незамедлительно последовал дерзкий ответ.

В этот момент на верхней площадке лестницы показался Чарльз Лоренц. Пригласив мальчиков в гостиную, он, извинившись, оставил их ненадолго одних, мимоходом шепнув слуге:

— Два-десять, Тиммон.

— Слушаюсь, сэр! — отозвался тот и занял позицию в дверях комнаты.

Чуткий слух Джима тотчас уловил этот шепот, и лицо его побагровело от негодования.

Вернувшись через несколько минут, молодой джентльмен объявил мальчикам, что его кузену

– Растрезвонились на все парадное! Могли бы явиться и с черного хода... – презрительно проворчал Тиммон.

доктор еще не разрешил выходить из своей комнаты и потому мистер Реджинальд будет очень рад видеть их у себя.

— Позвольте сказать вам пару слов, мистер Лоренц, прежде чем я сделаю еще хоть шаг в этом доме, — проговорил Джим, дрожа от гнева. — Знайте: я ни разу в своей жизни ничего не украл.

— Да разве я обвиняю тебя? — спросил мистер Лоренц, краснея в свою очередь.

— Да. Вы велели своему вышитому галунами холую не спускать своих двух глаз с моих десяти пальцев. Я не хуже вас понимаю, что значит «двадцать».

— Прошу у тебя извинения, — смутился молодой джентльмен. — Видишь ли, к нам приходит много чужих людей, и мы должны соблюдать осторожность. Здесь много дорогих вещей...

И мистер Лоренц указал на расставленные по всей гостиной драгоценные безделушки.

— Мне не нужны ваши цацки, — с презрением ответил Джим, тяжело переводя дух. — Даже если бы я умирал с голоду, а они были хлебом, я и тогда бы не дотронулся до них!

— Я уверен, что мы понимаем друг друга, — примирительно заметил мистер Лоренц, сожалея, что напрасно заподозрил мальчика. — Мне жаль, что я не отнесся с полным доверием к такому хорошему человеку, как ты. Но, видишь ли, этот дом не мой, я здесь только вроде управляющего и должен смотреть за всем.

– Хорошо, мистер Лоренц, – сказал Джим, успокаиваясь. – Когда вы придете в гости ко мне, можете брать все, что хотите, только не трогайте моей чести.

В эту минуту сверху раздался повелительный детский голос:

– Чарли, иди же скорей! Я жду тебя целый час!

– Слышите, это нас зовет мистер Реджинальд, – заметил молодой джентльмен и вместе с мальчиками стал подниматься по мраморной лестнице.

– Я очень рад, что ты пришел, и хочу поблагодарить тебя за то, что ты вытащил меня из воды! – радостно приветствовал Реджинальд Джима. – Ты, верно, прочел мое объявление в газете?

Миссис Лоренц сидела в сторонке и, глядя на мальчиков, с недовольным видом прикусывала себе нижнюю губу.

– Нет, – ответил Джим спокойно, не обращая никакого внимания ни на роскошную обстановку вокруг, ни на недовольство хозяйки дома.

– Значит, ты сам отыскал меня? – самоуверенно спросил Реджинальд.

– Нет, на это у меня нет времени: я отыскиваю только своих клиентов. Мистер Лоренц пригласил меня прийти сюда, и я думал, что у него есть для меня дело.

– Но вот тут в газете «Герольд» напечатано мое объявление, хотя доктор написал его не так,

как я ему говорил. Знаешь, мама хочет вознаградить тебя!

— Я не беру денег за то, что умею плавать, — грубо отрезал Джим.

— Но я хочу, чтобы ты научил меня плавать.

— Тогда тебе придется брать уроки в домашней ванне, Реджинальд, — вмешалась в разговор миссис Лоренц.

Мальчик, как ужаленный, повернулся к матери.

— Ну нет, мама, этого не будет! Я буду купаться в заливе и нырять с лодки, как делают другие мальчики!

Миссис Лоренц оцепенела от страха, ее словно окатило морской волной.

— О, мой ненаглядный Реджинальд! — воскликнула она. — Если ты непременно хочешь иметь при себе чистильщика обуви, так возьми того, маленького: он красивый и, кажется, кроткий.

— Я возьму себе такого, какого хочу! — резко ответил мальчик. — Как тебя зовут? — обратился он к Джиму.

— Джим Трейси.

— Вот такого-то мне и надо, как Джим Трейси.

— Вы останетесь мной довольны! Я вам отлично вычищу сапоги, — заметил Джим, думавший только о своем деле.

— Мои сапоги не надо чистить, — возразил Реджинальд, выставя вперед ногу, обутую в лаки-

рованный сапожок. — У нас найдется много других дел, кроме чистки обуви!

— Реджинальд! — воскликнула миссис Лоренц, желая остановить сына.

— Мне все наскучило, да и тебе, должно быть, тоже порядком надоело чистить сапоги. Поэтому ты останешься при мне и будешь учить меня делать то, чего я не умею.

— Вот тебе раз! Я смотрю, вы хорошо научились только одному делу, а именно, ездить... на других, — заметил Джим колко.

— О, да! — возразил с живостью Реджинальд, не поняв насмешки. — У меня уже есть настоящая лошадка, но она мне тоже надоела!

— Но я вам скажу, мистер миллионер, что вот эта лошадка не позволит вам ездить на себе! — воскликнул Джим, ударяя себя в грудь.

— Да мне этого и не надо. Я уже большой и даже не катаюсь теперь верхом на кузене Чарли. Но каждому из нас дадут по лошадке, мы будем вместе ездить верхом по парку и...

Мальчик внезапно умолк, заметив, что Джим готов прыснуть со смеху.

— Разве ты не хочешь жить со мной и одеваться, как я? — с изумлением спросил Реджинальд, оглядывая свой роскошный костюм.

— Я еще не обезьяна шарманщика! — расхохотался Джим.

— Ах, вот что!.. Ну, тогда я буду одеваться, как ты!

— Реджинальд, тебе пора принять лекарство, — заметила миссис Лоренц, доставая микстуру.

— Ну вас с вашим лекарством! — вспыхнул мальчик. — На самом интересном месте вдруг бросай все и принимай вашу противную микстуру... Ах, я хотел бы лучше умереть! — добавил Реджинальд сквозь слезы.

— Вы, миллионер, умереть?! — с усмешкой спросил Джим.

— Я всегда был только миллионером, — хмуро ответил Реджинальд, подавленный своим горем.

— Вот нашли о чем горевать! — снова расхохотался Джим. — Скажите только слово, и тотчас найдутся люди, которые охотно избавят вас от этой обузы!.. Но, прощайте, мне некогда терять с вами время! — и Джим повернулся, чтобы уйти.

— Погоди, Трейси. Где ты живешь?

— Нигде.

— Как нигде? Куда же почтальон приносит тебе письма?

— Я никогда не получаю писем.

— Разве твои друзья не пишут тебе?

— У меня нет друзей, кроме него, — ответил Джим, указывая на Джейми.

— Ну, так я буду твоим другом! И буду писать тебе письмо. Только скажи куда!

— Если вы вздумаете когда-нибудь послать мне письмо, то адресуйте его Патрику Мерфи, в Главное полицейское управление.

— О Боже! — ужаснулась миссис Лоренц. — Ради Бога, Чарли, отдай скорее этим мальчикам

деньги и выпроводи их отсюда. Скажи Энн, чтобы она отвела их в буфетную и велела Энтони накормить их. Кроме того, — обратилась она к Джиму, — вам дадут с собой хорошей еды и целый узел с поношенным платьем Реджинальда.

— Не беспокойтесь, сударыня, — гордо вскинул голову Джим. — Мы не берем милостыни. Мы сами зарабатываем деньги и честно платим за свою одежду и еду!

Мистер Лоренц проводил мальчиков вниз и сунул в руки Джима толстый бумажник со словами:

— Это тебе и твоему маленькому помощнику, которому следовало бы сидеть в школе, а не топтать улицы. Прощайте!

И прежде чем Джим успел ответить, дверь за ними захлопнулась, и мальчики очутились на улице.

Глава VI

Про кислое и сладкое и про полученный бумажник

Джейми с сожалением оглянулся на прекрасный дом, из которого они только что вышли.

— Эх, вот бы нам жить там!.. — произнес он с глубоким вздохом.

Джим резко обернулся и сурово взглянул на своего маленького товарища, которого вел за руку. Он сильно привязался к этому милому беспомощному ребенку, заброшенному судьбой в его одинокую жизнь. Сердце его сжалось при мысли о том, что он не может сделать для малыша того, что подсказывало ему его доброе сердце и чего требовала нежная натура Джейми.

— Ты хочешь пойти туда и сделаться обезьяной этого избалованного мальчишки?.. Уже надоело чистить сапоги? Хочешь бросить меня?

— О нет, Джим! — воскликнул Джейми, крепко ухватившись за руку своего друга. — Но ведь было бы хорошо, если бы мы жили там вместе!

— Ну нет, только не для меня! — ответил Джим. — Там совсем нет воздуха, я чуть не задохнулся. Весь дом — точно могила какая, даже никаких звуков с улицы не слышно. По всем комнатам так и несет духами, а от этих огромных занавесей прямо дух захватывает. Неудивительно, — продолжал Джим, — что этому Реджинальду становится душно!.. Видел, как его вырядили? Точь-в-точь как рождественскую куклу!

— А по-моему, он очень красив, — возразил Джейми. — Жаль только, что он совсем не говорил со мной...

— Немудрено. Видишь ли, ему нужна перемена: он хочет кислого, а ты сладкий. Ну а я кислый, вот он и пристал ко мне!

— Но мне он все-таки понравился, — настаивал Джейми. — Он такой... хороший...

– А я плохой? – задиристо спросил Джим, задетый за живое впечатлением, произведенным на Джейми маленьким миллионером.

– Нет, что ты! Ты не плохой, Джим, ты тоже хороший. И если тебя хорошо одеть, ты даже будешь красив.

– Разве я плохо одет? – почти крикнул Джим.

– Но все-таки не так красиво, как он, – признался Джейми.

– Значит, по-твоему, я был бы красив в красной бархатной одежде и с длинными локонами? – презрительно спросил Джим.

– Да, но он не работает в этой одежде, – заметил Джейми.

– Куда ему работать! Он знай себе только приказывает да, засунув руки в карманы, смотрит, как другие выполняют его распоряжения.

– А отчего он так невежливо говорил со своей мамой? Наверное, он был сердит на нее? Да?

– Должно быть, так. Видишь ли, он бесится, что его заставляют принимать так много лекарств, и начинает брыкаться, как лошадка, потому что ему надоело быть на привязи у матери. По-моему, мальчик должен быть мальчиком, если он хочет когда-нибудь сделаться мужчиной, – убежденно продолжал Джим. – Было бы хорошо, если бы он взял тебя к себе...

– Разве ты хочешь отделаться от меня, Джим? – спросил сквозь наворачнувшиеся слезы Джейми.

— Нет, ни за что! Я не променяю тебя на всех щеголей на свете, — ответил Джим решительно. — Я это только так сказал...

Когда они добрались до нижней части города, было уже поздно приниматься за работу. К тому же Джейми очень устал, и потому Джим решил идти домой и лечь спать пораньше. Банк был уже закрыт, и бумажник с деньгами пришлось поневоле оставить у себя до следующего утра.

— Давай-ка посмотрим, сколько тут? Пятерка или десятка? — сказал Джим, открывая дома бумажник. — Господи! Да тут целых десять десятков! — воскликнул он, вытаращив глаза от удивления и перебирая новенькие хрустящие бумажки. — Видно, мистер Лоренц ошибся и дал мне не тот бумажник!..

Первой мыслью Джима было немедленно отнести деньги обратно и таким образом исправить предполагаемую ошибку, но, взглянув на раскрасневшееся и утомленное личико растянувшегося на соломе Джейми, он отложил и это дело до утра. Однако же сумма была слишком велика, чтобы оставлять ее в их ненадежном убежище, и Джим решил отнести деньги на сохранение своему хорошему другу, дюжему молодому полисмену Патрику Мерфи.

Они познакомились в то время, когда Джим только поселился на складском дворе. Дружба их началась с маленькой ссоры, когда полицейский потребовал, чтобы Джим переехал на другую квартиру.

— Здесь жить нельзя, — говорил полисмен, — ты должен поселиться в общежитии для чистильщиков обуви!

— На это у меня нет лишних денег, — честно ответил ему Джим.

— Так вычисти мне сапоги, я тебе заплачу, — сказал Мерфи.

Джим вычистил сапоги и получил деньги.

— Ну, теперь убирайся отсюда! — прикрикнул полисмен.

— Не горячись, служивый, — возразил Джим, — помнишь, ты однажды говорил мне, что когда-то сам был бедным мальчиком? Значит, ты должен знать, как нелегко нам живется. Отчего ты не хочешь позволить мне остаться здесь?

— Оттого, что ты подожжешь двор своими спичками и окурками сигар.

Вместо ответа Джим засунул руки в штаны и вывернул свои грязные карманы.

— Видишь, у меня нет ничего: ни спичек, ни окурков! — ответил он.

— Но ты будешь зажигать свечку или лампу и шуметь со своими товарищами.

— У меня нет товарищей, только клиенты, — возразил Джим. — И баловаться мне тоже некогда: я только работаю и сплю.

— Разве ты никогда не бываешь... ребенком? — спросил полисмен, против воли залюбовавшись энергичным мальчуганом.

— Мне некогда быть ребенком. Я жду, пока разбогатею...

Некоторое время полицейский зорко следил за мальчиком, но скоро убедился, что тот держит свое слово. Тогда он оставил Джима в покое, предоставив ему жить в берлоге на задворках.

Мерфи охотно принял бумажник на хранение, когда узнал, каким образом мальчику достались такие крупные деньги.

— Я приду за ними завтра утром, — сказал ему Джим, уходя, и, вернувшись в свою каморку, вытянулся рядом с Джейми под старой попоной и вскоре заснул спокойным, счастливым сном.

Глава VII

Про французские глаголы и золотые локоны

После невольного купания в заливе за Реджинальдом стали зорко следить днем и ночью. Перед сном ему аккуратно подавалось лекарство, и в доме соблюдалась полнейшая тишина. Гувернантка затаив дыхание на цыпочках ходила по толстым коврам, а миссис Лоренц отдавала приказания касательно комфорта своего сына таким тихим шепотом, что казалось, он исходил от какого-то привидения. Лампа с золоченой под-

ставкой освещала мягким полусветом великолепно убранную комнату.

Мальчик лежал на пуховой подушке, раскидав по ней свои длинные золотистые локоны. Его белоснежные ручки покоились на шелковом одеяле, а балдахин из газового тюля еще более приглушал и без того слабый свет лампы. Над изголовьем кровати красовался тонкой резьбы ангел-хранитель с распушенными крыльями, под которыми находилась изящная надпись с инкрустацией: «Он дарует сон своим избранным».

Рядом с кроватью на бронзовой табуретке лежали принадлежности утреннего туалета: маленький атласный халат, шелковые чулки и вышитые золотом туфли. Позади открытых портьер алькова* виднелась кровать преданной гувернантки, которой было наказано не смыкать глаз во время сна ее дорогого питомца. Сама миссис Лоренц находилась в соседней комнате и строго следила за точным исполнением ее приказаний.

Ночь прошла спокойно, и только спустя пять-шесть часов после того, как Джим и Джейми успели заработать и съесть свой завтрак, Реджинальд открыл глаза навстречу прекрасному летнему дню.

Мадемуазель Кларет была все время настороже и, как только мальчик проснулся, пожелала ему доброго утра и спросила по-французски, не угодно ли ему встать.

* А л ь к ó в – углубление, ниша в стене, где стоит кровать.

– Угодно! – кивнул ее подопечный.

– Будьте любезны отвечать мне по-французски.

– Я буду отвечать вам по-французски только тогда, когда захочу, – последовал ответ.

– Но, мистер Реджинальд, ваша мама желает, чтобы вы говорили со мной по-французски.

– Я не француз, и вы, мадемуазель, не делаете из меня француза.

– Разве вы не хотите быть вежливым? Этого все от вас ожидают.

– Вы вечно ожидаете чего-то, мадемуазель. Отчего бы вам не подождать, когда оно само явится?

– Вы огорчаете меня, мистер Реджинальд.

– Огорчаю? А вспомните-ка, мадемуазель, сколько раз вы огорчали меня своими несносными французскими глаголами!

– Это делалось ради вашей пользы.

– Я всю жизнь делал все ради своей пользы, теперь же я буду...

– Нет, нет, мистер Реджинальд, – прервала его гувернантка, – не говорите ужасных вещей, будьте хорошим мальчиком!

– Что с тобой, мой милый? – спросила миссис Лоренц, поспешно входя в комнату. – Мадемуазель, ведь я вам велела никогда не спорить с Реджинальдом.

– Но, мама, мадемуазель и не спорила со мной, это я спорил с ней! – возразил маленький тиран.

– Ты не должен волноваться, мой дорогой! Доктор Кемпер говорит, что это вредно для твоего здоровья.

– Мама, – спросил вдруг Реджинальд, – а доктора долго живут?

– Какой странный вопрос! Они живут так же долго, как и другие люди, друг мой.

– Как бы я хотел, чтобы доктору Кемперу было лет сто...

– Что ты хочешь этим сказать, Реджинальд? Тебе надоел наш добрый доктор?

– Да, мама, очень надоел!

– Ты хочешь другого?

– Да, мама, я хочу, чтобы у меня был *мертвый* доктор!

Миссис Лоренц не нашла удобным продолжать этот разговор и послала гувернантку проверить температуру воды в ванне, приготовленной для мальчика. Ванна оказалась готова, и маленький джентльмен предложил матери удалиться из комнаты.

– Ты сама знаешь, мама, какая ты беспокойная, – сказал он, – а я едва выношу около себя даже мадемуазель.

– Только не оставайся слишком долго в воде, дорогой, и не замочи свои локоны. Да не забудь потом, как выйдешь из ванны, сейчас же надеть туфли, – наказывала ему мать, уходя.

– Ну, мадемуазель, теперь вы тоже можете идти, – мальчик повелительным жестом указал гувернантке на дверь.

– Боюсь, вы, пожалуй, еще утонете в ванне, – заметила француженка с тревогой, покорно направляясь к выходу.

Остановившись за дверью, она приложила ухо к замочной скважине и скоро услышала, что ее воспитанник начал плескаться в воде.

Через некоторое время она снова подошла к двери, за которой все еще раздавался плеск воды.

– Доктор запретил вам оставаться в ванне дольше десяти минут! – с беспокойством крикнула она своему питомцу.

– Мой доктор умер и не может теперь ничего запрещать! – послышалось из-за двери.

– Ваша мама говорит...

– Моя мама говорит то, что думает мой новый доктор! – крикнул мальчик.

И в ванной комнате наступила тишина.

– Мистер Реджинальд! Мне страшно! Ради Бога, впустите меня! – закричала гувернантка.

Ответа не последовало.

– Мэм, мэм! – закричала мадемуазель Кларет в испуге. – Мистер Реджинальд не отвечает! Я боюсь за него!

На крик прибежала миссис Лоренц и стала умолять сына отворить дверь. Наконец задвижка щелкнула, дверь распахнулась, и обе женщины увидели Реджинальда среди груды лежавших на полу золотистых локонов. Ножницы в руках мальчика служили явной уликой совершенного им преступления.

Ножницы в руках мальчика служили явной уликой
совершенного им преступления.

– Реджинальд, дитя мое! Что ты наделал? – всплеснув руками, воскликнула миссис Лоренц при виде остриженной и взъерошенной головы своего любимого чада.

– Джим Трейси не носит локонов! – коротко и твердо ответил мальчик.

– О, эти прекрасные локоны! – воскликнула гувернантка с сожалением.

– О, эти прекрасные локоны! – повторил, передразнивая, мальчик и, схватив свой бархатный костюм, с презрением швырнул его в ванну.

– О, это прекрасное пунцовое платье! – совсем оторопела гувернантка. – Вы ужасный мальчик!

– Зато теперь я избавился от этой мартышкиной одежды и этих противных локонов, – злобно заметил Реджинальд. – Если вам снова захочется вырядить меня обезьяной, лучше уж сразу повесьте меня на стену гостиной рядом с прочими вашими побрякушками!

– Это ужасно! – простонала миссис Лоренц и, обращаясь к гувернантке, указала на лежащие на полу локоны. – Подберите их. Я думаю, мне придется вас уволить, мадемуазель Кларет: вы не можете больше справиться с Реджинальдом.

Бедная гувернантка побледнела и молча вышла из комнаты, а из-за двери немедленно раздался гневный голос мальчика, прозвучавший в ушах француженки чудесной музыкой:

– Ты тоже не можешь справиться со мной, мама! Однако я все-таки тебя до сих пор не отсылал прочь!

Миссис Лоренц залилась слезами.

– Мама, мама, прости своего гадкого Реджинальда! – воскликнул мальчик, бросаясь на шею матери. – Мне очень жаль, что я заставил тебя плакать. Я постараюсь исправиться. Но ты должна оставить мадемуазель Кларет!

– Но зачем ты остриг свои чудесные локоны, Реджинальд? Ведь я хотела заказать твой портрет вместе с Вилли Сондерсом, и вы на нем вышли бы как два маленьких принца!

– Маленькие принцы гораздо счастливее меня, мама! – печально заметил Реджинальд.

– Что же мне сделать для тебя, чтобы ты был счастлив, дитя мое? – спросила со слезами на глазах нежная мать, прижимая мальчика к груди.

– Ради Бога, мама, не делай ничего. Просто оставь меня в покое, и я буду очень счастлив! – честно ответил мальчик.

Глава VIII

Про вторичный визит и неправильный завтрак

Поднявшись рано утром и уже позавтракав, наши чистильщики обуви отыскиали полисмена Мерфи и забрали у него бумажник, чтобы вернуть владельцу.

Подойдя к парадной лестнице, Джим остановился в нерешительности: ему не хотелось встречаться с надменным Тиммоном, который обязательно стал бы расспрашивать их о цели визита.

Но в тот момент, когда мальчик уже решил нажать кнопку звонка, дверь отворилась и на пороге показался Чарльз Лоренц. Он удивленно взглянул на мальчика, но Джим, нисколько не смущаясь, вынул из кармана бумажник и подал его молодому джентльмену.

— Вы ошиблись, мистер Лоренц, — сказал он, — и, видно, не заметили, что дали мне сто долларов.

— Нисколько, — возразил молодой джентльмен, — моя тетушка назначила тебе именно такую сумму.

Мальчик с удивлением уставился на него.

— По сравнению с тем, что ты сделал для Реджинальда, это мелочь, Трейси.

— Но мне не нужна награда. Я сделал бы то же самое и для собаки!

— Ты странный мальчик, раз отказываешься от денег, когда их тебе дают, — заметил мистер Лоренц, с любопытством оглядывая Джима.

— Я не привык получать подачки, я сам зарабатываю себе на хлеб!

— Но ведь ты же нуждаешься в деньгах? Открой счет в банке. Ты знаешь, что это такое?

Вместо ответа Джим вынул из кармана свою грязную банковскую книжку и велел Джейми сделать то же самое.

«Джеймс Грей, один доллар», — прочел мистер Лоренц.

— Я вижу, ты умеешь беречь деньги, — заметил он Джиму, возвращая Джейми его «финансовый документ», — значит, у тебя уже есть маленький запасец на черный день.

Молодой джентльмен кивнул мальчикам головой и отправился на службу, а Джим со своим маленьким другом пошли на поиски работы. Завернув за угол прекрасного дома миссис Лоренц, Джейми вдруг заметил в окне большую клетку, в которой среди роскошных цветов порхали птички.

— О, Джим, взгляни-ка сюда, какое чудо! — воскликнул Джейми, бросаясь к окну.

Джим последовал за ним и тоже залюбовался птицами...

В это утро Реджинальда одели в прекрасный новый костюм, и мадемуазель Кларет смиренно упрашивала своего питомца не мять и не пачкать новой одежды. Вместо ответа мальчик бросился на пол и принялся валяться и брыкаться, как резвая лошадка, только что выпущенная на пастбище.

— О, мистер Реджинальд, вы испортите ваш великолепный костюм! — воскликнула гувернантка, не зная, что ей делать.

— Да, мадемуазель, и буду делать это до тех пор, пока мне не дадут такую одежду, какую я хочу! И я запрещаю вам говорить со мной на вашем противном французском языке.

– Но что же мне делать, сэр? Вы не позволяете мне говорить по-французски, а ваша мама недовольна, когда я говорю с вами по-английски. Как мне угодить вам обоим?..

– Я вам скажу, как вы можете угодить мне, а на маму просто не обращайтесь внимания, – сказал Реджинальд.

– И чем же я могу угодить вам, сэр? – спросила гувернантка, обрадовавшись случаю снискать расположение воспитанника.

– Исполняйте все, что я вам приказываю, и не делайте того, что я вам запрещаю. И не мешайте делать, что мне вздумается, – присовокупил Реджинальд.

– Хорошо, сэр. Может быть, вам теперь угодно еще немного побрыкаться на полу? – предложила гувернантка совершенно серьезно. Она решила проверить, какое впечатление произведет на ее своевольного воспитанника готовность ему потакать.

– Нет! Если вы хотите, чтобы я повалялся, то я нарочно не сделаю этого. А если вы не хотите, так я сейчас же опять брошусь на пол.

– Вам трудно угодить, сэр, вы просто невозможны и доведете меня до седых волос.

– Нет, этого я не сделаю, мадемуазель. Вы можете быть спокойны насчет ваших красивых черных локонов. Но я ужасно голоден, и вы можете отвести меня к завтраку.

Мадемуазель Кларет пришла в восхищение от столь разумного пожелания своевольного вос-

питанника и тотчас провела его в столовую, на одном из окон которой как раз и находилась клетка с птицами.

Время общего завтрака уже прошло, и прекрасно сервированный стол, уставленный серебром и свежими букетами, ожидал лишь маленького джентльмена. Реджинальд сел за стол и, болтая ногами, смотрел с недовольным видом на поданные блюда.

— Тут нет ничего вкусного! — заметил он, надув губки.

— Что вы, сэр! Чем же нехороши поджаренный цыпленок, земляника со сливками и кофе со свежей булкой?

— Вы говорите в точности, как доктор Кемпер говорит о «вкусном» лекарстве, — передразнил он гувернантку. — Но все это совсем невкусно!

В это время в столовую вошла миссис Лоренц. Она обычно присутствовала при завтраках сына, чтобы следить, подаются ли ему надлежащие блюда и ест ли он столько, сколько нужно.

— Скажи мне, что ты хочешь к завтраку, дорогой? — спросила она мальчика.

— Я хочу жаренной на рашпере* утки и гречневых лепешек, — ответил мальчик.

— Но ведь теперь не время этим кушаньям, мой милый, — заметила мать.

— Тогда дайте мне перепелку на жареном хлебе.

* Р а ш п е р — решетка для жарения.

– Перепелок тоже не едят в это время, Реджинальд.

Мальчик с шумом выскочил из-за стола и хотел было выбежать из комнаты, как вдруг лицо его просияло: он заметил две удалявшиеся от окна знакомые фигуры.

– Стой! Стой! – закричал он. – Мама, пошли скорей за ними Тиммона. Это Джим Трейси! Я не съем ни одной крошки, если ты не позволишь ему прийти сюда.

Миссис Лоренц тотчас приказала слуге привести мальчиков в столовую.

– Вероятно, он хочет еще денег! – пробормотала она, когда Реджинальд, выбежавший на парадную лестницу, вернулся с обоими мальчиками.

– Ты пришел ко мне в гости, Джим? – обрадованно спросил Реджинальд.

– Нет, и не думал, – пожал плечами Джим. – Я приходил возвратить деньги.

– Разве тебе показалось мало? – спросила миссис Лоренц.

– Нет, я думал, вы по ошибке дали мне так много, – пояснил Джим.

– Тут не было ошибки. Я дала тебе сто долларов.

– Ведь это безделица, Трейси! – воскликнул Реджинальд. – Я думаю, моя лошадка стоит дороже. Мама, если он не хочет брать денег, купи ему тоже маленького пони... Ах, вот еще что: не хотите позавтракать со мной? – воскликнул

Реджинальд, вспомнив, что он голоден. — Я не хочу земляники.

— А я очень люблю ее, — скромно признался Джейми, не сводя глаз с ягод. — Только мне очень давно не доводилось ее есть...

— Так садись рядом со мной и ешь! Мама, вели, пожалуйста, принести еще жареных цыплят для Трейси!

— Я уже завтракал, — возразил Джим, — и не хочу цыплят. Я наелся колбасы.

— Знаешь ли, доктор Кемпер говорит, что весенние цыплята очень хороши и питательны, — уговаривал несговорчивого чистильщика Реджинальд, приводя, незаметно для самого себя, доводы своей матери.

— Мне не нужен доктор, который указывал бы мне, что я должен есть, когда голоден, — возразил Джим, вместе с Джейми следуя за миссис Лоренц в прихожую, куда она пригласила их знаком.

— Прошу вас немедленно уйти, — сказала она тихим голосом. — Я не сомневаюсь, что вы хорошие мальчики, но не могу допустить, чтобы Реджинальд волновался, и не хочу, чтобы вы приходили сюда.

— Будьте спокойны, мэм, — отрезал Джим, — мы сюда больше не придем. Но если ваш младенец опять упадет в воду, вы тоже не волнуйтесь.

В эту минуту на верхней площадке лестницы показался Реджинальд. Полагая, что мать отвела Джима в сторону только затем, чтобы увеличить

его вознаграждение, он с минуту прождал в столовой, а затем бросился в переднюю и оттуда на лестницу. Увидев уходящих мальчиков, он вспыхнул от досады и принялся звать их назад.

Джим не обратил никакого внимания на его настойчивые крики. Оглянувшись через какое-то время, он увидел, что Реджинальд стоит на пороге и, весь красный от гнева, топает ногами.

Глава IX

Про бой часов и китайскую вазу

Заботы миссис Лоренц о счастье и здоровье сына достигли размеров, походивших на преследование. Она зорко следила за каждым его шагом, контролировала каждое его движение. Похоронив мужа, она пуще глаза берегла единственного наследника и с помощью всевозможных агентов, доктора и гувернантки руководила его воспитанием.

Жизнь мальчика походила на заведенный механизм: все дни были точно расписаны по часам и ничем не отличались один от другого. Немудрено, что ребенку до тошноты наскучило это невыносимое однообразие, и он зачастую отказывался подчиняться требованиям своих воспитате-

лей, в особенности, когда бой часов возвещал о начале новых занятий.

Однажды в ненастную погоду Реджинальд в обычный час прогуливался вместе с учительницей по крытой стеклом веранде в южном флигеле. Уроки давались мальчику большей частью на французском языке и составлялись как можно легче и привлекательнее, чтобы не слишком утруждать маленького джентльмена. К концу урока он очень заинтересовался одной французской басней... и вдруг послышался бой часов, а вслед за тем и голос матери, напоминавшей, что пора принять лекарство и садиться в ванну.

— Знаете, мадемуазель, когда я вырасту, я никогда не буду делать того, что мне не нравится! — сказал мальчик, нехотя следуя за гувернанткой.

— Чего же вы не будете делать, сэр?

— Я не буду принимать ванны.

— Как можно, сэр! Тогда вы будете ходить грязным.

— А еще я не буду пить лекарства.

— Тогда вы умрете.

— И разобью все часы в доме!

— Тогда вы не будете знать, когда ложиться спать, когда обедать и когда заниматься.

— Я не желаю знать, в какой час что делать! Я буду поступать так, как мне нравится, и заставляю часы и всех других тоже делать то, что я хочу.

— Тогда вы будете нехорошим мальчиком, сэр, и ваша мама будет очень несчастной.

— О, мама и так несчастна, — ответил с живостью Реджинальд, — так что ничего не изменится!

— Значит, вы не хотите, чтобы она была хоть один день счастлива, сэр?

— Но как же мне это сделать? — спросил со вздохом Реджинальд.

— Просто всегда слушайте маму, сэр.

— А вы думаете, мне приятно принимать лекарство, когда я совершенно здоров, и бросать интересный урок, когда пробьют часы? И все это только для того, чтобы принимать по сотне ванн в день!

— Сэр!.. — заметила с укором гувернантка.

— Ну, хорошо, я хотел сказать: одну или две ванны, — поправился Реджинальд, любивший говорить правду.

— Это делается ради вашей пользы и чтобы сделать вас лучше, чем вы есть, сэр.

— Разве я такой нехороший, мадемуазель?

— Нет, нет, это не так. Но все ожидают, что вы, как богатый мальчик, сделаетесь еще лучше.

— Тогда я не хочу быть богатым, мадемуазель. Бедные мальчики, наверное, живут лучше меня.

— Да вы же совсем не знаете, сэр, как живут бедные мальчики!

— Почему вы так думаете? Я знаю мальчика слепого торговца — он целый день стоит на углу с маленькой собачкой, мы часто видим его, когда едем мимо. Я знаю сына шарманщика — он всегда собирает медные деньги в чашку. Еще я знаю

маленького сына нашего кучера, он часто делает пирожки из песка в нашем саду.

— И вы хотели бы быть таким же, сэр?

— Не знаю. Но мне хочется выйти на улицу и ходить в школу, как делают другие мальчики.

— Но ведь там вы непременно заразитесь какой-нибудь болезнью, сэр! — в ужасе воскликнула гувернантка.

— Ну и что? Ведь я же принимаю столько лекарств! Разве они не вылечат меня? А еще эти ванны!

В эту минуту в комнату вошла опрятно одетая женщина с небольшой корзинкой в руках и, низко поклонившись мальчику и гувернантке, оставилась у порога.

— Ах, вот и миссис Дове! Вы пришли сметать пыль с наших вещей? — обрадовался Реджинальд и попросил гувернантку: — Пойдемте смотреть, мадемуазель, тогда мне не придется сейчас принимать эту несносную ванну...

Реджинальду всегда доставляло большое удовольствие наблюдать, с каким старанием миссис Дове исполняла свою работу, как она открывала серванты, шкафы и стеклянные витрины и вынимала оттуда разные драгоценности и редкости. За уборкой всегда надзирала гувернантка, она же выдавала ключи к шкафам и по окончании работы принимала их обратно.

Реджинальд сидел у стола, подперев подбородок ладонью, и молча следил за кропотливой

работой прилежной женщины. Рядом с ним находилась большая витрина с коллекцией редчайших китайских ваз, одна из которых особенно выделялась своей необычайной красотой. Тщательно и осторожно вытерев пыль с вазы, женщина положила ее обратно в подбитый атласом футляр и, поставив на стол, принялась за другие вещи.

Мальчик засмотрелся на прекрасное произведение искусства, и внезапно у него мелькнула мысль, что его жизнь походит на эту вазу. Недолго думая, он подошел к столу и взял вазу в руки.

Мадемуазель Кларет, увидев драгоценную вазу в руках своего неосторожного воспитанника, обомлела от страха.

— Мистер Реджинальд, ради Бога! — воскликнула она, тяжело переводя дух.

Мальчик схватил вазу за тонкое горлышко и, приподняв ее обеими руками, размахнулся, чтобы бросить на пол.

Миссис Дове оглянулась на крик гувернантки и в ужасе протянула руки, словно желая спасти вазу.

— Нет!.. Ради всего святого... — прошептала она.

Но Реджинальд продолжал размахивать вазой как колоколом.

Гувернантка бросилась на колени перед своим строптивым воспитанником.

Реджинальд подошел к столу и взял вазу в руки.

— Отдайте мне ее! Отдайте! И я сделаю все, что вы захотите! — умоляла она задыхающимся голосом.

Но Реджинальд оставался глух и слеп и продолжал с угрожающим видом размахивать драгоценной вазой. И вдруг до его слуха донесся тяжелый стон, а вслед за тем и шепот:

— Если он разобьет вазу, мы с дочерью лишимся последнего куска хлеба...

Оглянувшись, маленький тиран увидел позади себя миссис Дове. Бедная женщина стояла, закрыв лицо руками, и тихо плакала.

Реджинальд молча положил вазу в футляр и, подойдя к женщине, отвел ее руки от лица.

— Что вы сейчас сказали про хлеб? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Ваза!.. — прошептала она в ответ. — Что вы с ней сделали?

— Ничего, — отмахнулся Реджинальд, не понимая ее волнения. — Так что вы только что говорили про хлеб? Почему последний кусок? Ведь во всех булочных сколько угодно хлеба и пирожных!

— Прежде чем купить хлеб, я должна сначала заработать деньги, — проговорила миссис Дове и с облегчением перевела дух, увидев вазу на столе. — А жалованье, которое мне платит ваша матушка, составляет почти весь мой заработок...

— Я вам дам денег, сколько угодно! — воскликнул Реджинальд и сунул руки в карманы, но тотчас вынул их оттуда. — Ах, я совсем забыл, —

проговорил он смущенно, — что истратил их на серебряный ошейник для нашей собаки.

— Об этом не беспокойтесь, сэр, — заметила гувернантка, принимая ключи от миссис Дове. — Только, пожалуйста, давайте уйдем отсюда, иначе вам, пожалуй, опять вздумается что-нибудь разбить!

Уходя в другую комнату, Реджинальд услышал, как миссис Дове шепотом сказала француженке:

— Я сказала Лиззи, что вы позволили ей прийти за обрезками тканей. Да вот, она уже тут!

Реджинальд оглянулся и увидел в дверях скромно одетую девочку, у которой разбежались глаза при виде роскошной обстановки дома.

— Я сейчас принесу их, Лиззи, — сказала гувернантка, направляясь к дверям. — Не хотите ли, миссис Дове, пока показать дочке все эти красивые вещицы?

Лиззи Дове оказалась красивой черноглазой девочкой с выразительным личиком. Она с первого взгляда понравилась Реджинальду, наблюдавшему за ней из дальнего угла. С нескрываемым удивлением она смотрела на роскошно обставленную прихожую, на великолепную мраморную лестницу с разноцветными стеклами, переливавшимися всеми цветами радуги, на чудесные картины, развешанные по стенам, на крылатого амура и снежно-белые блестящие статуи, как бы желавшие выступить из полумрака.

— Это парадная прихожая, — объясняла ей мать. — Ты бы посмотрела, Лиззи, как тут красиво, когда все освещено и играет музыка, а вся лестница уставлена цветами, и по ней поднимаются нарядные дамы в светлых атласных и шелковых платьях!

— Это просто волшебный замок, мама! Должно быть, его хозяева очень счастливые люди!

Это замечание девочки крайне озадачило Реджинальда: он не понимал, как можно удивляться таким обыкновенным вещам.

— Нет, я очень несчастлив! — сказал он, внезапно выступая из полумрака. — А разве вы не счастливы?

Лиззи вздрогнула: ей показалось, что одна из статуй вдруг заговорила и сошла со своего места.

— Как вы меня испугали! — воскликнула она, придя в себя. — Вы стояли так тихо, что я приняла вас за одну из этих красивых статуй!

— И вы не ошиблись! Я не только статуя, но и синяя китайская ваза! Не хотите ли посмотреть на нее? — спросил Реджинальд, приглашая девочку в кабинет, где хранились редкости. — Видите, какая она красивая в этой красной ткани? Совсем как я!

Лиззи посмотрела на хорошо одетого мальчика, а потом на вазу в ее роскошном футляре.

— Что вы! Вы совсем не похожи на нее! — засмеялась девочка.

— Как же не похож! Мы оба отполированы до блеска и сидим взаперти. Но я когда-нибудь разобью вазу и выпущу ее душу на волю. А потом и сам убегу!

— Что вы хотите сделать, сэр? — спросила гувернантка, поспешно входя с целой охапкой разноцветных лоскутков. — Вы хотите разбить мое сердце?

— Нет, мадемуазель, только синюю вазу!

— Уйдемте скорее из этой комнаты, — сказала француженка. — Я опасаясь за жизнь вазы. Мистер Реджинальд прикончит ее!

Глава X

Про воздушный сад Лиззи Дове

Лиззи Дове жила со своей матерью под самой крышей очень большого высокого дома, где ее дяде, привратнику, была отведена маленькая мансарда*.

Здесь, вдали от пыли, шума, уличной суеты Лиззи могла целыми днями любоваться расстилавшимся внизу городом с серебристой рекой и великолепными зданиями. Их жилище напоминало воздушный замок, и единственными

* Мансарда — жилое помещение на чердаке под скатом крыши.

соседями тут были воркующие голуби да легкокрылые ласточки. Скучать Лиззи было некогда: она день-деньской занималась своими книгами и работой.

К тому же и устроенный на плоской части крыши цветник требовал постоянного ухода: дядя девочки расставил там ящики с пышными кустами цветов и виноградной лозой. Зелень красиво обвивала кованую ограду крыши, придавая ей вид воздушного висячего сада.

Любимым занятием Лиззи было сидеть у окна и одевать своих «сироток» — так она называла сломанных кукол, подаренных ей богатыми девочками. Почти все они были сильно изуродованы и лишены кто рук, кто ног или глаз, а некоторые остались даже без головы или, как говорила Лиззи, «были совсем мертвые». Последних оставалось разве что похоронить на кладбище, устроенном девочкой для кукол. Но случалось, что порой Лиззи получала в подарок только одну головку. Тогда девочка приставляла ее к безголовому туловищу, и получалась вполне приличная кукла.

Этих кукол Лиззи собирала не для себя, а для маленьких пациентов больницы Сестер милосердия, куда она ходила раз в неделю навещать своего неизлечимо больного кузена Робби. Однажды ей удалось сделать хорошенькую куколку для больной девочки, и Робби тотчас попросил ее смастерить похожую — для другой своей приятельницы. После этого и остальные дети стали

наперебой заказывать Лиззи таких же нарядных кукол, и девочка попросила мать доставать ей лоскутки у хозяев домов, в которых ей доводилось работать.

Возвращаясь домой от миссис Лоренц, Лиззи за всю дорогу не проронила ни слова и задумчиво шла рядом с матерью.

«О, мои бедные, маленькие сиротки! — думала она о своих куклах. — Если бы у вас был такой дворец, вы жили бы как в раю, ходили бы по мраморной лестнице в светлых платьях, слушали бы музыку и любовались чудесными цветами. А потом я укладывала бы вас спать в кабинете рядом с прекрасной синей вазой. Но нет, мои бедные, несчастные куклы, куда вам жить в таком дворце с вашими разбитыми головками, сломанными носами и выколотыми глазами! Будьте довольны и тем, что с вами еще знаетсЯ наш маленький хромоЙ Иосиф, горбатая Нелли и мой бедный Робби. Нет, такая счастливая жизнь не для вас, мои дорогие!»

Весь вечер Лиззи так же задумчиво просидела над работой. Сердце ее переполняли новые нахлынувшие на нее думы: недолгое пребывание в доме миссис Лоренц оказалось важным событием в ее юной жизни.

— А знаешь, мама, — прервала она наконец молчание, — кажется, этот красивый мальчик и в самом деле несчастлив. Вот если бы я жила в таком дворце и могла бы всегда любоваться

такими прекрасными вещами, я была бы очень счастлива!

— Разве ты несчастна, Лиззи? — спросила мать.

— Ах, нет, мама! Я совершенно счастлива и сказала не подумав! Ведь со мной ты, дядя, Робби, мои дорогие куклы, мой садик и любимые книги. Я только не понимаю, отчего этот хорошенький мальчик чувствует себя несчастным, когда у него есть все, чтобы быть счастливым?

— Счастье не во внешнем блеске, дитя мое.

— Ты всегда говорила мне, мама, что только те люди счастливы, которые довольны своей долей. А по лицу этого мальчика видно, что он недоволен.

— И все-таки у него все есть, чтобы быть счастливым, — заметила миссис Дове.

— И как странно он говорит! — продолжала девочка. — Но он все-таки очень мне интересен. Ах, если бы его мама позволила ему прийти сюда! Он бы посмотрел, как мы живем...

— Мы не такие люди, Лиззи, к которым миссис Лоренц отпустит своего сына. Кроме того, он не увидит здесь ничего такого, что помирило бы его с собственной долей.

— Но знаешь, мама, если бы он пошел со мной в больницу и посмотрел там на несчастных маленьких больных, хромых, горбатых и убогих, то понял бы, как он счастлив. Ты слышала, он сказал, что когда-нибудь убежит? И отчего

это, мама, люди ищут чего-то, если у них уже все есть?

— Оттого, моя дорогая, что человек редко бывает доволен своей долей и не сознает, что не нужное добро, а добрые дела делают его довольным жизнью.

Лиззи никогда не ходила в школу, с ней занималась мать, бывшая в молодости сельской учительницей. Девочка училась очень прилежно, была не по летам любознательна, и ее жизнь в маленькой мансарде, в обществе любимой матери и баловавшего ее дяди напоминала тихий ручеек в ясный летний вечер.

Глава XI

Про красивых людей и плохие приметы

После ухода Лиззи и миссис Дове Реджинальд долгое время оставался тихим и задумчивым. Наконец он поднял голову и, взглянув на гувернантку, исправлявшую его урок по французскому, сказал:

— Девочки мне нравятся больше, чем взрослые дамы.

— Это вполне понятно, сэр, — ответила гувернантка.

– А где живет эта девочка, мадемуазель?

– Она живет в городе, сэр, высоко-высоко, под самой крышей большого дома.

– Это очень забавно. Значит, ее жилище похоже на голубятню, которая устроена у нас на крыше флигеля.

– Да, сэр, но только гораздо просторнее.

– Расскажите мне, мадемуазель: как живет эта девочка?

– Тут почти нечего рассказывать, сэр. Она живет со своей матерью и дядей в маленькой мансарде и переделывает старых кукол для больных детей.

– Мне страшно надоело все новое, я тоже хотел бы переделывать что-нибудь... Завтра утром я пойду к ней!

– Ваша матушка не позволит вам...

– Мадемуазель, я уже говорил: я буду делать, что пожелаю! – перебил ее Реджинальд.

– В таком случае вы должны желать делать только то, что хорошо, сэр.

– Неужели другие мальчики тоже желают только того, что хорошо?

– Да, если они добрые.

– А вы добрая, мадемуазель?

– Вы хотите исповедовать меня, мистер Реджинальд?

– Нет. А как зовут эту девочку?

– Лиззи Дове.

– Лиззи Дове – хорошая девочка. Знаете, мадемуазель, она очень похожа на ту девочку

у фонтана, которая нарисована на картине в нашей библиотеке.

— Вы правы, сэр, действительно похожа: у нее такие же большие испуганные глазки, как у Красной Шапочки.

— И она совсем не похожа на мою кузину: Эстель курносая, вся в веснушках и вечно боится запачкать свое платье... Скажите, мадемуазель, отчего богатые люди так некрасивы?

Разговор происходил в комнате Реджинальда, где стояло большое трюмо, перед которым мальчику приходилось вырабатывать хорошую осанку или, как говорила гувернантка, приучаться держать плечи и голову. Вместо ответа мадемуазель Кларет подвела его к зеркалу и присела в низком реверансе перед отражением красивой фигурки мальчика.

Реджинальд вспыхнул от гнева и, размахнувшись, с силой запустил в зеркало горстью стеклянных шариков. Раздался звон разбитого на тысячу кусков стекла — и красивое отражение мгновенно исчезло. Так пропадает отражение на глади тихого ручья, если в него бросить камень.

— Что вы наделали, сэр? — испугалась гувернантка. — Это ужасно плохая примета! Что я теперь скажу вашей маме?..

— Я сам скажу ей! — перебил Реджинальд, опомнившись. — Но вы вынудили меня к этому, мадемуазель! Мне надоело слушать похвалы моей

красоте и одежде. Мама! – крикнул мальчик, заслышав приближающиеся шаги матери. – Я разбил зеркало, а мадемуазель говорит, что это плохая примета!

Миссис Лоренц вбежала в комнату и в ужасе опустилась на стул.

– Реджинальд! – выговорила она, задыхаясь. – Что угодно, только не зеркало!..

– О, мама, неужели это действительно такая ужасная примета? – воскликнул мальчик, бледнея от волнения.

– Нет, Реджинальд, дело не в приметах... Меня пугает твоя вспыльчивость...

– Я больше никогда не сделаю этого, мама. Прости меня! – закричал мальчик, бросаясь матери на шею и нежно целуя ее. – Помнишь, служанка тоже как-то разбила зеркало, и ничего худого из этого не вышло!

Миссис Лоренц отвела сына в свою комнату и спросила его:

– Зачем ты разбил трюмо, Реджинальд?

– Я сказал мадемуазель, что богатые люди некрасивы, а она подвела меня к зеркалу, чтобы я посмотрел на себя. Потом, она всегда хочет, чтобы я делал так или этак, потому что это красиво, а мне надоело быть красивым, мама, и я хочу идти к Лиззи Дове, которая живет на крыше большого дома и переделывает старых кукол! – закончил Реджинальд, вспомнив о занимавшем его предмете.

— Мама! — крикнул мальчик матери. — Я разбил зеркало,
а мадемуазель говорит, что это плохая примета!

— Где ты видел эту Лиззи Дове? — спросила мать холодно.

— В нашей гостиной. Она пришла к мадемуазель Кларет за лоскутками и все время сидела тихо, пока ее мать убирала в наших комнатах. Лиззи добрая, она делает кукол для больных детей. Я тоже хочу делать что-нибудь полезное для других!

Миссис Лоренц с беспокойством посмотрела на сына. Она пыталась уяснить тайну его странного поведения и содрогнулась, вспомнив о дальнем родственнике, который умер в доме для умалишенных. Но эта мысль была слишком ужасной, и заботливая мать тотчас отбросила ее.

— Реджинальд! — объявила она внезапно, как бы вдруг поборов себя. — С этой минуты ты можешь делать все, что хочешь! Скажи мне, что ты хочешь иметь и что хочешь делать?

Неожиданное согласие матери поразило мальчика. Он задумался и, глубоко вздохнув, сказал:

— Позволь мне, мама, бегать везде, делать, что мне хочется, и прикажи слугам не смотреть за мной.

— Не смотреть за тобой, когда я только и думаю о твоём счастье и слежу за тем, чтобы для тебя все делалось?!

— Да, мама, но пусть все делается само собой. У нас все так аккуратно, по часам... Не знаю, как тебе объяснить, но я... я хочу быть совсем свободным!

По лицу миссис Лоренц катились крупные слезы.

— А я хотела, чтобы ты был абсолютно счастливи! — проговорила она, с глубоким вздохом поднимаясь с места и беспокойно шагая по комнате. — Неужели это ужасное недовольство всегда преследует богатых?..

Мальчик плелся за ней, вцепившись в ее шелковое платье, и продолжал хныкать:

— Мама, мама, я буду счастлив. Позволь мне хоть попробовать!

Миссис Лоренц наконец остановилась и, с отчаянием взглянув на сына, выговорила с трудом:

— Ну, попробуй.

Глава XII

Про поиски счастья и поиски Реджинальда

На следующее утро мадемуазель Кларет встретила Реджинальда грустным взглядом, полным молчаливого упрека.

— Ваша мама была вынуждена уехать по очень печальному делу, — сказала она.

— Мама уехала? Отчего же она не взяла меня с собой? — возмутился Реджинальд.

— Она уехала второпях и скоро вернется.

– Реджинальд, – сказал мистер Лоренц, входя в комнату, – твоя мама поехала на похороны тети Эльвиры.

Мальчик вспомнил о разбитом зеркале и испуганном взгляде гувернантки.

– Послушай, Чарли, – обратился он с тревогой к своему кузену, – неужели тетя умерла от того, что я разбил зеркало?

– Глупости, Реджинальд! Твоя тетя умерла три дня тому назад, и твоя мама тогда же об этом узнала!

– Теперь я понимаю, отчего она все время была такая скучная! – грустно воскликнул мальчик. – А я еще больше огорчал ее!

– Ваша мама простилась с вами, когда вы спали, сэр, и велела передать, чтобы вы слушались меня и своего кузена и хорошо вели себя в ее отсутствие, – проговорила француженка.

Хотя мальчик никогда не видел своей тетки и потому не мог особенно печалиться о ее смерти, он в эту минуту проникся глубоким сочувствием к горю своей матери.

– И отчего только мама не взяла меня с собой, – жаловался он, – я еще никогда не был на похоронах!

– Ваша добрая мама не хотела, чтобы вы видели, какое несчастье постигло ваших родных, – утешала гувернантка.

– А разве другим мальчикам тоже не позволяют быть на похоронах своих теток? – спросил с досадой Реджинальд.

— Иногда позволяют. Но ведь вы ищете счастья. Зачем же вам теперь так захотелось видеть несчастье?

Реджинальд промолчал. В его голове мелькнула удачная мысль.

— Мадемуазель, — обратился он кротко к гувернантке, — я хочу надеть свой синий матросский костюм.

— Извольте, сэр. Но, надеюсь, вы не намерены кататься сегодня на лодке?

— Нет, если только Чарли не вздумает кататься со мной. Я хочу затеять кое-что другое.

Гувернантка не удосужилась спросить об этом «кое-чем другом» и скоро забыла о словах мальчика. Она была рада, что ученик так прилежно сел за уроки, и втайне надеялась, что со сменой одежды переменится и его поведение.

Утро пролетело быстро для ученика и его наставницы. Но в конце урока француженке пришлось оставить мальчика наедине с книгой и выйти к ювелиру, который принес бриллианты для миссис Лоренц. Проверив драгоценности и расписавшись в их получении, мадемуазель Кларет отправилась в кабинет, чтобы спрятать украшения под замок, и по пути заглянула в комнату к мальчику. Но, к своему немалому удивлению, его там не обнаружила!

— Мистер Реджинальд! Мистер Реджинальд!

Гувернантка с громким криком бросилась в гостиную, обежала другие комнаты и наконец

спустилась в нижний этаж. Но все поиски были напрасны – мальчик исчез бесследно.

Мадемуазель Кларет обещала хозяйке не спускать глаз с ее сына, и теперь грудь француженки сжалась от предчувствия какого-то несчастья.

– Вы спрятались? Выходите, ради Бога! Я позволю вам делать что хотите! – кричала она, ломая руки, и, как безумная, бросалась из одной комнаты в другую.

На ее крик сбежалась прислуга. Обыскали весь дом, даже флигель, погреб и конюшню – но безрезультатно: Реджинальда нигде не было.

– Он пропал, и его никогда не найдут, как не находили многих других мальчиков! – восклицала мадемуазель Кларет с отчаянием.

Кухарка, сохранявшая невозмутимость среди всей этой суматохи, посоветовала француженке не откладывая ехать к мистеру Лоренцу и сообщить ему о случившейся катастрофе. И вдруг она заметила на спине гувернантки пришпиленную бумажку со следующими словами, написанными растянутым почерком Реджинальда:

«Дорогая мадемуазель!

Не пугайтесь, мама позволила мне поискать счастья.

Ваш ученик Реджинальд.

Р. S. Я расскажу вам обо всем, когда приду домой».

— Ох! — простонала мадемуазель Кларет. — Про этот случай расскажут все газеты, и я больше никогда не найду себе места!

— Мистер Реджинальд никогда не выходил один из дому, — обеспокоенно покачала головой кухарка, — и обязательно заблудится. Я сейчас же пошлю Тиммона искать его. Мальчик не мог уйти далеко.

Вошел слуга и доложил, что экипаж подан.

— Я не могу ехать к мистеру Лоренцу! — воскликнула гувернантка. — Я тоже пойду искать мальчика!

— Вам ни к чему терять голову, мадемуазель, — наставительно заметила кухарка. — Мальчик совсем не глуп, и даже если убежал, то скоро найдет дорогу домой. К тому же, поверьте мне, маленькая прогулка на свой страх и риск нисколько не повредит ему. Поезжайте спокойно и доложите обо всем мистеру Чарльзу.

Руки мадемуазель Кларет тряслись как в лихорадке, когда она надевала шляпку.

— О! — стонала она. — Почему я не обратила внимания на его слова! Он сказал, что не поедет кататься, а сделает нечто другое! Где он теперь, мой бедный мальчик?!

Воображение рисовало француженке ужасные картины несчастий, которые могли постигнуть ее воспитанника при первом же столкновении с суровой действительностью.

Банкирский дом «Лоренц и К°» был внезапно растревожен явлением хорошо одетой дамы, которая почти вбежала в контору со словами:

– Мне надо видеть мистера Лоренца! Скорее, скорее!

– Я Лоренц, – проговорил, подходя к ней, пожилой джентльмен. – К вашим услугам...

– Нет, нет, вы не тот! Мне нужен мистер Чарльз Лоренц! – воскликнула взволнованная гувернантка.

– Чарльз, – обратился пожилой джентльмен к молодому банкиру, углубившемуся в книги. – Тебя спрашивает какая-то молодая дама. Мне кажется, она слегка не в себе...

Чарльз Лоренц нахмурил брови и вопросительно взглянул на дядю.

– «Скорее, скорее!» – пояснил старший Лоренц, подражая выговору француженки.

Молодой человек тотчас догадался, что, вероятно, его спрашивает мадемуазель Кларет.

– Что случилось? Зачем она приехала сюда? – пробормотал он в недоумении, поспешно выходя в приемную, где бедная гувернантка беспокойно шагала из угла в угол, в отчаянии ломая руки.

– Он ушел, он ушел! И я не знаю куда! – воскликнула она, бросаясь у молодому Лоренцу.

– Кто ушел? Откуда ушел? – растерялся тот, всерьез опасаясь, что француженка и в самом деле лишилась рассудка. – Не Реджинальд ли?

— Да, да, да! — и гувернантка быстро и сбивчиво рассказала, как исчез ее воспитанник. — А вот и записка, которую он пришили к моему платью! — прибавила она в заключение.

— Вы не можете помочь этому делу, мадемуазель. Поезжайте домой и ждите мальчика там. Может быть, вы уже застанете его дома, а я тем временем поставлю на ноги полицию. Пожалуйста, успокойтесь, мы непременно найдем его еще до вечера! — утешал гувернантку молодой джентльмен, усаживая ее в экипаж.

— Сообщите мне в Главное полицейское управление, если мистер Реджинальд найдется, — шепнул он сидевшему на козлах Тиммону.

Несмотря на внешнее спокойствие, Чарльз Лоренц был порядком встревожен полученной вестью. Он тотчас сел в наемный экипаж и поехал к главному инспектору полиции.

— Кого он знает из мальчиков? — спросил инспектор, выслушав подробности дела.

— Никого! Ах, нет, у него есть особенный друг, некто Джим Трейси, чистильщик сапог! — неожиданно вспомнил молодой джентльмен. — И знаете ли, я почти уверен, что наш маленький шалун отправился на поиски своего приятеля. Прикажете позвать полисмена Мерфи — он знает этого Трейси.

— Пошлите ко мне Мерфи! — крикнул в телефон инспектор.

Не прошло и четверти часа, как полисмен Мерфи вошел к кабинет своего начальника.

Инспектор вкратце изложил подчиненному дело.

— Теперь ступайте, — сказал он в заключение, — и как можно скорее отыщите Джима.

— Прикажете отвести мальчика домой, если он окажется у Трейси? — спросил Мерфи.

— Разумеется, — кивнул мистер Лоренц.

На самом деле он надеялся, что маленький беглец уже дома. Но когда явился Тиммон и сообщил, что, несмотря на самые тщательные поиски, в прилегающих к дому улицах мальчика не оказалось, молодой человек опять упал духом.

— Нередко случалось, — сказал он со вздохом, — что бежавшие дети пропадали совсем.

— Но мы часто находим беглецов, — заметил, желая успокоить его, инспектор. — Не нужно терять надежду.

— Поедьте сейчас же к этому Трейси, может быть, Реджинальд там.

— Как ваш кузен был сегодня одет? — спросил инспектор, принимаясь писать объявление для рассылки в полицейские участки.

— В красный бархатный костюм, — ответил мистер Лоренц, не видевший Реджинальда с самого утра и потому не знавший, что тот переоделся.

«В красном бархатном костюме, с голубыми глазами и золотистыми кудрями», — говорилось в описании примет беглеца, разосланном инспектором по телеграфу во все полицейские участки.

– Вероятно, Джим сейчас в больнице, – сообщил вернувшийся Мерфи.

– В больнице? В таком случае Реджинальд не найдет его. Что он там делает? Надеюсь, он не болен?

– Нет, но его маленький товарищ заболел, кажется, горячкой, и Джим каждый день навещает его.

– Тогда едем прямо в больницу! Может быть, мы узнаем от Джима что-нибудь, если только они не сговорились бежать вместе.

– Этого не может быть! – воскликнул с уверенностью Мерфи. – За Джима я ручаюсь головой, он не такой. Но сначала надо обследовать те места, по которым он обычно ходит, а потом уже ехать в больницу.

Побывав в конуре Джима и быстро проехав по улицам, посещаемым чистильщиком обуви, они отправились в больницу.

Войдя в палату и миновав несколько рядов маленьких белых кроватей, они увидели на одной из них беспокойно метавшегося мальчика с золотистыми кудрями. Рядом стоял на коленях Джим.

Мерфи тронул его за плечо, и Джим поднял голову с выражением такого безнадежного горя, что полисмен не решился сразу приступить к расспросам.

– У Джейми сильная лихорадка! – сказал мальчик.

– Успокойся, он поправится, – ласково утешил его полисмен. – Видишь, как здесь хорошо. А ты еще не хотел его сюда отправлять!

– Он совсем не узнает меня, – добавил Джим убитым голосом.

– Это всегда бывает при воспалении в мозгу. Не волнуйся, твой приятель обязательно поправится.

Сгорая от нетерпения узнать что-нибудь о своем сбежавшем кузене, Чарльз Лоренц не мог удержаться, чтобы не вмешаться в разговор.

– Мне искренне жаль твоего маленького друга, – сказал он Джиму с деланным участием, стараясь скрыть свое нетерпение, – и надеюсь, что он скоро выздоровеет... Скажи, не видел ли ты сегодня моего кузена Реджинальда?

– Нет, – Джим равнодушно покачал головой.

– И ничего не слышал о нем?

– Нет.

– Но, может быть, ты знаешь, где он? – спросил Мерфи.

– Нет. Когда я в последний раз видел его, он стоял на пороге своего дома и топал ногами, – отмахнулся Джим.

– Он сегодня ушел из дому, – сказал мистер Лоренц. – Мы думали, что он пошел к тебе...

– Нет, он не приходил, – ответил Джим безучастно. – Но, может быть, он пошел к миссис Дове? Лиззи говорила мне, что была у вас и Реджинальд собирался прийти посмотреть, как она живет на крыше. Вон там лежит ее двоюродный

братишка, — Джим указал на стоявшую поодаль кроватку, на которой лежал бледный мальчик с серьезными карими глазами, обнимавший худалыми ручками восковую куклу. — Это Лиззи принесла ему куклу. Она всем дарит игрушки. Вот и Джейми тоже подарила солдатика...

— Я зайду еще на днях, — сказал мистер Лоренц, тронутый жалким видом множества маленьких страдальцев. — Вот, возьми. Это для Джейми, — присовокупил он, сунув несколько золотых монет в руку убитого горем Джима. — Пойдемте, Мерфи, я знаю, где живет миссис Дове. Нам нельзя терять ни минуты!

Глава XIII

Про странствия миллионера и печенье с корицей

Тем временем Реджинальд пробирался сквозь сновавшую по тротуару толпу, причем ежеминутно натывался на прохожих, нередко наделявших его сильными толчками. Он в первый раз вышел на улицу один и не знал, что в людных местах следует держаться правой стороны.

Мальчик отправился в погоню за счастьем. Отъезд матери и отсутствие гувернантки помогли

ему осуществить задуманный план бегства и ускользнуть из дому.

Когда мадемуазель Кларет заметила исчезновение своего воспитанника, он уже сидел в омнибусе*, затаившись между полной дамой и тучным джентльменом так, что выглядывали лишь носок его башмачка, поля шляпы и пара веселых голубых глаз. Глядя на него, пассажиры невольно задавались вопросом: с кем из этих двух толстяков путешествует хорошенький мальчик в синем матросском костюме, шляпе, перчатках и с батистовым носовым платком с монограммой, выглядывавшим из нагрудного кармашка?

Реджинальд был вне себя от счастья: он наконец вырвался на волю, и сердце его усиленно билось в ожидании чего-то неизвестного. «Чарли знает, что мама уехала, а мадемуазель уже успела прочесть записку», — успокаивал он свою совесть и с любопытством следил, как входят и выходят пассажиры и как при всяком повороте изменяется вид улиц, кажется, бесконечных.

«Так ехать гораздо лучше, — думал мальчик, — чем в нашем экипаже, где окна всегда закрыты и не видно людей на улице. Я попрошу маму купить мне такой же омнибус».

Наконец омнибус доехал до конечного пункта, и все пассажиры вышли. Не зная, что делать, Реджинальд остался сидеть на месте.

* Омнибус — городской общественный транспорт второй половины XIX века: многоместная конная повозка, совершавшая регулярные рейсы.

— Вы заплатили за проезд, мистер? — спросил его кондуктор.

Реджинальд сунул руки в карманы, но те оказались пустыми. Переменив утром костюм, он в второпях забыл свой кошелек.

— Я забыл деньги дома, — смущенно пробормотал он.

— Ну, ладно, вылезайте скорее. Омнибус дальше не поедет.

Кондуктор помог ему сойти со ступеньки, и мальчик оказался один-одинешенек далеко от своего дома, на каком-то незнакомом бульваре. Но это нисколько не испугало его. Молодцевато сдвинув шляпу на затылок, он засунул руки в карманы и бодро шагал вперед, пытаясь насвистывать песенку, как это часто делал его кузен Чарли.

Дойдя до угла, Реджинальд остановился перед ларьком с земляными орехами и велел торговцу отвесить фунт*. Торговец предупредительно исполнил требование маленького аристократа и теперь держал пакетик с орехами в руке, ожидая платы.

— Ох, я опять забыл, что оставил деньги в другом кармане! — пробормотал мальчик, снова смутившись.

— Ну, так бегите скорее домой и захватите этот самый другой карман, — сурово посоветовал торговец, досадуя на то, что обманулся в покупателе.

* Ф у н т — английская мера веса, равная примерно 0,45 кг.

— О, это очень далеко! — ответил мальчик, впервые задумавшись о том, как ему добраться домой без денег. — Будьте добры, одолжите мне один или два доллара. Я пришлю их вам назад с Тиммоном.

— Вишь, какой нашелся банкир! — усмехнулся торговец.

— Тиммон — наш слуга, — пояснил Реджинальд. — Он делает все, что ему прикажут.

— Значит, вы хотите занять у меня два доллара только затем, чтобы потом приказать слуге заплатить их мне?

— Ну да, я вам непременно заплачу, и мама тоже наградит вас, когда вернется с похорон тети Эльвиры.

— Нет, так дело не пойдет. Нет ли у вас какой-нибудь вещицы под залог? Например, золотых часов? — спросил торговец, заметив на костюме Реджинальда маленький кармашек, явно предназначенный для часов.

— Я и часы забыл дома! — воскликнул мальчик, ощупывая пустой карманчик.

— Должно быть, ваши часы еще не сделали на фабрике! — презрительно хмыкнул торговец.

В эту минуту к ларьку подбежала толпа мальчишек, продававших на улицах газеты. Они с криком и шумом обступили прилавок.

— Проходите, мистер! — крикнул торговец Реджинальду. — Вы мешаете подходить моим постоянным покупателям!

— Будьте добры, одолжите мне один или два доллара, —
попросил мальчик.

Запасшись любимым лакомством, мальчишки принялись с жадностью поглощать орехи, дерзко и насмешливо поглядывая на Реджинальда.

— Может быть, они дадут вам денег в долг, — насмешливо произнес торговец, указывая на мальчишек.

— Не хотите ли занять... под ветер или туман? — спросил самый старший из них, уставившись на Реджинальда и усердно работая челюстями.

— Да, — откровенно ответил Реджинальд, не расслышав последних слов, — я забыл свой кошелек в другом костюме и не могу попасть домой без денег.

— А у вас много денег? Найдется ли пятьдесят центов?

— О, гораздо больше! У меня есть даже золотые деньги.

— Значит, у вас дома золото льется рекой?

— Да, ведь я сын миллионера, — в голосе Реджинальда звучало простодушие, как будто речь шла о самых ничтожных пустяках.

Ответом ему был громкий взрыв хохота.

— А где же ваш экипаж, запряженный четверкой лошадей? — спросил старший из мальчишек, когда смех товарищей несколько стих.

— Видите ли, мама уехала на похороны тети и позволила мне кататься только в моем кабриолете*. Но я не хотел ехать в нем и поехал в омнибусе.

* Кабриолет — легкий двухколесный экипаж.

Новый взрыв хохота заглушил его слова.

Этот грубый смех очень обидел Реджинальда. Он отвернулся от мальчишек и пошел дальше. «Что я им сделал? Почему они так невежливы со мной?» — думал он.

— Эй! Хочешь, я отвезу тебя домой в моей коляске? Она стоит там за углом: желтая с зеленой полосой, в упряжи пара шикарных лошадей. Ведь я тоже миллионе-е-е-ер! — закричал ему вслед один из мальчишек, подразумевая под коляской телегу, в которую собирали уличный мусор.

Продолжая идти дальше, Реджинальд вдруг вспомнил, что однажды, когда он ехал с матерью и кузеном в собственном экипаже, у них сломалась рессора. Тогда кузен усадил их в проезжавшую мимо наемную коляску, в которой они и доехали до дому. Заметив на улице такую же коляску, Реджинальд громко окликнул кучера. В экипаже сидел элегантно одетый мальчик рядом с жирным пуделем.

— Что вам угодно? — спросил маленький джентльмен Реджинальда.

— Я хочу поехать домой, — вежливо ответил Реджинальд.

— Поезжайте дальше, Джон, — приказал маленький джентльмен кучеру.

— Я не знал, что это его собственный экипаж, — пожал плечами Реджинальд. — И все-таки я отвез бы его домой, если бы у него, как у меня сейчас, не было денег.

— Если вы хотите ехать домой, сэр, так возьмите наемный экипаж, — посоветовал ему какой-то добрый рабочий, оказавшийся свидетелем этой сцены. — Вон там на углу стоит один.

Реджинальд подбежал к коляске и вскочил в нее, но предусмотрительный возница потребовал плату вперед.

— У меня нет денег, я забыл... — начал мальчик.

— Ступай вон, живо! — сурово заявил возница.

— Кузен Чарли заплатит вам дома!

— Слезай, говорят тебе! — и возница замахнулся на мальчика кнутом.

Реджинальд, не видевший никогда такого грубого обращения, растерялся и тотчас соскочил с подножки коляски, а возница хлестнул лошадь и поехал догонять другого седока.

— Какой грубиян! — пробормотал Реджинальд, падая духом. — Отчего мне никто не верит? Ведь я сказал, что заплачу дома!

В это время на церковной башне поблизости часы пробили четыре, и Реджинальд вспомнил, что, отправившись на поиски счастья, пожертвовал завтраком. Запах свежееиспеченного хлеба пробудил в нем голод, и он смело вошел в булочную, находившуюся в нескольких шагах от него.

— Я очень голоден, — обратился он к стоявшей за прилавком тучной добродушной немке, — но у меня нет денег...

— У вас нет денег? А еще такой щеголь! — засмеялась булочница.

— Я забыл деньги дома, в другом костюме, но никто не верит мне, — грустно пояснил Реджинальд.

— Я вам верю. Еще ни один мальчик не уходил от меня голодным, — сказала булочница, подняла крышку большой корзины и подала Реджинальду свежее печенье с изюмом. — Я люблю мальчиков. У меня тоже был маленький мальчик, но он умер.

Голубые глазки Реджинальда затуманились грустью.

— Мне вас очень жалы!.. — ответил он с участием, набивая себе полный рот печеньем. — А знаете, это печенье гораздо вкуснее наших пирожных!

— Я вижу, у вас доброе сердце, — заметила булочница, любуясь красивым мальчиком, выразившим ей сочувствие, — и покажу вам портрет своего сына, — продолжала она, уводя Реджинальда за руку в заднюю комнату. — Вот, это мой Ганс, — указала она пальцем на большой портрет толстощекого белокурого мальчугана, висевший над камином. — Я его очень любила, и всякий раз, как вижу маленького мальчика, не могу удержаться от слез.

И бедная женщина поднесла белый передник к лицу, чтобы утереть навернувшиеся на глаза слезы.

— Значит, все мамы любят своих мальчиков? — спросил Реджинальд, глубоко тронутый горем доброй булочницы и только теперь сознавая, как беспредельно любит его мать.

— Да, и он меня тоже любил, — ответила сквозь слезы булочница. — А вот тут, посмотрите, он лежит в гробу, — сказала она, подводя мальчика к большой фотографии в рамке, висевшей на другой стене.

Изображение покрытого цветами гроба с расставленными вокруг него зажженными свечами поразило Реджинальда.

— Разве покойников всегда кладут в такой ящик? — спросил он с изумлением. — Я никогда не видел похорон и не знал, что делают так...

— Встаньте на этот стул, и вы увидите лицо Ганса, — говорила расчувствовавшаяся булочница, поднимая мальчика на стул, с которого он мог рассмотреть лицо маленького покойника. — А это я, — продолжала она, указывая на сидевшую у гроба женщину в глубоком трауре, — я тогда очень много плакала.

Реджинальд повернулся к булочнице и увидел, что крупные слезы и сейчас градом катились по ее лицу.

— Скажите, а Ганс бывал иногда нехорошим мальчиком? — спросил он, с раскаянием вспоминая все свои проступки, причинившие столько слез и беспокойства его матери.

— О, нет, он всегда был хорошим сыном!

Реджинальд громко зарыдал и бросился в объятия доброй женщины.

— О, а я так часто огорчал маму! — всхлипывал он.

— Что же вы сделали? Скажите мне! — успокаивала его булочница, качая на своих сильных руках, как младенца.

— О, я очень часто заставлял маму и мадемуазель Кларет плакать! Скажите, ваш Ганс разбивал когда-нибудь нарочно зеркало или что-нибудь еще?

— Нет, никогда.

— А он убегал когда-нибудь от вас?

— Нет, никогда! Если бы даже его насильно увели далеко-далеко, он и тогда вернулся бы домой!

— Значит, он был очень хорошим мальчиком? — спросил сквозь слезы Реджинальд.

— Да, да, очень хорошим! Я никогда не видела другого такого мальчика!.. И он тоже любил это печенье, — заметила с умилением булочница.

В эту минуту в булочной зазвенел колокольчик, возвещавший о том, что пришел покупатель. Не забывавшая своего дела, булочница поспешила к прилавку вместе с Реджинальдом.

— Мистер Реджинальд! Вы здесь? — воскликнула, всплеснув руками, маленькая, опрятно одетая женщина, пришедшая за хлебом.

— Миссис Дове! — обрадовался мальчик.

— Так вы знаете этого юного джентльмена? — спросила булочница, подавая булку покупательнице. — Возьмите это для него, — прибавила она шепотом и протянула небольшой пакет. — Мой маленький Ганс тоже любил это печенье...

– Мистер Реджинальд, я живу здесь поблизости, и вам лучше пойти со мной, – проговорила миссис Дове, догадавшись, что мальчик убежал из дому.

И Реджинальд охотно последовал за ней, уверенный, что с ее помощью скоро вернется домой.

Глава XIV

Про визит на крышу и про кукол Лиззи

По дороге Реджинальд поведал доброй женщине историю своего побега.

– Надо думать, бедная мадемуазель Кларет сходит теперь дома с ума, мистер Реджинальд! – заметила с упреком миссис Дове.

– Ну, она всегда волнуется из-за пустяков! Ведь я же написал ей записку, что ушел искать счастья.

– И вы нашли его?

– Да, и мне кажется, я был бы абсолютно счастлив, если бы у меня было больше времени и я не забыл деньги дома. А сейчас я плакал, когда булочница рассказала мне, что у нее умер очень хороший мальчик. Скажите, миссис Дове, а нехорошие мальчики умирают?

– Умирают и плохие, и хорошие, мистер Реджинальд.

– Но мне кажется, было бы лучше, если бы сначала умирали хорошие мальчики. Как вы думаете, миссис Дове?

– Если бы так случилось, на свете остались бы одни только дурные люди, мистер Реджинальд.

– Я буду хорошим мальчиком, – последовал логичный ответ. – А как вы думаете, это печенье не опасно? – спросил мальчик после минутного молчания, вспомнив, что маленький Ганс ел это лакомство и умер.

– О, не беспокойтесь! Моя Лиззи очень любит его, да и я тоже.

«Тогда я отдам его Лиззи», – решил Реджинальд про себя, заботливо придерживая мешочек с печеньем.

– Вы не представляете, как я рад, что сейчас попаду к вам, – продолжал он болтать по дороге. – Мадемуазель рассказывала мне, как у вас хорошо. Я думаю, вам очень весело жить на крыше! Я попрошу маму, чтобы она мне тоже выстроила домик на нашей крыше. Знаете, иногда я поднимаюсь наверх, в обсерваторию, но мадемуазель всегда так крепко меня держит, что мне сразу хочется спрыгнуть вниз... Я хотел бы, чтобы она умерла.

– О, мистер Реджинальд! – с упреком воскликнула миссис Дове. – И вы только что собирались быть хорошим мальчиком!

– Ой, я совсем забыл об этом.

– Это потому, что вы слишком избалованы, мистер Реджинальд.

– Чем же я избалован?

– Тем, дорогой мой, что у вас слишком много средств.

– Каких средств?

– Денег, мистер Реджинальд.

– По-моему, деньги – совершенно несносная вещь. Я очень сожалею, что не родился бедным, как другие мальчики, – пожаловался Реджинальд. – Мне кажется, маленький Ганс был совсем не избалован.

– Это правда, он не был избалован.

– Но все-таки он умер! – заметил Реджинальд.

В это время они вошли в ворота огромного дома, где жила миссис Дове.

– Какой большой дом! – удивился Реджинальд. – Гораздо больше нашего!

– Да, это здание принадлежит городу и стоит, как мне говорили, дороже иного королевского дворца.

– Этот дом похож на дворец Аладдина, – сообщил Реджинальд, глядя на сверкающий разноцветными стеклами купол здания, словно выложенный драгоценными камнями.

Они вошли в подъемник и стали подниматься вверх.

– Мы как будто поднимаемся на воздушном шаре! – продолжал восхищаться мальчик, с любопытством глядя вверх. Оттуда, через стеклянную крышу, свет проникал вниз, точно в глубокую шахту. – Мне давно хотелось покататься

на подъемнике, когда мы путешествовали. Но мама боялась, что веревка разорвется или вспыхнет пожар, и поэтому всегда нанимала комнаты на втором этаже. А я ничего не боюсь, миссис Дове! — гордо закончил мальчик, важно вытягиваясь во весь рост.

Выйдя из подъемника, они поднялись по маленькой лестнице на крышу, и здесь Реджинальду пришлось одной рукой придерживать шляпу от сильного ветра, а другой — заслонять глаза от ослепительного блеска заходящего солнца. Перед ним, как на ладони, плыл в золотом тумане громадный город с бесчисленными куполами церквей, гигантскими зданиями и зелеными садами, среди которых тут и там сверкали серебристые воды реки и видневшегося вдали залива.

— О, взгляните, миссис Дове, какое там зарево! Как полыхают те дома! — воскликнул мальчик, указывая на залитые солнцем окна домов, и впрямь пылавшие, как в огне. — Мне давно хотелось увидеть пожар, но мама никогда меня не пускала.

— Это не пожар, а отражение солнца в окнах, — объяснила миссис Дове. — И это гораздо красивее всякого пожара, потому что совсем не опасно и не приносит никому вреда.

Заслышав голоса, Лиззи выбежала им навстречу.

— О, как я рада, мистер Реджинальд, что вы пришли к нам полюбоваться красивым видом! — воскликнула она, приветствуя мальчика.

— Но я пришел совсем не за этим, — сказал Реджинальд, любивший говорить правду. — Сегодня я убежал из дому и заблудился, а твоя мама нашла меня.

— И вы могли так поступить? — заметила девочка, и в ее голосе послышался упрек.

— Да, я сделал это. Надо же было когда-нибудь начать! Мама не было дома, и мне удалось убежать. Но зато я сегодня многому научился, — прибавил он с гордостью.

— Сначала мистер Реджинальд поужинает у нас, а потом я отвезу его домой, — сказала мисс Дове и оставила детей одних.

— Вот, не хочешь ли печенья? — спросил Реджинальд, подавая девочке мешочек. — Твоя мама говорит, что их не опасно есть и что ты их любишь.

— Благодарю вас! — воскликнула девочка, обрадовавшись, и заглянула в мешочек. — Только что из печи! И изюма так много! Я завтра же отнесу печенье детям в больницу. Вот им будет радость!

В сердце Реджинальда снова зародилось опасение. «Если больные дети съедят это печенье, — подумал он, — они еще больше захворают и я буду в этом виноват».

— Знаешь ли, Лиззи, маленький Ганс ел эти печенья и умер, — предостерег он девочку.

— Ганс умер не от них, а от скарлатины, — ответила простодушно Лиззи. — Не хотите ли осмотреть наш садик и мансарду?

Реджинальд последовал за девочкой, обогнул ряд дымовых труб и очутился перед маленькой мансардой, стены которой были почти совсем скрыты вьющимся виноградом и веселыми цветами в ящиках.

— Ах, как здесь мило! — восторженно воскликнул мальчик. — Вы, наверное, очень счастливы здесь, Лиззи?

— Да, мы очень счастливы. Но пойдемте, я покажу вам нашу комнату, — сказала она и повела мальчика внутрь.

Окна комнаты украшали аккуратные белые занавески, а пол был устлан хоть и потертым, но чистым ковром.

— У вас здесь точно на пароходе, когда он плывет по морю! — воскликнул Реджинальд, выглянув в окно и увидев залив, воды которого как будто перемигивались с последними лучами заходящего солнца. — Мне тоже хотелось бы иметь такой дом! — добавил он, соединяя понятие о счастье с вещами, которых ему не доставало.

— Но ведь у вас есть прекрасный дом! Я бы гордилась им.

— А я привык жить там и совсем не горжусь своим домом. Я хочу иметь что-нибудь другое!

— У вас так много денег, что вы можете купить себе все, что захотите, — заметила девочка.

— О, да! Деньги очень нужны, когда хочешь проехать в омнибусе или купить себе орехов. Но я не люблю их.

— Вы совсем не знаете, сколько добра можно сделать с помощью денег! Если бы у меня были деньги, я отдала бы их больным детям. Многие из них совсем калеки, у них нет ни отца, ни матери. Они не знают, куда деваться, когда их выпишут из больницы...

Удивленный этими словами, Реджинальд слез со стула, подошел к Лиззи и попросил рассказать все, что она знает о детях, которых навещает в больнице.

Девочка охотно выполнила это желание, и ее рассказ глубоко взволновал маленького джентльмена.

— Я не знал, что бывают такие дети! — удивился он. — Разве они всегда принимают лекарство, когда их мама... нет, я хотел сказать, когда их доктор желает этого?

— Да!

— Можно мне пойти с тобой к ним в больницу?

— Конечно, если только ваша мама позволит.

— Ну, тогда мне придется опять убежать из дома! Мама не позволяет мне ходить даже в школу, где учатся здоровые мальчики, потому что боится, что я заражусь какой-нибудь болезнью. А в больницу и подавно не пустит!

— Нет, нет, вы не должны убегать от мамы! — остановила его Лиззи. — Попросите, чтобы она отпустила вас. Объясните ей, что я хожу только в такие палаты, где лежат незаразные больные.

— Как же ты делаешь этим детям подарки, если у тебя нет денег?

– Да, денег у меня нет, но хозяева домов, у которых мама работает, иногда отдают мне старых кукол и другие сломанные игрушки. Мы с дядей чиним их, а потом я дарю их больным детям.

– А у меня полный шкаф игрушек, которые мне надоели, – заметил Реджинальд и вдруг просиял радостной улыбкой: – Я подарю их твоим больным! А потом попрошу маму купить им еще целый игрушечный магазин!

– Можете взглянуть на моих кукол, – сказала Лиззи.

Реджинальд скользнул глазами по целому ряду починенных игрушек.

– И дети довольны такими подарками? – спросил он со смесью презрения и недоверия.

– Даже очень довольны, – несмело ответила девочка. – Вы бы посмотрели, как они радуются, когда я раздаю им мои игрушки!

– Я им надарю таких кукол, каких они еще не видели! – заметил Реджинальд высокомерно.

– Значит, вам не нравятся мои куклы? – расстроилась Лиззи. – А нам они казались вполне красивыми...

Реджинальд тут же пожалел, что обидел девочку своим необдуманным замечанием.

– Я хотел сказать, – произнес он ласково, – что раз у этих детей ничего нет, так они должны получать самое лучшее.

– Но знаете, мистер Реджинальд, – ответила ему миссис Дове, входя в комнатку, – на свете

очень немногие могут иметь самые лучшие вещи, и потому бедные дети так радуются скромным подаркам Лиззи. А ей это тоже доставляет большое удовольствие.

— Правда, миссис Дове! Я никогда не был рад даже самым лучшим игрушкам. Но, может быть, тоже был бы счастлив, как Лиззи, если бы мне было кому их дарить...

Сильно проголодавшийся Реджинальд принялся с большим аппетитом есть вкусный белый хлеб со свежим маслом и медом, запивая его душистым чаем, который миссис Дове разливала из старомодного чайника.

— У вас очень вкусный чай, миссис Дове! — заметил мальчик с видом знатока, мешая чай простой алюминиевой ложечкой. — У нас всегда подается серебряный чайный прибор, а когда бывают гости — позолоченный. Но фарфоровый чайник мне нравится больше: из него чай вкуснее. Я попрошу маму купить такой же!

В эту минуту кто-то сильно постучал в дверь.

— Войдите! — крикнула миссис Дове, и на пороге показались мистер Чарльз Лоренц и полисмен Мерфи.

В первую минуту Реджинальд опустил голову с видом напраказившей собачки, поджавшей хвост при виде сурового хозяина, но затем соскочил со стула и бросился навстречу своему кузену.

— Знаешь, Чарли, — мальчик открыто взглянул в лицо двоюродному брату, — вчера вечером

мама сказала мне, что я могу делать, что хочу. Вот я и убежал из дома. И был счастлив!

Эти слова напомнили мистеру Лоренцу, что и он когда-то был мальчиком. Вместо ответа он подхватил маленького бродягу на руки и крепко прижал к груди.

— Значит, ты был счастлив? — усмехнулся он. — Очень рад, очень! Во всяком случае, ты провел день счастливее меня и мадемуазель Кларет.

И, поблагодарив миссис Дове за радушие, с каким она приняла у себя его родственника, мистер Лоренц поспешил домой, чтобы поспеть до приезда тетушки.

Глава XV

Про таинственный рецепт доктора Келпера

Они подъехали к дому как раз в тот момент, когда миссис Лоренц выходила из наемного экипажа, взятого ею на железнодорожной станции. Она очень удивилась, что ее никто не встретил на перроне, и сейчас, увидев выходящего из коляски Чарльза, подумала, что произошло какое-то недоразумение.

— Почему ты не встретил меня? Или мы разминулись по дороге? — упрекнула она племянника,

но тут увидела сына, который пылко бросился ей на шею. – Бесценный мой мальчик! – воскликнула она. – Ты хотел встретить свою маму?

– О нет! Я убежал от мадемуазель и только что вернулся. Но все кончилось отлично! И знаешь, мама, у меня не было денег, я заблудился, сильно проголодался, и булочница дала мне вкусное печенье, а потом Чарли и Мерфи нашли меня у миссис Дове, и теперь я дома и совсем здоров, мама!

– Что это значит, мадемуазель? – строго обратилась миссис Лоренц к гувернантке, которая все это время с тревогой ждала маленького беглеца у окна и при виде подъехавшей коляски выбежала из дома.

– Ма-а-ама! – с укоризной протянул Реджинальд. – Ведь я уже объяснил тебе, что случилось! Я один виноват во всем, и ты можешь делать выговор только мне и даже немножко себе, потому что сама разрешила мне вчера делать, что я захочу.

Неожиданное бегство сына совсем смутило миссис Лоренц.

– Чарльз, – обратилась она к племяннику, входя с мальчиком в дом, – немедленно пошли Тиммона за доктором Кемпером. У Реджинальда, кажется, начинается лихорадка, надо срочно начинать лечение!

– Мама, мне не нужен доктор Кемпер: я здоров и сыт. Кстати, ужин у миссис Дове был гораздо вкуснее нашего. Если бы я был ее сыном, я бы тоже жил на крыше, откуда виден весь

свет, и помогал бы Лиззи делать кукол для больных детей!

— Мадемуазель Кларет, вы можете идти в свою комнату. И пришлите ко мне Мэри! — приказала миссис Лоренц озабоченной гувернантке, готовившейся оправдываться перед хозяйкой.

— Уверю вас, мэм, я ни в чем не виновата... Я только на минуту вышла из комнаты...

— Я не хочу ничего слышать! Ступайте! — строго прервала ее миссис Лоренц.

Реджинальд догнал гувернантку и бросился ей на шею.

— Не беспокойтесь, мадемуазель, — постарался он утешить несчастную француженку. — Я все улажу с мамой. Вы не виноваты, что я убежал, и вас не за что бранить.

— Вы осрамили меня на весь город, сэр, — рыдала гувернантка, — меня теперь лишат места!..

— Нет, я не хочу! Вы никуда не уйдете! Не пущу! — воскликнул мальчик, убегая назад к позвавшей его матери.

В это время мистер Лоренц вернулся с доктором.

— Что приключилось с моим маленьким пациентом? — спросил последний.

— Я убежал из дому, и теперь мне придется в наказание принять какое-нибудь лекарство! — с готовностью заявил Реджинальд.

— Посоветуйте, доктор, что мне делать с Реджинальдом? — воскликнула раздраженная мать, обращаясь к врачу, считавшему пульс мальчика.

– Мне кажется, вам следует дать вашему энергичному мальчику побольше свободы: это будет для него лучшим лекарством! – ответил доктор, давно выжидавший случая высказаться на эту тему.

– Больше свободы! Ведь он может сколько угодно бегать по всему дому, кататься и ездить верхом по парку, не говоря уже о прогулках на яхте, экскурсиях в горы и на морской берег!.. Не посоветуете ли вы мне еще, доктор, пустить его одного бегать по улицам и ходить в школу? – спросила с иронией миссис Лоренц.

– Это было бы недурно для вашего сына, – невозмутимо кивнул доктор. – Тем более что у мальчика нет ни товарищей его лет, ни отца, который направлял бы его.

– Вот это было бы чудесно! – воскликнул Реджинальд, обрадовавшись, что доктор принял его сторону. – А что такое школа, доктор?

– Это большая комната, в которой учится много мальчиков. После урока они весело играют друг с другом, а иногда даже немножко дерутся, как это часто случается с маленькими буянами...

– Вот здорово! Мне это нравится! – Реджинальд пришел в неопишуемый восторг. – Чарли учил меня фехтовать и боксировать, но я думал, что это какая-то игра, и мне скоро надоело. А ведь при потасовке это очень пригодится, правда, доктор? Слушай, Чарли, – обратился Реджинальд к забавлявшемуся над ним кузе-

ну, — давай с завтрашнего дня снова начнем наши уроки? Пожалуйста!

— Не находите ли вы еще нужным, доктор, — продолжала иронически миссис Лоренц, — чтобы Реджинальд, после общей школы, прошел курс в вашей больнице и подхватил там какую-нибудь заразу?

— Да, да, доктор! Обязательно! В больницу я тоже хочу ходить! Лиззи говорит, что у тех больных детей нет другого дома и они рады даже старым игрушкам. Мне кажется, я бы многому научился, если бы побывал там!

— Ты прав, мой мальчик, и, если твоя мама позволит, я когда-нибудь возьму тебя с собой в больницу и покажу тебе моих маленьких пациентов.

— А еще, доктор, — продолжал Реджинальд, — мне бы хотелось купить такую больницу, как ваша, и сделать всех детей счастливыми!

— А не лучше ли тебе купить красивый дом для себя самого? — спросил доктор, желая испытать мальчика.

— Разве красивый дом может кого-нибудь осчастливить? — удивился Реджинальд. — Он бы быстро мне надоел...

— Так ты хочешь осчастливить кого-нибудь, не так ли, мой милый? — спросил доктор, притягивая к себе мальчика и прижимая его красивую головку к своей груди. — Отчего же ты не стараешься сделать счастливыми свою маму, кузена и мадемуазель? — шепнул он мальчику на ухо.

— Сделать счастливыми *их*? — буркнул Реджинальд. — Ведь у них все есть! Да они и не хотят быть счастливыми! А как вы думаете, доктор, есть ли на свете люди, которые хотят быть несчастными?

— Есть. Вот ты, например.

— Я?! О нет, доктор! — запротестовал Реджинальд. — Я хочу быть счастливым, но только не знаю, как это сделать.

— Хочешь, я дам тебе хороший рецепт?

— Да, да, пожалуйста! — воскликнул мальчик, впиваясь глазами в умное, доброе лицо доктора.

— Забудь о себе и помни о других.

Реджинальд в недоумении смотрел на доктора, не понимая его слов.

— Как же я могу забыть о себе? — спросил он наконец.

— Думай больше о других, дорогой мой, и тогда ты будешь меньше думать о себе.

— Хорошо, доктор, я буду очень много думать о других, и хотел бы, чтобы вы жили с нами и помогали мне.

— Изволь, мой милый, я охотно помогу тебе.

— И знаете, доктор, если вы хотите, я сейчас же приму какое-нибудь горькое лекарство...

— Нет, мой милый. Еще не придуманы лекарства, которые могут разом изменить характер человека. И сегодня тебе не надо принимать никакой микстуры.

— Благодарю вас, доктор, теперь я совсем здоров. Впрочем, я и до того не был болен.

Этот разговор происходил в отсутствие миссис Лоренц, ушедшей в свою комнату сменить дорожное платье. Вернувшись, она, к удивлению своему, увидела, что Реджинальд сидит на коленях у доктора и нежно поглаживает его седую бороду.

— Ах, мама! — воскликнул мальчик, бросаясь в объятия матери. — Теперь я очень люблю доктора Кемпера, он дал мне...

Мальчик вопросительно обернулся к доктору.

— Рецепт, — подсказал тот.

— Да, он дал мне рецепт: я должен забыть всех и помнить себя... Нет, нет, не так! Я должен... Доктор, что я должен делать? — спросил Реджинальд, зевая во весь рот и склоняя свою сонную головку на плечо матери.

Он едва договорил последнее слово, как его усталые глазки сомкнулись.

— Вот он уже и заснул, — тихо заметил доктор, прощаясь с миссис Лоренц.

Глава XVI

Про новые достижения Реджинальда

— Мама, я хочу видеть доктора Кемпера! — были первые слова мальчика, как только он проснулся на следующее утро.

— Дорогой мой! — воскликнула мать, вбегая в комнату сына. — Ты болен? Я знала, что это случится! Мадемуазель, сейчас же пошлите экипаж за доктором Кемпером.

— Мама, я вовсе не болен! Доктор нужен мне совсем по другой причине. Я забыл, что он вчера говорил, а он обещал напоминать! Как ты думаешь, мама, доктор Кемпер согласится жить у нас, если мы будем платить ему много денег?

— Не знаю, но в последнее время он очень часто навещал нас и получал за это немало, а ты все продолжаешь хворать, — заметила мать с беспокойством.

— Я не о том говорю, мама! Мне не нужны его лекарства. Видишь ли... как бы тебе сказать... доктор Кемпер знает, что мне надо делать!

— Для этого я держу мадемуазель, Реджинальд.

— Но она боится тебя, мама! И меня тоже. Поэтому и не может со мной справиться.

Несомненная правота мальчика поразила миссис Лоренц. Она сама никогда не догадалась бы об этом, если бы сын не открыл ей глаза.

Вошла гувернантка, чтобы помочь мальчику одеться.

— Пожалуйста, уходите, мадемуазель, — сказал ей Реджинальд. — С этого дня я буду одеваться и купаться сам.

— Вы слышите, мэм? Мистер Реджинальд отказывается от моей помощи! — сказала гувернантка дрогнувшим голосом.

— Пусть попробует, мадемуазель. Если он не вымоется как следует, я заставлю его вымыться еще раз, — ответила с улыбкой миссис Лоренц.

Реджинальд весело разделся и стал усердно плескаться в ванне, довольный, что избавился от назойливой помощи гувернантки. Затем он принялся одеваться, позвал мадемуазель, чтобы узнать, как надеть панталоны, и четверть часа спустя, веселый и румяный, побежал наверх к матери.

— Ну, смотри, мама! — закричал он еще издали, поднимая руки. — Разве я не хорошо вымылся?

Этот самостоятельный поступок мальчика привел миссис Лоренц в восторг.

— Ты меня очень удивил сегодня! — сказала она, горячо целуя сына.

— И буду удивлять каждый день, мама! Я вспомнил, что сказал мне доктор Кемпер. И я сделаю тебя и мадемуазель Кларет счастливыми. И Джима Трейси тоже. Знаешь, мама, мне очень хочется тоже вытащить из воды какого-нибудь мальчика!

— Но тебе нечего и думать об этом! — возразила мать с беспокойством.

— Ну, конечно, мама, сначала я научусь плавать! Этому я непременно должен выучиться. Ведь ты прогнала Джима, и он теперь уже не спасет меня, если я опять стану тонуть.

Слова сына смутили миссис Лоренц до глубины души. Только теперь она поняла, как обязана презренному чистильщику сапог, спасшему жизнь ее единственному сыну. И решила тотчас загладить свою ошибку.

Завтрак прошел очень оживленно, и Реджинальд все время весело болтал о своих приключениях.

— И знаешь, мама, — говорил он, — мне было гораздо веселее, чем на морском берегу или в горах, куда мы ездим каждое лето и где мадемуазель водит меня в новом костюме по гладким дорожкам, чтобы все таращили на меня глаза. Там нельзя ни босиком бегать, ни копать в мокром песке, как это делают другие мальчики. И все оттого, что ты боишься, как бы я не захворал! Вчера я видел, что продавцы газет совсем не обращают внимания на миллионеров: они хохотали надо мной. А торговец орехами не хотел одолжить мне даже одного доллара. Я был очень голоден, и одна добрая булочница дала мне вкусное печенье, — наверное, она не знала, что я миллионер, — а потом показала мне картину с мертвым мальчиком в гробу. Он очень любил такое же печенье. Но Лиззи сказала мне, что он умер не от печенья, а от скарлатины. А еще, мама...

— Реджинальд! — в ужасе перебила его миссис Лоренц. — Ведь ты мог заразиться этой страшной болезнью!.. Я так и думала, что с тобой случится что-нибудь подобное!

– Да нет же, мама! Булочница была совершенно здорова, и Лиззи сказала мне, что в больнице нельзя заразиться, потому что...

На последних словах мальчик сильно закашлялся, пытаясь проглотить слишком большой кусок хлеба.

– Реджинальд, милый мой, ты подавишься, если будешь есть так быстро!

– Но, мама, мне некогда: у меня еще очень, очень много дел!

– Какие же у тебя дела? – засмеялся Чарльз Лоренц. – Не произошло ли в финансовом мире какое-нибудь важное событие, требующее твоего присутствия?

– Я не понимаю, что ты говоришь, Чарли, но мне надо скорее взять у тебя урок фехтования и боксирования: может быть, мне придется подраться с другими мальчиками, а потом...

– Реджинальд! – попыталась остановить его мать.

– Потом надо отыскать Джима, – продолжал мальчик, не обращая внимания на ее замечание. – Полисмен Мерфи быстро его найдет, ведь меня он отыскал мигом. Потом я пойду с доктором Кемпером в больницу...

– Реджинальд, – прервала его мать, у которой блеснула светлая мысль, – а не хочешь ли ты поехать со мной и Чарли в Европу?

Миссис Лоренц надеялась, что Атлантический океан, разлучив ее сына с этими местами, разлучит его и с плебейскими замашками.

– Нет, мама, не хочу! Лучше я останусь дома. Джим Трейси тоже не был в Европе и все-таки знает больше меня. Там мне придется опять принимать много лекарств, а здесь нет: доктор Кемпер сказал, что мне больше не надо этого делать.

– Надеюсь, что нет, мой дорогой кузен, – заметил Чарльз. – Глядя на тебя, никто не скажет, что ты обделен здоровьем!

Вошел Тиммон и подал миссис Лоренц записку.

Реджинальд подбежал к матери и, заглянув через плечо, раньше нее прочел письмо, в котором доктор Кемпер просил отпустить с ним мальчика в детскую больницу.

– Пусти меня, мама, пусти! – закричал мальчик, обнимая мать. – Доктор говорит, что там совсем не опасно!

– Уж доставьте ему это удовольствие, тетушка, – поддержал мальчика мистер Лоренц. – Иначе он, пожалуй, захворает.

– Да, да, мама, ты увидишь, я страшно захворю, если ты меня непустишь! Благодарю, Чарли! – и Реджинальд так стремительно бросился на шею своему кузену, что растрепал его тщательно уложенную прическу и галстук, старательно завязанный утром.

– Я вижу, что мне больше не справиться с ним! – признала миссис Лоренц с глубоким вздохом. – Передаю тебе, Чарли, и доктору

— Уж доставьте ему это удовольствие, тетушка, — поддержал мальчика мистер Лоренц.

Кемперу все заботы о его воспитании и с этой минуты умываю руки от всякой ответственности.

— О, благодарю, мама! — воскликнул мальчик, поняв, что значило это согласие. — Ты увидишь, я не захвораю, и они отлично со мной справятся!

Реджинальд запрыгал от радости, а затем, бросившись к окну, стал с нетерпением ожидать экипажа доктора.

Глава XVII

Про Джейми и про то, что Реджинальд увидел в больнице

По пути в больницу Реджинальд был серьезен и молчалив, и доктор не захотел нарушать его задумчивого настроения.

— Неужели это больница? — удивился мальчик, залюбовавшись зданием, к которому они подъехали. — Какой красивый дом у этих детей!

Но первая же палата поразила сына миллионера пустотой — голыми стенами, не драпированными окнами и голым полом, не покрытым коврами.

При виде множества маленьких исхудалых лиц, просиявших с приближением доктора, сердце Реджинальда сжалось от тоски, и он крепче

ухватился за руку своего спутника. С живейшим интересом он следовал за доктором, который обходил все кровати и находил для каждого ребенка слова утешения.

Реджинальда доктор Кемпер представил как своего друга, принимающего в судьбе больных детей большое участие. Вскоре доктора позвали в другую палату, к больному с воспалением мозга, и Реджинальд последовал за ним.

Через минуту они подошли к маленькой ширме, за которой лежал Джейми. Доктор взял исхудалую ручку и пощупал сильно бившийся пульс. Сонные глазки малыша медленно открылись, бледные губки приветствовали доктора слабой улыбкой.

— Как ты чувствуешь себя сегодня, мой дорогой? — спросил ласково доктор.

— Джейми! А меня ты разве не узнаешь? — воскликнул Реджинальд, удивленный равнодушием мальчика.

Наступила томительная тишина. Малыш лежал неподвижно и молча. Реджинальд хотел еще раз окликнуть Джейми, но тут из-за кровати вдруг показались косматая голова и плечи другого мальчика, и не слишком чистая рука положила на одеяло маленький букетик красных роз.

Прикрытые глазки Джейми широко распахнулись в ответ, и все его личико засветилось.

— Джим... — произнес он с невыразимой радостью.

– Джейми, что с тобой? – воскликнул Джим, пораженный ужасной слабостью своего друга.

Тонкие руки больного малыша бессильно потянулись обнять Джима, и тот, опустившись на колени, сам обвил ими свою шею.

– Ну что, Джейми, тебе лучше? Ведь лучше, правда? – шептал он, утирая грязным рукавом катившиеся градом слезы.

Широко раскрытые глаза Джейми продолжали неподвижно смотреть вверх.

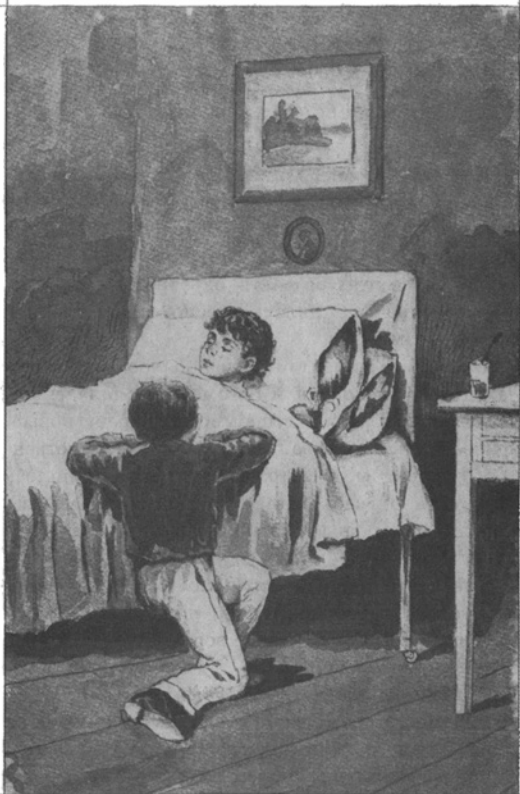
– Да, – раздался наконец тихий голос доктора среди воцарившейся тишины, – теперь ему лучше. Гораздо лучше. Уйдем отсюда...

Следуя за доктором, Реджинальд оглянулся и увидел, как Джим опустил голову на кровать, слабые ручки Джейми безжизненно скатились с шеи друга, а забытые розы рассыпались по полу.

Подошла сиделка, на минуту склонилась над кроватью и затем скрыла ширмой от внешнего мира и Джима, и его неподвижно лежащего друга.

– Скажите, что случилось? – пролепетал Реджинальд, в страхе крепче хватаясь за руку доктора. – Он похож на маленького Ганса! Неужели это смерть?

– Да, дитя мое, – сдержанно ответил доктор. – Совершился милосердный и неизменный закон природы. Душа Джейми переселилась в другой, куда более счастливый мир...

– Ну что, Джейми, тебе лучше? – шептал Джим, утирая грязным рукавом катившиеся градом слезы.

Глава XVIII

Про новые переживания миссис Лоренц.

Когда доктор и Реджинальд уехали в больницу, миссис Лоренц с каким-то странным чувством отошла от окна и отправилась наверх в свои покои. Она взяла книгу, но любимое занятие не смогло развеять охвативших ее дум, и женщина принялась беспокойно бродить по комнатам.

В какой-то момент она остановилась перед иконами, и вид непорочной Богородицы с Младенцем на руках пробудил в душе миссис Лоренц новые, неизведанные чувства. «Иисус был ее единственным утешением, и ей тоже, как и мне, пришлось отпустить от себя сына», — подумала миссис Лоренц, и обильные слезы закапали на ее шелковое платье.

Она долго сидела в глубоком раздумье, наконец встала и бессознательно поднялась в мезонин, где хранились старые вещи и заброшенные игрушки Реджинальда.

Лошадь-качалка живо напомнила женщине то время, когда ее малыш сидел на этой игрушке верхом и нетерпеливо дергал красные поводья. А теперь сын с такой же силой теребил струны материнского сердца, и мать слепо повиновалась ему.

Опустившись на кожаный чемодан, миссис Лоренц задумчиво взглянула на лежавшую на полу открытую детскую книжку с картинкой: две матери искали в лесу своих детей. Над этой картинкой мальчик пролил несколько горьких слез, и она сама, не желая расстраивать мальчика, забросила книгу подальше, как бросают розу, уколовшись ее шипом.

В углу мезонина в полумраке стояла пустая кровать, предназначенная для прислуги на случай болезни мальчика. Воображение миссис Лоренц мгновенно нарисовало длинный ряд белых кроваток с лежавшими на них бледными маленькими страдальцами.

— И Реджинальд поехал туда! — воскликнула она с невыносимой болью в сердце и, стремительно поднявшись, поспешно спустилась вниз. — Мэри, помоги мне одеться! — крикнула она горничной. — Нет, причесывать волосы не надо! Достань мое выходное платье и прикажи заложить экипаж — я поеду в больницу!

На пороге больницы миссис Лоренц встретила Лиззи Дове с полной корзинкой старых кукол в руках. Девочка, приветливо поклонившись, проследовала за ней.

Миссис Лоренц щедро раздавала милостыню, но явно не испытывала и части того удовольствия, какое получала бедная девочка, раздавая свои скромные подарки.

— Надеюсь, Реджинальд здоров? — скромно спросила девочка, избегая упоминать о бегстве наследника семьи миллионеров.

— Да... Он где-то здесь. И я приехала... — миссис Лоренц остановилась, сама не зная, зачем она оказалась в больнице.

— Вот и хорошо, что приехали! — воскликнула девочка. — Дети очень любят видеть нарядных людей, и я думаю, что Реджинальду тоже здесь понравится! Давайте поищем вашего сына, — предложила она и, заметив, что миссис Лоренц остановилась в нерешительности, добавила: — Позвольте, я покажу дорогу...

Как во сне миссис Лоренц следовала за своей маленькой проводницей, пока та не остановилась у кровати, на которой покоился вечным сном сиротка Джейми.

— Ах! — вскрикнула женщина, точно ее что-то кольнуло в сердце. — Где мой сын?

На звук ее голоса с пола поднялся не замеченный ею сразу мальчик, пряча полные слез глаза.

— Ты? Здесь?.. — прошептала миссис Лоренс и показала глазами на неподвижное тело на кровати. — А это?..

— Да. Это мой Джейми... — простонал Джим.

— У него есть мать?

— Нет. Никого нет, кроме меня...

— Боже! — прошептала женщина. — А кто же о тебе позаботится, кто тебя приласкает?

— Теперь уже никто!.. — зарыдал Джим и снова упал на колени у тела своего друга.

Эта сцена тронула миссис Лоренц до глубины души. Она обвела взглядом страдавших от раз-

ных болезней детей, маленького покойника, безутешно рыдавшего Джима, и в ее сердце впервые проснулось неведомое чувство сострадания к чужому горю. Она прижала лохматую голову мальчика к своей груди и прошептала:

– О нет, теперь у тебя тоже есть мать! Я буду любить тебя как своего сына!

В это время к кровати подошли два служителя, чтобы унести тело Джейми.

– Я хочу сам заплатить за похороны... – произнес сквозь рыдания Джим. – Нам удалось скопить немного денег на одежду для Джейми... Теперь... Я хочу употребить их для него...

Миссис Лоренц шепнула несколько слов служителям и, заверив Джима, что его желание будет исполнено, увела его с собой.

В коридоре они встретили доктора Кемпера и Реджинальда, собиравшихся ехать домой. При виде слез своей матери, ведущей за руку Джима, Реджинальд бросился ей навстречу.

– О, мама! – воскликнул он. – Как я рад, что ты тоже печальна! И как хорошо, что ты нашла Джима. Теперь мы его больше не отпустим, правда, мама?

С сияющим лицом и засверкавшими от радости глазами он повел грязного, убитого горем Джима к выходу. За ними последовали доктор и миссис Лоренц, на печальном лице которой отражалась неподдельная скорбь о безвременно ушедшем маленьком мальчике.

На пороге Реджинальд приподнялся на цыпочки и шепнул доктору:

— Позвольте мне, пожалуйста, поехать домой в одном экипаже с мамой и Джимом — он так расстроен. Возьмите вместо меня в свою коляску Лиззи Дове, она сегодня тоже грустная...

Мальчик был так уверен, что ему не откажут в просьбе, что, не дождавшись ответа, вскочил за Джимом в экипаж.

— Ты должен думать обо мне лучше, Джим, — сказал он, усаживаясь рядом с безутешным мальчиком, — потому что я буду теперь добрым.

Лиззи поехала с доктором. Он хотел подвезти девочку домой, но миссис Лоренц пригласила ее к себе в гости.

— Как вы думаете, доктор, мой кузен Робби поправится? — спросила она по пути.

— Пути Господни неисповедимы, Лиззи, — вздохнул доктор. — Нам остается только надеяться и верить...

Глава XIX

Про экскурсию по дому и визит в мезонин

Хорошая ванна, новая одежда и сытный завтрак оживили и отвлекли Джима. Тяжелое горе и бессонница надломили его самоуверенно-

строптивый нрав и, казалось, превратили в покорного, податливого мальчика.

– Теперь у меня не хватит духу чистить сапоги, – грустно сказал он, глядя на маленький ящик Джейми. – Малыш просил меня принести его сегодня, но даже не взглянул на него... Теперь я оставляю его ящик себе на память.

– Да, да, сделай это! Мы поставим его в мезонине, и он будет храниться там с моими игрушками. Пойдем туда! – предложил Реджинальд, желая развлечь своего приятеля.

Он побежал в комнату миссис Лоренц, чтобы позвать и Лиззи, но, поглощенный своей затеей, не заметил, что его мать о чем-то серьезно беседует с девочкой.

– Я уверена, что мама будет очень рада сделать это. Мы всегда слышали о нем только хорошее, – говорила девочка хозяйке дома.

– Лиззи, пойдем с нами смотреть игрушки! – закричал Реджинальд, хватая девочку за руку и таща ее за собой в свою комнату, где он оставил Джима. – Идем скорее, Лиззи! Стоит ли смотреть на эту древность! – торопил он, когда та остановилась на широкой лестничной площадке, чтобы послушать музыкальный бой прекрасных старинных часов.

– Ах, как здесь чудесно! – в восторге воскликнула девочка, когда они вошли в комнату Реджинальда.

Среди прочих вещей тут лежали костюм, шляпа и перчатки, которые сын миллионера надевал

утром для верховой езды, небольшие боксерские перчатки, небольшие рапиры для фехтования и множество других роскошных вещей, говоривших об исполнении любой прихоти маленького баловня.

– Хочешь, я дам тебе урок бокса, Джим? – спросил Реджинальд, надевая перчатки и становясь в позицию. – Чарли говорит, что я уже хорошо бью с плеча!

– Когда нужно, так я умею драться и без перчаток! – ответил Джим безучастно.

– Значит, ты тоже умеешь хорошо боксировать? – спросил Реджинальд в полной уверенности, что все мальчики, в том числе чистильщики обуви, в совершенстве владеют боевыми приемами.

– Ну да, я учился драться и уворачиваться от ударов. И умею не хуже других раздавать тумаки. Однако я никогда не делаю этого нарочно или ради удовольствия. Ты сам знаешь, мне есть чем заняться.

– Но доктор Кемпер говорит, что это очень полезное упражнение для моего здоровья.

– Может быть, это и здорово для тех, кто разъезжает в экипажах и спит за занавесками, – заметил Джим, окидывая взглядом шелковый балдахин над кроватью. – Но я не родился таким богачом, и мне уже с пяти лет пришлось биться за кусок хлеба.

– Бедный Джим, – сказал с участием Реджинальд, подходя к мальчику и обнимая его, –

теперь тебе не надо будет этого делать: ты будешь жить здесь со мной.

— Постоянно играть за кусок хлеба так же тяжело, как и постоянно работать за него, — покачал головой Джим. — Но, по-моему, лучше все-таки работать!

— А теперь мы пойдем в мезонин, — торжественно объявил Реджинальд; он не знал, что ответить Джиму, и хотел поскорее закончить неприятный разговор. — Ну, пошли! Только ты, Лиззи, закрой глаза, не то опять будешь на все засматриваться по дороге.

Дети пошли через картинную галерею. Реджинальд шел задом наперед, следя, чтобы его друзья не останавливались, но Джим все-таки остановился перед изображением молодой матери с младенцем на руках. Он по привычке поднял руку, чтобы снять свою неизменную фуражку, совсем забыв, что уже отдал ее слуге, когда вошел в дом.

— Это Богородица и Христос, — пояснил Реджинальд, недовольный остановкой, — мы посмотрим эту картину в другой раз, Джим!

Проходя по галерее, Джим и Лиззи продолжали с благоговением засматриваться на прекрасные картины и чудесные статуи, казавшиеся им живыми. У самого выхода на пьедестале лежал высеченный из мрамора спящий ребенок. Увидев эту статую, Джим остановился, его грудь тяжело приподнялась. Он пропустил Реджинальда

вперед и нежно поцеловал мраморные губки малыша.

— Какая красота! — заметила девочка, когда они стали подниматься по спиральной лестнице вверх.

— А там наверху есть башня. Выгляни-ка из этих узких окон, и ты увидишь верхушки деревьев и синее небо. Ну вот, мы наконец и на месте! — сообщил Реджинальд, одним толчком отворяя дверь в мезонин. — Лиззи, садись вот здесь!

И мальчик не без хвастовства принялся опорожнять сундуки и ящики с игрушками.

— Это мой певучий волчок, — начал он, показывая игрушку, — он поет так жалобно, что мама каждый раз плакала, когда я его пускал. А это мой павлин: видите, какой у него превосходный хвост? Но я сломал подставку, и теперь он никуда не годится! — заметил мальчик, небрежно бросая в сторону дорогую игрушку. — А вот бедный Жако, моя обезьяна. Он околел, когда мы ездили на морской берег, и мама велела потом набить его опилками и вставить ему стеклянные глаза, чтобы я думал, будто он живой. Но когда я увидел, что он больше не прыгает, не тараторит и не смешит меня, мне не захотелось больше и смотреть на него!

С этими словами мальчик ногой отбросил в сторону чучело обезьяны, как ненужную вещь, уже отслужившую свои дни.

— А, тебе нравится лошадь-качалка? — спросил он, заметив, что Джим залюбовался краси-

вой игрушкой. – Эта лошадка почти такая же большая, как мой пони Дик. Но я уже вырос, чтобы играть с такими игрушками. Скоро у меня будет настоящий арабский пони, хотя мама говорит, что это не совсем безопасно для меня и что Вилли Сондерс сломал себе руку, когда катался верхом на своем пони. Лиззи, ты опять взялась за книгу! Ты совсем такая же, как все другие девочки! Когда моя двоюродная сестра Эстель приходит сюда, она всегда садится со своей куклой читать книжки и не хочет ни фехтовать, ни играть. Я терпеть не могу девочек!.. Ох, Лиззи, прости меня, я опять забыл... – он бросился к девочке, увлекшейся чтением. – Я не так хотел выразиться, прости меня, Лиззи! – повторил Реджинальд.

– Я даже не слышала, что вы сказали, – добродушно ответила девочка, поднимая голову.

– О, я произнес нехорошие слова! Но я люблю тебя, Лиззи, ты совсем не такая, как Эстель... Но она тоже хорошая, – прибавил мальчик, приученный хорошо отзываться о своих родных. – Хочешь, Джим, я подарю тебе эту лошадку? Нет, возьми лучше моего Дика, а я скажу маме, чтобы она купила мне арабского пони.

– Мне не надо никаких пони, – отозвался Джим, поглаживая шелковистую гриву игрушки, – но Джейми, наверное, полюбил бы вот эту лошадку...

– Да, да, наверное! Но ведь он не может больше играть с ней...

Глубокое горе Джима, стоявшего в стороне с опущенной на грудь головой, заставило Реджинальда прекратить свою беспечную болтовню.

— О, Джим! Что мне сделать, чтобы ты любил меня так же, как любил Джейми? — воскликнул он, глубоко тронутый. — Пусть эта лошадка будет его! Положи ящичек Джейми на седло и знай, что никто никогда не дотронется до вещей твоего друга!

— Если ты будешь любить Джейми, я полюблю и тебя! — прошептал Джим, глотая слезы.

— Ты увидишь, как я буду любить его! — горячо воскликнул Реджинальд, в полной уверенности, что Джим сдержит свое слово.

Глава XX

Про свежий воздух и серьезный разговор

Когда Джима проводили в комнату, предназначенную ему для ночлега, он вспомнил, что видел в мезонине небольшую кровать.

— Я лучше лягу спать там, наверху, — сказал он, указывая пальцем вверх.

— Ты хочешь спать в мезонине? — высокомерно спросил Реджинальд. — Но ведь та кровать поставлена для прислуги!

— Ну и что? — пожал плечами Джим. — Мне она вполне сгодится, хоть я и не прислуга!

— Я хотел сказать, что она недостаточно хороша для тебя, — поправился Реджинальд.

— Но мне там больше нравится. К тому же я привык спать на свежем воздухе: там я могу открыть окно и смотреть на звезды! — настаивал Джим.

— Оставь его, Реджинальд, пусть он делает как хочет, — заметила миссис Лоренц и приказала слуге: — Тиммон, проводите Джима.

Получив от своей хозяйки приказание проводить гостя в мезонин, спесивый слуга угадал в презренном чистильщике сапог нового любимца дома и потому почтительно отвел его наверх и с низким поклоном пожелал спокойной ночи.

Но Джим долго не мог заснуть. Лежа в постели, он мысленно перебирал события последних дней и заново переживал их с новой силой.

Наконец он встал и отворил окно. «Может быть, я усну, если здесь будет побольше свежего воздуха», — подумал мальчик. Но он был слишком возбужден, чтобы задремать.

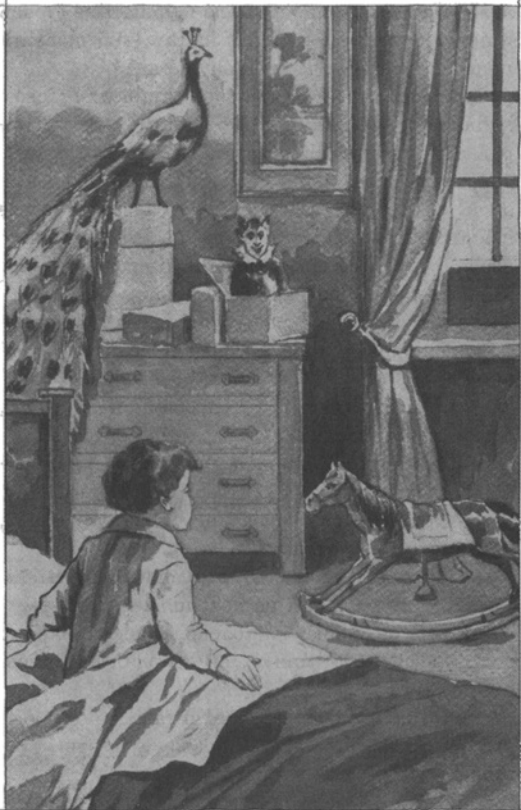
Взгляд Джима бесцельно блуждал по освещенным луной предметам, принимавшим иногда самые фантастические формы: глаза лошади горели как огненные шары, чучело обезьяны скалило зубы, а хвост павлина сверкал подобно сотне огромных чудовищных глаз. Мальчику казалось, что за ним следят со всех сторон.

«Здесь точно в зверинце! Все эти ящики, наверное, тоже набиты разными зверями, как в Ноевом ковчеге», — думал он, поворачиваясь лицом к стене и закрывая глаза. Но заснуть ему так и не удалось: посреди царившей кругом тишины внезапно раздалась резкая песня сверчка, окончательно разогнавшая сон.

Тем временем Реджинальд тоже беспокойно метался на своей постели. Слабый свет ночной лампы тускло освещал комнату и, казалось, наполнял ее удушливым смрадом. В комнате матери было тихо, а из-за портьер доносилось ровное, глубокое дыхание гувернантки.

Откинув одеяло, маленький миллионер спустил босые ноги на пол, подкрался к дверям и, осторожно повернув ключ, вышел в слабо освещенную прихожую. Большие часы разразились громким боем, и Реджинальд остановился и затаил дыхание, испугавшись, что эти звуки разбудят прислугу.

Выждав несколько минут и убедившись, что все в доме спят, мальчик, словно маленькое привидение, прошмыгнул в картинную галерею и невольно вздрогнул, услышав, как за панельной обшивкой стены что-то грызетмышь. Яркий свет луны заливал таинственным блеском изображенные на картинах лица. Казалось, они строгими взглядами провожают крадущегося мимо них Реджинальда, и высеченный из мрамора мальчик тоже казался живым на своем каменном

«Здесь точно в зверинце!» – подумал Джим.

ложе. Даже мышка перестала шуршать за стеной и прислушивалась к тихим шагам, нарушавшим привычную в этот час тишину дома.

Миновав галерею, мальчик приподнял свою длинную рубашонку и стал подниматься по спиральной лестнице. Время от времени его окутывал яркий свет луны, проникавший из узких окон, и серебрил его золотистую головку и голые ножки. Поднявшись наверх, он тихо толкнул дверь и остановился на пороге, озаренный с ног до головы волшебным лунным светом.

Джим увидел из своего темного угла таинственное привидение и мгновенно вскочил с кровати.

— Джейми, это ты? — спросил он шепотом, в котором слышалась неизъяснимая радость.

— Ш-ш-ш-ш... — прошептало привидение, приложив палец к губам. — Это я, Реджинальд...

— А-а-а... — разочарованно вздохнул Джим, падая назад на подушки.

Реджинальда обидел этот холодный прием.

— Я уйду, если ты не хочешь меня видеть, — сказал он, опускаясь на колени, чтобы прикрыть голые ноги. В эту минуту он походил на молившегося ангела.

— Джейми точно так же читал свои молитвы, — прошептал Джим, пораженный этим зрелищем.

— И я тоже молюсь, хотя я и не всегда добрый, — простодушно ответил Реджинальд.

Миновав галерею, мальчик стал подниматься
по спиральной лестнице.

– Малыш всегда молился за меня. А теперь уже некому это делать...

– Я буду молиться за тебя! Это мне больше нравится, чем просить за себя. Ты ведь знаешь, у меня все есть, мне ничего не надо.

– Ну хорошо, – согласился Джим, сердце которого нуждалось в утешении.

– «Господи, благослови и помилуй меня, не отврати лица Своего от меня...» – начал Реджинальд.

– Ты, кажется, только за себя молишься, – перебил его Джим.

– Эта молитва так начинается, – возразил Реджинальд, – но я сейчас прибавлю: «Господи, помилуй Джима и не отврати лица Своего от него. Аминь».

– Аминь, – повторил Джим. – Я думаю, что Господь услышит твою молитву... Зачем ты пришел сюда? – спросил он уже более дружелюбно.

– Джим, я не мог уснуть и все время думал о тебе. Мне казалось, что тебе скучно, вот я и пришел.

– Так иди ко мне под одеяло, – предложил Джим. – Я вижу, ты озяб!

Реджинальд юркнул в постель и прижался к Джиму.

– Как в мезонине хорошо и прохладно! – заметил Реджинальд. – У меня-то в комнате горит лампа и занавески все задернуты, так что совсем не похоже на ночь. А, оказывается, на небе ярко блестят луна и звезды... Я прежде никогда не за-

мечал их! Знаешь, Джим, — сказал он после минутного молчания, — мне кажется, что я тебя больше люблю, чем ты меня.

— Я не знаю, насколько ты можешь любить других, — ответил Джим, — но мне кажется, у тебя так много родных и других добрых людей, которых ты обязан любить, что ты никого не любишь от всего сердца.

— О, Джим, как ты можешь так думать?! — воскликнул Реджинальд. — Я очень люблю маму, кузена Чарли. И мадемуазель тоже.

— А они знают об этом?

— Ну да, как же им этого не знать! Ведь потому они и делают все для меня.

— Ну, не мешало бы тебе почаще напоминать им о том, что ты их любишь. Да и делом доказывать это!

— Я стараюсь. Только быть добрым, оказывается, довольно трудно! — вздохнул Реджинальд. — Как ты думаешь, Джим, можно ли в школе научиться быть добрым?

— Как тебе сказать... Не знаю, — признался Джим, — но там, говорят, мальчиков перевоспитывают.

— Перевоспитывают, если они недобрые? Как же это делается, Джим?

— Их отучают от дурных привычек.

— Скажи мне, Джим, если бы ты был сыном моей мамы, а я оказался на твоём месте, была ли бы между нами какая-нибудь разница?

- Разумеется! Тогда я был бы миллионером.
- А ты был бы добрым?
- Не знаю... Может быть, я сделался бы морским разбойником.
- Что ты говоришь, Джим! Ведь тогда ты был бы гораздо хуже меня?
- Не знаю, но думаю, что ты на моем месте не сделался бы негодяем. Ты и сейчас неплох, только испорчен.
- А что меня испортило, Джим? – спросил озабоченно мальчик.
- Деньги!
- Ну вот, то же самое мне сказала и миссис Дове! Что мне делать, Джим? У меня слишком много денег! – вздохнул Реджинальд.
- Ну, от этого добра избавиться нетрудно! Разбросай их вокруг: охотников найдется много – живо подберут.
- Благодарю тебя, Джим, – Реджинальд горячо обнял друга. – Я раздам их другим мальчикам. А что, если эти деньги их тоже испортят? – спросил он после минутного раздумья.
- Ну, об этом не беспокойся, такой риск они охотно возьмут на себя.

Наступила полная тишина. Луна величественно продолжала свой обход и озаряла один за другим предметы в мезонине, пока, словно бы посылая прощальный привет, не добралась до подушки, на которой покоились невинным сном две детские головки.

Глава XXI

Про то, что обнаружилось утром

Проснувшись на рассвете, Реджинальд обнаружил себя рядом с крепко спавшим Джимом.

«Я должен поскорее вернуться в свою постель, — подумал он, — ведь мама каждое утро приходит, чтобы меня поцеловать!»

Чтобы не разбудить спящего товарища, он осторожно слез с кровати, крадучись спустился вниз по лестнице и, найдя дверь в свою комнату полуоткрытой (так он оставил ее ночью) юркнул в постель, где тут же крепко заснул.

Когда он снова открыл глаза, в окно уже всю светило солнце и мать, сидя у изголовья, ожидала его пробуждения.

— Я думал, что все еще сплю в мезонине! — удивился Реджинальд, совсем забыв, как на заре вернулся в свою комнату.

— Ты видел это во сне, мой дорогой, — нежно ответила ему мать.

— О, нет, мама! Я в самом деле спал в мезонине.

— Да нет же, мой милый. Я сама уложила тебя спать здесь, — улыбнулась миссис Лоренц.

— Нет, мама, я спал там! Видишь ли, я долго не мог уснуть и пошел к Джиму, а потом боялся возвращаться один и остался у него до утра.

И знаешь, мама, мне кажется, что спать наверху очень хорошо и полезно для здоровья.

Миссис Лоренц глубоко вздохнула и начала сожалеть о том, что привела к себе в дом этого незнакомого мальчика. Но Реджинальд не заметил озабоченного выражения ее лица. Обхватив мать за щеку обеими руками, он принялся горячо целовать ее, повторяя при каждом поцелуе:

— Мама, я люблю тебя, так люблю, так люблю! Я обещал Джиму, что скажу тебе это!

— Разве ты без этого мальчика не знал, что должен любить свою мать, Реджинальд? — ревниво поинтересовалась миссис Лоренц.

— Нет, мама, ты не поняла меня! Видишь ли, Джим знает много такого, чего я совсем не понимаю... И он сказал мне, что ты меня любишь.

— Разве тебе нужен был чистильщик сапог, чтобы увериться в моей любви, Реджинальд? — голос матери задрожал от волнения.

— О, нет, мама! Отчего ты так смотришь на меня? — расстроился Реджинальд. — Но, понимаешь, я недавно узнал, что я испорчен. Джим и все другие тоже так думают. И ты, мама, тоже, наверное, так считаешь, правда?

Миссис Лоренц горячо поцеловала сына и, не отвечая на вопрос, только крепче прижала его к своему сердцу.

— Ты мое единственное сокровище, Реджинальд, — наконец произнесла она. — И для меня ты должен быть совершенством.

– Значит, я должен быть таким, как Джим, мама, правда? Впрочем, я уже говорил тебе, что я хочу стать таким, как он.

– Ты, верно, имеешь в виду, милый, что хочешь вырасти и сделаться добрым, благоразумным человеком?

– Да, мама, именно это я и хотел сказать. Я хочу быть таким же добрым мальчиком, как Джим, а потом сделаться хорошим мужчиной.

– А знаешь ли ты, что сейчас уже полдень? – заметила мать, желая переменить разговор.

Реджинальд быстро вскочил с постели.

– Отчего ты не сказала мне этого раньше, мама? Где Джим?

– Реджинальд, ты говорил, что любишь меня... – проговорила миссис Лоренц, подавая мальчику халат.

– Да, мама, я тебя очень люблю!

– И что ты хочешь быть добрым мальчиком...

– Да, мама.

– А ты не забудешь этого? – спросила мать, пристально взглянув на него.

– О, нет, мама, никогда!

– Ты спросил меня, где Джим. Так вот, его уже нет здесь, он ушел.

Мальчик остановился, как громом пораженный.

– Разве он убежал, мама? – спросил он, наконец, упавшим голосом. – Значит, ему не нравится жить с нами?

— Реджинальд, ты должен понять, что у нас не место такому мальчику, как Джим. Он не годится тебе в товарищи.

— Не годится?! — произнес мальчик с глубоким вздохом. — Значит, он слишком хорош для меня?

— Кузен Чарли отвез Джима к миссис Дове, он будет там жить и ходить оттуда в школу.

— О, мама! — воскликнул Реджинальд, от досады покраснев до корней волос. — Значит, ты... — он вдруг замолчал и, быстро зажав себе ладонью рот, постарался улыбнуться сквозь душившие его слезы. — Мама, я едва опять не сделался нехорошим!

— Но ведь ты обещал мне, — мать притянула к себе возбужденного сына, — что будешь добрым и поможешь мне сделать других счастливыми, не так ли?

— Да, мама. Джим тоже говорит, что я еще не настолько испорчен, чтобы сделаться негодяем.

Слова сына поразили и вместе с тем разгневали миссис Лоренц.

— Реджинальд, — сказала она строго, — я совсем не понимаю твоих слов. Боюсь, ты у этого мальчика научился многому такому, чего тебе совсем не следовало знать.

— Нет, мама! Джим вовсе не учил меня дурному. А когда я спросил, как сделаться добрым, он ответил, что просто не надо быть злым.

Миссис Лоренц искренне порадовалась про себя, что столь благоразумно удалила Джима

из дома, и решила приложить все усилия, чтобы в скором времени положить конец столь странной дружбе.

В это время в комнату вошла гувернантка с серебряным подносом, на котором в хрустальной и фарфоровой посуде был сервирован изысканный завтрак для маленького джентльмена.

— Взгляните, мистер Реджинальд, какая у вас сегодня земляника! — сказала француженка, указывая на сочные ягоды, бывшие редким лакомством для того времени года.

— Благодарю вас, мадемуазель, — ответил мальчик, — вы очень любезны, а я сегодня сильно проголодался.

Глава XXII

Про нового учителя и морских разбойников

Посмотрели бы теперь прежние клиенты на Джима Трейси, когда он по утрам направлялся в школу! В этом хорошо одетом мальчике не было узнать прежнего чистильщика сапог, который в рваной одежде, грязный и нечесанный бродил в любую погоду по улицам, отыскивая себе работу.

Читать Джима научила когда-то его мать, а считать — горькая необходимость. Поэтому, подготовившись у нанятого мистером Лоренцем учителя, он легко поступил во второй класс, из которого надеялся перейти сразу в четвертый. Хорошая пища и правильный образ жизни в семействе Дове также благотворно отразились на здоровье мальчика и придали его исхудалому изнуренному лицу более цветущий вид.

Джим не мог нарадоваться, что попал в дом, где вдоволь свежего воздуха, и чувствовал себя счастливым в этой мирной, трудолюбивой семье. Учителя отзывались о нем с лестной похвалой и говорили мистеру Лоренцу, что во всей школе не найти более прилежного и понятливого ученика.

Мистер Лоренц не забыл и о своем маленьком двоюродном брате. Не добившись у тетки согласия послать Реджинальда в школу, он уговорил ее пригласить толкового учителя по более серьезным предметам, нежели музыка, танцы и французский язык. Реджинальд жаждал учиться, а потому с восторгом принял профессора Брауна, своего будущего наставника, и за короткое время привязался к нему всем сердцем.

Не проходило и дня, чтобы маленький миллионер не осведомился об успехах и здоровье Джима. Узнав, каким отличным учеником сделался чистильщик обуви, Реджинальд не мог нарадоваться успехам своего друга и изо всех сил старался следовать его примеру.

– Знаете ли, профессор, – сказал он однажды учителю во время урока, – богатому мальчику очень трудно быть добрым, я уже пробовал. Мама думала, что Джим испортится, если будет жить здесь. А он – хороший мальчик, поэтому переехал к миссис Дове. Как вы думаете, мистер Браун, вам удастся превратить меня в хорошего мальчика?

– Мне кажется, такого славного мальчугана совсем не нужно превращать, – весело ответил профессор.

– О, вы не знаете меня! – с серьезным видом возразил Реджинальд. – Я сделал очень много дурного в жизни!

– Неужели? Ну, расскажи мне, Реджинальд, про свой самый дурной поступок!

– Тогда мне придется очень много рассказывать. Вот тут стояло большое зеркало. А я бросил в него мои стеклянные шарики, и оно разлетелось вдребезги. А еще я однажды бросил новый бархатный костюм в ванну. И чуть не разбил мамину любимую китайскую вазу...

– И ты делал все это нарочно? – серьезно спросил учитель.

– Ну да, конечно. И если бы я потом не убежал...

– О, значит, ты уже бывал и в бегах?

– Да, и знаете, если бы мне тогда не рассказали о маленьком Гансе и если бы я не увидел в больнице Джейми и других детей, я, может быть, сделался бы морским разбойником!

– Вот как! А что за люди морские разбойники? – спросил учитель, полагая, что мальчик прочел где-нибудь о пиратах, и уже стал мысленно подбирать своему ученику более подходящие книжки для чтения.

– Морской разбойник – это злой человек, так говорил мне Джим.

– Так он рассказывал тебе о морских разбойниках, Реджинальд? – спросила миссис Лоренц, входя в комнату.

– Да, мама, он сказал, что деньги портят мальчиков и что если бы он был миллионером, то, может быть, сделался бы морским разбойником...

Миссис Лоренц с тревогой вопросительно взглянула на учителя.

– Что он хочет этим сказать? – спросила она в недоумении.

– Ничего дурного, миссис Лоренц, – ответил учитель. – Вероятно, Джим немного разочаровал вашего сына насчет преимуществ богатства.

– Да, мистер Браун, Джим знает все и рассказал мне много таких вещей, о которых я совсем ничего не знал. Но я хочу сам все узнать и полагаю, что от этого мальчики делаются только лучше.

– Хорошо, мой милый, но сегодня мы начнем с арифметики. Справься сначала с этим делом, а потом примемся и за другие.

Глава XXIII

Про загадочные пропажи в доме Лоренцев

— Мадемуазель! — позвала миссис Лоренц гувернантку, собираясь ехать на какой-то вечер. — А где мои бриллианты?

Гувернантка прибежала на зов.

— Их нет в секретном ящике, — продолжала миссис Лоренц, нахмутив брови, — а вы сказали мне, что положили их туда.

— Мэм, я и в самом деле положила ваши бриллианты туда. Вы не замечали, чтобы кто-нибудь трогал ящик?

— Ящик открывается с помощью тайной пружинки, и я не видела, чтобы кто-нибудь дотрагивался до нее.

В зеркале отразились лица двух женщин, недоуменно и испуганно смотревших в пустой ящик.

— О, этот чистильщик сапог! — воскликнула гувернантка, вдруг вспомнив о Джиме.

Миссис Лоренц быстро схватила ее за руку, пораженная этими словами.

— Вы думаете, что он взял их? — спросила она, с трудом переводя дыхание.

— Да, мэм, кому же еще! Все это время у нас никого не было из чужих, кроме него. И когда

он ушел, исчезли и бриллианты! – убежденно ответила гувернантка.

– Что же мне теперь делать?

– Прикажите сейчас же арестовать его, мэм, – сказала гувернантка, – и вы найдете ваши бриллианты.

Из соседней комнаты слышались быстрые шаги, и миссис Лоренц приложила палец к губам, давая гувернантке знак, чтобы та молчала.

– Мама, – окликнул Реджинальд, вбегая в комнату, – где мои часы? Я нигде не могу их найти.

Обе женщины многозначительно переглянулись, окончательно убедившись, что часы пропали вместе с бриллиантами.

«Но Реджинальд не должен ничего знать, пока я не буду иметь в руках доказательств», – подумала миссис Лоренц.

– Я прикажу отыскать твои часы, дорогой мой, – сказала она мальчику, – а пока мадемуазель даст тебе свои.

– Благодарю вас, мадемуазель! – кивнул Реджинальд, убегая с часами к своему маленькому другу Вилли Сондерсу, с которым собирался бегать наперегонки.

Позвали мистера Лоренца, чтобы сообщить о случившемся.

– Посмотри, Чарльз, – проговорила миссис Лоренц, указывая на пустой ящик, – у меня украли мои бриллианты, и часы Реджинальда тоже пропали. Теперь ты видишь, насколько

небезопасно принимать у себя таких гостей, как этот чистильщик обуви!

Замечание было высказано таким тоном, будто именно мистер Лоренц был виноват в пропаже драгоценностей.

— Вы уверены, тетя, что это Джим украл их?

— Конечно! Больше никому! Он ушел, а вместе с ним исчезли и бриллианты. Наши слуги живут у нас давно, и им вполне можно доверять.

— Извините меня, тетя, но я не верю, чтобы Джим взял ваши бриллианты.

— Тогда кто же их взял, Чарльз?

— Не знаю. Я их не брал и потому не могу назвать имя вора. Но ведь вы так же легко можете подозревать и меня, как Джима.

— Глупости, Чарльз! Все эти дни у нас никого не было, а в честности слуг, как я тебе уже сказала, я уверена. Этого же мальчика мы совсем не знаем и поступили очень неосторожно, приведя его в дом.

— На то была ваша добрая воля, тетя, и я думаю, вам не следует сожалеть об этом.

— Однако теперь я очень сожалею, что поступила так доверчиво. Скажи, что же мне теперь делать?

— Разумеется, вы можете арестовать мальчика, присягнув, что он украл ваши драгоценности. И если он не сумеет оправдаться, вы можете совсем погубить его, надолго упрятав в исправительный дом.

— Но я не хочу никого губить, Чарльз. Я всего лишь хочу вернуть мои бриллианты.

— Хорошо ли вы их искали, тетя?

— Разумеется. Но их нет в ящике, где они всегда лежат и куда мадемуазель положила их, приняв от ювелира. Кроме того, Джим решил непременно спать в мезонине и говорил Реджинальду, что хочет сделаться морским разбойником или кем-то в этом роде.

— Мне кажется, что история с мезонином не может служить доказательством его вины. Эта комната находится слишком далеко от вашей. Что же касается морских разбойников, то в известном возрасте все мальчики хотят быть кем-нибудь в этом роде. Я тоже думал так, однако все-таки сделался порядочным членом общества.

— Как я теперь сожалею, что приняла участие в этом мальчике! — повторила миссис Лоренц.

— А между тем все мы были ему очень благодарны, когда увидели его впервые!

— Неужели ты думаешь, Чарльз, что я когда-нибудь забуду его услугу?

— Надеюсь, что нет, тетя. С вашей стороны было бы самой черной неблагодарностью погубить того, кто спас жизнь Реджинальду.

— Но надо же что-то делать, Чарльз, чтобы отыскать бриллианты! Ты сам знаешь, что они подарены мне твоим дядей в день нашей свадьбы, и я дорожу этой памятью.

— Так что же из этого! Или вы хотите выдать мальчика полиции и опозорить его на всю жизнь?

— Что ты говоришь, Чарльз! Я не хочу его позорить, но думаю, что за ним следует проследить и заставить во всем признаться. А для начала необходимо предупредить его учителей и миссис Дове, чтобы они также наблюдали за ним.

— В таком случае позвольте мне, тетя, действовать за вас. Мальчик продолжает прилежно ходить в школу и живет у женщины, которая работает у вас и всегда может дать вам отчет в его поступках. Из этого следует, что он не собирается бежать, и потому спешить нам не следует. Я буду действовать в этом деле очень осторожно, чтобы, когда невиновность Джима будет доказана, он ничего не знал о наших подозрениях, ведь они могут глубоко оскорбить чувства мальчика и его самолюбие. Распустить дурную молву и заклеить человека на всю жизнь очень легко, а вот восстановить его доброе имя будет намного труднее. Поэтому обещайте мне, тетя, связать язык своей болтливой француженке!

— Я уже предупредила ее, потому что не хочу, чтобы Реджинальд хоть что-нибудь знал об этом.

Глава XXIV

Про розыск, доверие и закон

Хотя все подозрения миссис Лоренц основывались лишь на догадках, она была твердо

убеждена в вине Джима. Кроме того, она вспомнила, что, когда он впервые явился к ним в дом, она давала Реджинальду играть бриллиантами, чтобы заставить его принять лекарство, и велела отнести украшения наверх, когда мальчик заинтересовался пришедшими.

Сгорая от нетерпения получить обратно свои драгоценности, она на третий же день заявила племяннику, что следует принять более энергичные меры. По ее настоянию Чарльз Лоренц согласился наконец передать это дело полиции и провести следствие, которое успокоило бы его тетку и, как он надеялся, доказало бы полную невиновность Джима.

Изложив полицейскому инспектору подозрения и догадки миссис Лоренц, он добавил, что твердо убежден в честности Джима, и попросил поручить дело достойному доверия лицу и проводить его без всякой огласки.

— Хорошо, — ответил инспектор, — мы поведем это дело тайно. Где проживал Джим Трейси до того времени, как вы взяли его на свое попечение?

— Он жил недалеко отсюда, в жалкой лачуге на свалочном дворе. Полисмен Мерфи знает мальчика и быстро найдет его.

— Хорошо, я поручу Мерфи вести следствие. Но раз вы заинтересованы в этом деле, вам следовало бы сегодня же отправиться туда вместе с нами по горячим следам. Может быть, он скрывает бриллианты там.

— Я совсем не хочу, чтобы меня вмешивали в это дело.

— Мы и не вмешиваем вас, — возразил инспектор. — Мерфи дежурит около того самого места каждую ночь, и его присутствие не вызовет у мальчика подозрений. Мы же будем только издали наблюдать за ними.

Ночь была пасмурная и темная. Инспектор, мистер Лоренц и полисмен Мерфи сели в закрытую коляску и поехали к прежнему жилищу Джима.

— Какое ужасное место! — заметил инспектор, очутившись за мрачным забором на свалке, куда привел их Мерфи, шедший впереди с потайным фонарем.

Мужчины осторожно подошли к дощатой будке Джима и остановились у задней стены. Сквозь щели сюда проникали слабые лучи света, и было слышно, как кто-то копает землю. Послушав с минуту, Мерфи дождался знака инспектора, подошел к двери и, заглянув в нее, увидел, что Джим стоит на коленях над вырытой ямой и укладывает в нее какой-то пакет.

Сердце полисмена замерло. «Вот в это я никогда бы не поверил!» — подумал он и тяжело вздохнул.

Но, несмотря на столь очевидную улику, он не воспользовался потайным фонарем, чтобы тотчас же раскрыть преступление и именем закона арестовать предполагаемого вора. «Пусть мальчик пока не догадывается, зачем я пришел, —

решил он. — Я давно знаю его, и это первый подозрительный случай».

Инспектор и мистер Лоренц, стоявшие в стороне, не видели, что происходит в будке. Услышав чьи-то шаги, Джим быстро вскочил, задул свечу и вышел, пряча пакет за спиной.

— Куда направляешься? — спросил Мерфи обычным спокойным голосом, кладя тяжелую руку на плечо мальчика.

— Домой, к миссис Дове, — ответил Джим. — Они все ушли на целую ночь в больницу к умирающему Робби, а я вышел прогуляться.

Полисмен не торопясь пошел вместе с мальчиком и, проводив его до дома, поднялся в подъемнике на крышу.

— Я давно не был здесь, наверху, — заметил он как ни в чем не бывало, — хочу взглянуть с крыши на город.

Остановившись на крыше рядом с Джимом, он, похоже, залюбовался мелькавшими по всему городу огоньками и мерцающими над ним звездами.

— Правда, тут хорошо? — спросил Джим. — Все эти огоньки и звезды блестят, точно бриллианты и рубины!

— Таких дорогих камней я никогда не видел, — усмехнулся полисмен, — но ты, Джим, наверное, много посмотрелся у своих важных знакомых.

Мальчуган принял слова полисмена за насмешку и сконфузился.

– Да, я видел бриллианты миссис Лоренц. Она при мне дала своему сыну поиграть с ними, когда он не хотел принимать лекарство.

– И что же, они очень красивы? – спросил Мерфи.

– О, да! Они сияли и блестели, как вон те огоньки! – кивнул Джим.

Наступило долгое молчание. Неподвижные фигуры мальчика и полисмена на крыше походили на бронзовые статуи, резко выделявшиеся на фоне неба.

– А что у тебя в пакете, парень? – внезапно нарушил молчание полисмен, словно только что заметил сверток в руках мальчика.

Джим смешался и спрятал пакет за спину.

– Похоже, там что-то ценное и ты не знаешь, куда это спрятать, – усмехнулся Мерфи и добавил: – Джим, разве я не доказал тебе своей дружбы?

– Вы всегда были моим другом! – с жаром воскликнул мальчик.

– Ты ведь всегда доверял мне больше, чем другим...

– Да, я верю только вам одному!

– Ну так отдай мне этот пакет на хранение!

Джим колебался.

– У меня он будет в сохранности, – убеждал Мерфи.

Джим не знал, на что решиться. «Дома мне негде спрятать пакет, а оставить его на крыше

тоже нельзя», — подумал он и в конце концов не-
хотя протянул пакет полисмену:

— Вы правы. Возьмите. И... спасибо!

— Будь спокоен, я его не открою! — заверил
Мерфи и, пожелав Джиму спокойной ночи, спу-
стился вниз.

Вернувшись в полицейское управление, Мер-
фи передал пакет инспектору.

— Значит, вы заставили маленького негодяя
признаться, Мерфи? — спросил инспектор, запи-
рая пакет в несгораемый шкаф.

— Он с полным доверием отдал мне пакет,
и теперь я не отвечаю за него, — хмуро ответил
полисмен.

— На этот счет не беспокойтесь: всю ответ-
ственность я беру на себя, — сказал инспектор. —
Ну, что вы голову повесили, друг мой? — продол-
жал он. — Мало ли какие случаи у нас бывают.
Главное, не спускайте теперь глаз с этого маль-
чишки. Видно, он еще новичок, иначе не дове-
рил бы вам пакет.

— Он доверил его мне как своему лучшему
другу, — угрюмо заметил полисмен.

— Ну так что ж! Ваша прямая обязанность
быть другом всего общества, а не одного лица.
Поэтому я советую вам стряхнуть с себя лишнюю
чувствительность, когда вы имеете дело с за-
коном.

— Закон безжалостен и часто несправедлив! —
пробормотал Мерфи, возвращаясь на свой пост.

В эту ночь он особенно добросовестно исполнял свои обязанности и произвел несколько арестов.

— Вы далеко пойдете, Мерфи, если будете так продолжаты! — заметил ему инспектор.

Глава XXV

Про тайное дело в полицейском управлении

Мистер Лоренц недолго оставался в неизвестности. С вечерней почтой он получил от инспектора записку с приглашением явиться в полицейское управление, чтобы присутствовать при вскрытии ящика с бриллиантами.

Несмотря на почти доказанную виновность Джима, мистер Лоренц по-прежнему надеялся найти оправдание мальчику и спасти его от гибели.

«Как я буду рад, если Джим окажется невиновен! — думал он. — А тетке моей было бы поделом, если бы она лишилась своих жалких бриллиантов. Зачем позволять маленькому ребенку играть драгоценностями? Вводить в искушение маленьких несчастных бродяг непростительно!»

Желая отдалить грустную развязку, он на другое утро не поехал сразу к инспектору сыскной

полиции, а ушел в контору, ломая себе голову над тем, как бы оправдать Джима, если тот окажется виновным. В конце концов он решил отказаться от всякого преследования и написал инспектору, что явится к нему вечером.

В назначенное время он приехал в полицейское управление, где его уже ожидали инспектор и Мерфи. Все трое молча удалились в кабинет инспектора, притворив за собой дверь. Никто из них не произнес ни слова.

Мерфи зажег газ, а мистер Лоренц сел за письменный стол, заваленный телеграммами и другими официальными бумагами, и заслонил рукой глаза от света.

Инспектор неторопливо открыл свой железный шкаф, вынул оттуда пакет, завернутый в толстую бумагу, и, сжав губы, стал торжественно развязывать туго завязанную узлом веревку. Полисмен Мерфи стоял около него, опустив голову на грудь, с видом настоящего вора, готового сознаться в преступлении, а мистер Лоренц не спускал глаз с инспектора.

«Что он копается? Разрезал бы веревку, да и делу конец!» — думал он, глядя, как инспектор возится с узлом. Казалось, добрый ангел покинул Джима, не рассеяв в душе этих троих уверенности в виновности мальчика. Сердце мистера Лоренца болезненно сжалось: ему казалось, что он присутствует при вскрытии живого человека.

Наконец инспектор развязал узел, медленно развернул толстую бумагу и вынул из нее маленький ящичек. В нем звякнуло. Мистер Лоренц живо поднялся и подошел к инспектору.

Дубовый ящичек был заперт, и от него пахло сырой землей. Инспектор протянул к Мерфи широкую ладонь.

— Ключ? — произнес он глухим голосом, прервав наконец долгое молчание.

Однако его подчиненный покачал головой.

Инспектор с недовольным видом сунул руку в карман и вытащил большой нож. Не торопясь он раскрыл его, засунул лезвие в скважину замка, легонько надавил — и крышка взлетела, обнаружив тайну преступника Джима Трейси...

Словно сговорившись, трое мужчин разом нагнулись над ящичком и с изумлением уставились на маленького игрушечного солдатика в красной форме, глядевшего на них своими веселыми глазками.

— Ох, и дали же мы маху! — расхохотался инспектор.

— Спасен! — в восторге пробормотал мистер Лоренц, чувствуя, что тяжелый камень скатился у него с сердца. Ну а лицо полисмена Мерфи засияло таким же счастьем и довольством, как рожица красного солдатика.

Однако инспектор помнил, что слышал подозрительный стук в ящичке. Он не особо надеялся обнаружить в солдатике сокрытые бриллианты,

но тем не менее надавил на игрушку — и та жалобно запищала под его грубыми пальцами. Это еще больше развеселило инспектора. Он залился таким громким смехом, что любопытные служащие столпились у стеклянных дверей, пытаясь разгадать причину веселья своего начальника.

Дотошно исследовав ящичек, инспектор извлек из него шесть разноцветных стеклянных шариков, фотографическую карточку умершего Джейми и локон его волос. На дне ящика лежал конверт, в котором обнаружилось свидетельство о браке Элеоноры ван Альштейн с мистером Джемсом Трейси.

— Мы как будто расхищаем могилу, — грустно заметил Чарльз Лоренц.

— Что делать! Мы действуем по закону и иногда невольно совершаем грубые ошибки, — пожал плечами инспектор, перекатывая на ладони стеклянные шарики. — Да, Мерфи, — признал он, — на этот раз мы крепко промахнулись! Кто возьмет этот сверток на хранение?

— Я, — ответил Мерфи с достоинством, укладывая красного солдатику обратно в ящик. — Джим доверил мне этот ящичек, потому что не знал, где хранить его. А мы посмеялись над единственными сокровищами бедного мальчика — брачным свидетельством покойных родителей и портретом умершего друга!

— Ну, ладно, Мерфи, вы всегда были и будете чувствительным малым! Теперь можете идти

со своим сокровищем! — шутливо отозвался инспектор, которого в эту минуту позвали в канцелярию.

— Я глубоко сожалею, что затеял это дело! — признался мистер Лоренц, с жаром пожимая руку полисмена. — Но теперь, надеюсь, моя тетка убедится в невинности мальчика. А я, со своей стороны, не сделаю больше ни единого шага к розыску этих злополучных бриллиантов!

— Теперь я понимаю, почему он так не хотел расставаться с ящичком, — сказал Мерфи, тщательно заворачивая ящик в бумагу и обвязывая его веревкой. — Я часто подшучивал над ним и называл его папой маленького Джейми. Парень, вероятно, опасался, что теперь я прозову его отцом красного солдатики...

Глава XXVI

Про разоблаченную тайну и маленький урок

Мистер Лоренц тотчас уехал домой, чтобы сообщить своей тетке результат розыска и окончательно рассеять ее подозрения относительно Джима Трейси. Застав ее в будуаре, он сел рядом на маленький диван и взял ее за руку.

– Знаете, тетя, – сказал он, – какую я привез вам интересную новость?

– О моих бриллиантах, да, Чарльз? – спросила женщина с живостью.

– Да, о них! – ответил молодой человек и в подробностях рассказал историю следствия до того момента, как вскрыли ящик.

– И они были там? – воскликнула миссис Лоренц, с нетерпением ожидавшая развязки.

– Нет. Их там не было!

Миссис Лоренц изменилась в лице.

– Зачем же ты в таком случае рассказываешь мне эту длинную историю? – заметила она недовольно.

– Затем, чтобы доказать вам невиновность мальчика.

– Но этим ты ничего не докажешь, Чарльз! Для чего же он тогда вырыл в земле яму и стал прятать в нее ящик?

– Дайте же мне договорить до конца, и вы узнаете, что было в ящике.

– Ты уже сказал, что моих бриллиантов там не было. Остальное меня не интересует!

– Но я надеюсь, тетя, что вам, по крайней мере, интересно было узнать, виноват ли Джим.

– Да, но я все-таки сильно сомневаюсь в невиновности этого мальчика.

– Мама, мама! – раздался в эту минуту звонкий голос Реджинальда, и мгновение спустя мальчик вбежал к матери с высоко поднятой рукой, в которой сверкала золотая цепочка с брело-

ками и часами. — Смотри, мама, мои часы! — закричал он, подбежав к матери.

— Где ты их нашел? — с живостью спросил его кузен, хватая мальчика за руку.

— В кармане костюма, который я снял в то утро, когда мама уехала. А я все время везде искал свои брелоки и вот, наконец, нашел их вместе с часами. Ах, как я рад!

— И я тоже! — с жаром поддержал его мистер Лоренц.

— Значит, чистильщик сапог не вор! — воскликнула гувернантка, входя в комнату. — Раз часы найдены...

— Мадемуазель!.. — резко остановила ее миссис Лоренц.

— Кто посмел так сказать про Джима?! — Реджинальд устремил на гувернантку засверкавшие от гнева глаза.

— Извините, мэм, я забыла!.. — пробормотала гувернантка, краснея и поспешно удаляясь из комнаты.

Но Реджинальд бросился за ней и вцепился в ее платье.

— Как вы посмели? Вы имели наглость называть моего друга вором? — кричал мальчик, вне себя от возмущения.

— Милый, успокойся. Ничего страшного не произошло! — примирительно проговорила его мать.

— Ничего страшного?! Мадемуазель Кларет должна сейчас же взять назад свои слова и просить

прощения у Джима! – выкрикнул Реджинальд и кинулся к матери.

«Может быть, мне тоже придется просить прощения у чистильщика обуви», – подумала миссис Лоренц, лаская сына.

– Ну, ну, успокойся, мой дорогой! – произнесла она вслух.

– Мама, прогони ее сейчас же! Я не хочу ее больше видеть! – продолжал взволнованный мальчик, указывая на дверь, за которой скрылась гувернантка.

– Может быть, и остальное найдется, если вы поищите у себя хорошенько? – спокойно заметил тетке мистер Лоренц.

– Разве что-нибудь еще пропало, мама? Скажи, я что хочешь тебе найду! – самоуверенно воскликнул мальчик.

– Позовите-ка сюда мадемуазель Кларет, тетя, – сказал мистер Лоренц.

Миссис Лоренц позвала французенку.

– Мадемуазель, – строго обратился мистер Лоренц к рыдавшей гувернантке. – Ведь бриллианты пропали с того дня, как уехала миледи, приказав вам принять их от ювелира, не так ли?

– Да, Чарльз, а вот и счет от него! Мадемуазель получила их из починки и заперла в мой комод! – нетерпеливо прервала племянника миссис Лоренц.

Мистер Лоренц устремил на французенку пронизательный взгляд.

— И вы точно помните, что положили их именно в этот комод? — спросил он, не сводя с нее глаз.

Гувернантка оторопела, вытаращив на него глаза, и вдруг, вспомнив что-то давно забытое, упала на колени.

— О Боже! Мистер Лоренц, мэм, убейте меня! — кричала она. — Позовите сюда этого мальчика, чтобы я могла у его ног вымолить себе прощение! Слушайте, мэм! Я вышла к человеку, чтобы принять бриллианты. Получила их, расписалась, взяла их крепко в руки, вот так, и поспешила в комнату, чтобы посмотреть, там ли мистер Реджинальд. Но его там не было! Я бегала по всему дому, звала и не знала, что мне делать. Заглядывала в библиотеку, гостиную и, наконец, в кабинет. Открыла комод, бросила туда бриллианты и побежала дальше. Больше я ничего не помнила — все мои мысли были заняты только вашим дорогим сыном. Я села в экипаж и отправилась искать мистера Реджинальда... И только сейчас, только сейчас, когда мистер Лоренц спросил меня, положила ли я их именно в этот комод, я все вспомнила! Пойдемте, мэм, пойдемте, мистер Лоренц! Скорее!

Она выбежала из комнаты и спустилась по лестнице в гостиную, сопровождаемая миссис Лоренц, ее сыном и племянником.

— Вот, смотрите! — француженка выдвинула ящик комода в гостиную, вынула из него обитый

красным бархатом футляр и открыла его: на шелковой подкладке сверкали, переливаясь всеми цветами радуги, пропавшие бриллианты...

— Ну, что вы теперь скажете, тетя? — насмешливо спросил мистер Лоренц.

— Комоды в гостиной и в вашей комнате, мэм, так похожи... — проговорила несчастная гувернантка. — Я была убеждена, что положила бриллианты на место!

— Это ужасно! — воскликнула миссис Лоренц, растерянно глядя на своего племянника.

— Мадемуазель так испугалась, когда Реджинальд исчез, что могла перепутать не то что комоды, даже дома! — вступился за француженку племянник хозяйки.

— Да разве я об этом, Чарльз? Мне не в чем винить мадемуазель... Но мальчик!.. Как ужасно я его обидела!..

Ее голос понизился до шепота, и Реджинальд не расслышал последних слов.

— О, мадемуазель! — воскликнул он. — Я один виноват, что вы забыли о бриллиантах! Мама, я тогда убежал из дома, я один во всем виноват! Не брани больше бедную мадемуазель! Скажи, ты не будешь больше ругать ее? — говорил мальчик, с умоляющим видом заглядывая в лицо матери.

— Нет, нет, дитя мое, — ответила та, лаская его, — я думаю, что больше никого не буду бранить.

— Пойдем, Реджинальд, — сказал мистер Лоренц, с сияющим видом обнимая мальчика. — Ты убежал, и, потеряв тебя, мадемуазель потеряла свою голову, а потом и бриллианты! Но, к счастью, все нашлось и никто не пострадал. Пусть этот случай послужит всем нам маленьким уроком.

Глава XXVII

Про давнее воспоминание миссис Лоренц

Уложив Реджинальда спать и оставив гувернантку оберегать его сон, миссис Лоренц отправилась в библиотеку, где ее уже ждал племянник.

— Ну, Чарльз, — обратилась она к нему, — расскажи мне теперь, что же было в таинственном ящике бедного Джима?

— Там лежал красный солдатик.

— Красный солдатик?! Зачем же он прятал его так старательно?

— Сегодня я узнал от полисмена Мерфи, что маленький Джейми играл перед смертью этой игрушкой, а Джим страстно любил этого мальчика и свято хранит всякую память о нем.

— Но зачем же он зарывал свои вещи, а не спрятал их в сундук или комод?

— А вы не хотите сначала поинтересоваться тетя, как жил этот мальчик? До того, как переехал к миссис Дове?

— Как он жил? Должно быть, так, как живут все остальные. Вероятно, снимал себе квартиру.

— Нет, тетя, у него не было даже угла, не то что квартиры. Джим жил, как многие другие бедняки, на улице и спал в дощатой будке на свалке, и сундуком ему служила яма в земле!

— О Боже! Бедный мальчик! Как ужасно я ошиблась, и как я рада, что все объяснилось!

— Я тоже сильно ошибся, поторопившись произвести обыск. Но теперь-то, тетя, вы убедились, что среди бедных людей также есть честные люди?

— Знаешь, Чарльз, я не могу простить себе, что до сих пор никогда не задумывалась о горькой участи бедняков. Но я постараюсь загладить свою ошибку и с этого дня буду помогать им. А ты должен помочь мне в этом деле!

— С удовольствием, дорогая тетя. Но мне кажется, если вы возьметесь хорошенько за это дело, моя помощь будет почти излишней. Обратите, например, внимание на нашу прачку: овдовев, она осталась с четырьмя детьми, из которых старшей всего двенадцать лет. Всю семью она содержит только своим трудом, тем самым корытом, в котором стирает наше белье. И при этом умудряется посылать всех детей в школу и пла-

тить за квартиру! Загляните сначала к ней, а потом вы и сами увидите, что надо делать!

— О, Чарльз, только теперь я вижу, как мало сделала для Реджинальда! — воскликнула с горечью миссис Лоренц.

— Пожалуй, вы и правы, тетя. Хотя, с другой стороны, вы сделали для него слишком много. Но мы совсем уклонились от нашего разговора: я хотел рассказать вам, что еще было в ящике Джима.

— И что же там было?

— Свидетельство о бракосочетании некоей Элеоноры ван Альштейн. Кажется, я уже слышал это имя.

— Удивительно! — невольно повысила голос миссис Лоренц. — Так звали мою лучшую подругу! Она вышла замуж за какого-то Трейси против воли своего отца, за что тот страшно разгневался и лишил ее наследства. В то время я находилась в Европе и с тех пор совсем потеряла ее из виду. Бедная Элеонора! Если этот мальчик действительно ее сын, я с радостью приму его в свой дом и буду растить как собственного ребенка. А что же стало с Элеонорой, Чарльз, ты не знаешь? Жива ли она?

— Нет. Мерфи говорил мне, что мальчик с пяти лет остался круглым сиротой, а теперь ему, должно быть, лет тринадцать.

— Вероятно, он очень любил свою мать, если столько лет хранил это свидетельство и даже

прятал его в земле, — с участием вздохнула миссис Лоренц. — Должно быть, беднякам очень тяжело жить на свете!

— Поэтому, тетя, мы должны быть благодарны Господу за те блага, которые нам даны, и делиться ими с другими людьми.

— Ты прав, Чарльз. Мы завтра же начнем с прачки и ее ребятишек!

Глава XXVIII

Про новую встречу и открывшуюся правду

После этого разговора миссис Лоренц глубоко задумалась о Джиме. Она понимала, что сильнее привяжется к сыну своей любимой подруги, нежели к чужому ребенку, и, отходя ко сну, решила на следующее же утро послать за мальчиком. Она подробно расспросит Джима о матери и, если он действительно окажется сыном Элеоноры ван Альштейн, усыновит его и будет воспитывать вместе с Реджинальдом.

Джим очень удивился, получив на следующий день письмо от мистера Лоренца с просьбой явиться в тот же вечер к его тетке. Это было первое приглашение с тех пор, как он ушел от них.

Несмотря на нежелание снова встречаться с «капризной» миссис Лоренц, он помнил об оказанных ему благодеяниях и решил пойти, чтобы не показаться неблагодарным.

Когда гостя провели в библиотеку, мистера Лоренца не было дома. Миссис Лоренц с трудом признала Джима в хорошо одетом румяном подростке, который ей поклонился. Внимательно всмотревшись, она нашла, что чертами лица мальчик напоминает ей подругу юных лет.

— Подойди ко мне, Джим, дай взглянуть на тебя хорошенько, — сказала она. — Знаешь ли, ты похож на мою хорошую знакомую, которую я очень любила. Элеонора ван Альштейн была моей школьной подругой.

Мальчик вытаращил глаза от изумления.

— Так звали мою маму! — произнес он.

— Твоя мама умерла?

— Да, уже давно. Я был тогда совсем маленьким.

— Это твоя мама? — спросила миссис Лоренц, протягивая мальчику старую фотографию.

— Нет, — покачал головой Джим, едва взглянув на портрет, — эта молодая дама совсем не похожа на нее. Моя мама была гораздо старше!

— Знаешь, Джим, я некогда была очень дружна с девушкой, запечатленной на фотографии. Ее тоже звали Элеонора ван Альштейн. Когда мистер Чарльз рассказал мне, что в твоём ящике нашли брачное свидетельство с этой фамилией, —

миссис Лоренц говорила простодушно, совсем забыв, что мальчик ничего не знает о розыске бриллиантов, — я подумала, что моя подруга и была твоей матерью...

— А как мог мистер Лоренц узнать это? Кто позволил ему открыть мой ящик? — спросил Джим, краснея от негодования.

— Тетя, опомнитесь!.. — остановил хозяйку дома Чарльз Лоренц, входя в комнату.

— Но он сказал, Чарльз, что девушка на портрете совсем не похожа на его мать! А свидетельство о браке его матери, которое было найдено в ящике... Ах!.. — растерянно осеклась она, наконец заметив, как гневно Джим переводит взгляд с нее на мистера Лоренца и обратно.

— Я отдал мой ящик полисмену Мерфи и никак не ожидал, что он оставит его в таком месте, где всякий сможет рыться в нем! — голос мальчика срывался от негодования.

Чарльз Лоренц совсем смутился, не зная, что ответить. Не мог же он признаться этому необыкновенно честному мальчику, спасшему жизнь единственному сыну тетки, что его подозревали в воровстве и что его невинная тайна была предана его же другом, не оправдавшим доверия. Свалить всю вину на полисмена Мерфи, повиновавшегося своему начальству, тоже было немыслимо, а между тем требовалось срочно придумать оправдание, которое не оскорбило бы чувств гордого мальчика.

Миссис Лоренц поспешно вышла из комнаты, опасаясь, что племянник станет рассказывать о ее несправедливых подозрениях.

— Знаешь, Трейси, — начал мистер Лоренц, — я очень виноват перед тобой! Но прежде всего позволь заметить, что в моем лице ты имеешь искреннего друга. Я принимаю в тебе самое горячее участие...

— Да, — задумчиво пробормотал Джим, не слушая мистера Лоренца, — мне и правда негде было спрятать ящик. А я обещал маме сохранить ту бумагу и хотел оставить себе на память красного солдатика Джейми. Скажите, мистер Лоренц, Мерфи не смеялся, когда увидел, что было в ящике?

— Нет, Джим. Мерфи очень хороший человек, он никогда не станет смеяться над тобой. И я уважаю тебя за то, что ты так верно хранишь память о своей матери и своем друге.

Джим молча взялся за свою шапку.

— Я очень рад, что учителя отзываются о тебе с такой похвалой, — продолжал мистер Лоренц как можно ласковее, провожая мальчика до дверей. — Продолжай прилежно учиться, и ты далеко пойдешь.

Очутившись на улице, Джим стиснул зубы при мысли о нанесенной ему обиде.

«Мерфи открыл мой ящик, — думал мальчик с горечью в сердце, — и даже показал другим, что в нем было! Я сейчас же пойду к нему и узнаю, почему он не сдержал своего слова!»

Глава XXIX

Про досаду Патрика Мерфи

Выйдя от мистера Лоренца, Джим понятия не имел об истинной причине, побудившей Мерфи нанести ему такое глубокое оскорбление, и пошел отыскивать этого коварного человека только затем, чтобы забрать назад свой ящик.

Мальчик знал, где найти полисмена, и скоро встретил его.

— Ну, как поживаешь, Джим? — спросил тот.

— Так себе! — отрывисто ответил мальчик.

— Ну, так себе мы все живем! — добродушно улыбнулся полисмен.

— Зачем вы открыли мой ящик? — выпалил вдруг Джим, глядя прямо в лицо Мерфи.

Полисмен вздрогнул, хотя ему было не привыкать к неприятным вопросам.

— Кто тебе это сказал, Джим?

— Миссис Лоренц.

— Уже успела проболтаться! — пробормотал полисмен.

— Скажите, зачем вы открыли мой ящик и показали мистеру Лоренцу, что в нем было? Я не думал, что мои вещи будут валяться у вас где ни попадя! — с негодованием продолжал Джим.

«Все ли парень знает?» — спрашивал себя между тем полисмен.

– Ты говоришь, что это сказала миссис Лоренц? – переспросил он мальчика, не зная, что ответить.

– Да, она сказала мне, что мистер Лоренц видел, что было в моем ящике.

– Это правда, – проговорил полисмен, стараясь придумать подходящее оправдание, – они искали что-то и заглянули и в него.

– Но зачем вы оставили ящик в таком месте, где всякий мог открыть его? – с упреком спросил Джим.

Полисмена покорило это предположение.

– Меня травят, точно гончими, в этом постыдном деле! – вырвалось у него раздраженно.

– Отдайте мне мой ящик, – потребовал Джим уже спокойно.

– Изволь. Я понимаю, что после этого ты не захочешь оставить его у меня, хотя я никогда не дотронулся бы до твоих вещей, если бы мне не приказало начальство...

Полисмен остановился, чувствуя, что сказал лишнее.

– Вам приказало начальство? – с изумлением переспросил Джим.

– Да, я должен был исполнить приказ. И принесу тебе твой ящик на рассвете.

В уме мальчика мелькнула, подобно молнии, мрачная догадка.

– Так они думали, что я украл у них что-нибудь? – спросил он, гневно сверкнув глазами.

– Да! Провались они совсем! – воскликнул Мерфи.

Не говоря ни слова, Джим повернулся на каблуках и пошел прочь от своего друга.

Глубоко раненный несправедливым подозрением, мальчик понял, что больше не сможет пользоваться благодеяниями своих сомнительных покровителей. Поэтому он решил снова начать прежнюю трудовую жизнь, пусть временами и трудную, но зато независимую.

Собрав свои немногочисленные пожитки, он встретился на рассвете с полисменом Мерфи и после краткого совещания с ним исчез в неизвестном направлении.

Глава XXX

Про то, как не смогли найти Джима

Миссис Лоренц провела бессонную ночь и поднялась на следующее утро очень поздно. Несмотря на самые добрые намерения, она неосторожно оскорбила подростка, спасшего жизнь ее собственному ребенку. А ведь совсем недавно она клялась у смертного одра маленького Джейми любить Джима как родного сына!

Всегда следуя первому душевному порыву, она не откладывая сообщила племяннику о своем намерении во всем признаться мальчику и, извинившись, приютить его у себя.

— Мы все виноваты перед ним, тетя, — ответил мистер Лоренц, — но пока не делайте этого. Если он не узнал от полисмена всей правды, ваше признание еще больше заденет его и заставит краснеть от стыда. Я сначала повидаяюсь с Мерфи и выясню, что он сказал мальчику.

— Ты прав, Чарльз, но, пожалуйста, привези сейчас Джима сюда. Я хочу оставить его у нас насовсем.

— Извольте, тетя. Но мне кажется, вам следует сначала хорошенько обдумать это дело, чтобы потом не раскаиваться.

— Нет, Чарльз, я твердо решила поступить так и не изменю своего решения!

Встретившись с Патриком Мерфи, мистер Лоренц заметил, что тот сильно раздражен и неразговорчив.

— Я просил вас не говорить мальчику, что мы его подозревали, — обратился к нему мистер Лоренц.

— Зачем же тогда было говорить ему, что мы вскрывали его ящик? — грубо спросил полисмен.

— Значит, вы уже виделись с ним?..

— Он приходил ко мне за вещами, — прервал его Мерфи.

— Не допытывался ли он у вас, почему вскрыли его ящик?

— Он упрекал меня за это.

— Вы сказали ему, что миссис Лоренц заподозрила его в воровстве?

– Я сказал, что в ящике искали какую-то пропавшую вещь.

– Стало быть, он знает, что его заподозрили?

– Да. Он неглупый малый и обо всем догадался. Тут же понял, что был обвинен в тяжком преступлении и над ним учинили следствие.

– Но, надеюсь, Мерфи, вы упомянули, что мы не имели никакого повода к обвинению и что я был убежден в невиновности Джима?

– Это вы можете сами ему сказать. Он был слишком взволнован и обижен, а мне хотелось самому перед ним оправдаться.

– Да ведь вы в этом деле ни в чем не повинны, Мерфи! – заметил мистер Лоренц, вынимая из кармана банкноту и протягивая ее полисмену.

– Я получаю жалованье за свою службу и не беру денег за оскорбление честных людей! – резко ответил тот.

Мистер Лоренц сконфузился, получив такой отпор, и спрятал купюру.

– Не могли бы вы сказать мне, где теперь Джим? – спросил он.

– Откуда мне знать? Я вам не сыщик!

– Поверьте, Мерфи, я не меньше, чем вы, расстроен из-за этой неприятной истории, потому что всегда верил в честность мальчика.

– Может быть, вы найдете его в школе, – смягчился полисмен.

– Благодарю вас, Мерфи. Надеюсь, вы не допустите, чтобы это дело разнеслось по городу.

— Об этом можете не беспокоиться, сэр. По-заботьтесь лучше о том, чтобы ваши госпожа и гувернантка придержали свои язычки, а за полицейское управление я ручаюсь — оттуда ничего не просочится.

Окончив свою работу в банке, мистер Лоренц поехал за Джимом в школу. Но там его ждало разочарование: мальчик в этот день не приходил на занятия. Молодой человек отправился к миссис Дове. На свое счастье, он застал женщину дома, но та пребывала в большом беспокойстве: Джим рано утром вышел из дома и с тех пор не возвращался.

— Я думала, что он пошел к вам, — сказала миссис Дове, — ведь вы всегда были так добры к нему...

— Он говорил с вами обо мне, миссис Дове?

— Да, он часто говорил, что надеется когда-нибудь доказать вам свою благодарность.

Последние слова доброй женщины окончательно смутили мистера Лоренца. «И в таком мальчике мы подозревали вора!» — подумал он с горечью.

Расстроенный неудачей он сел в экипаж и велел кучеру ехать домой.

«Но, может быть, моя тетушка не вытерпела, — вдруг пришло ему в голову, — и сама утром поехала в школу, не застала его там, но потом встретила на улице и отвезла домой?! Ведь с нее станется!» Окрыленный этой мыслью, он быстро взбежал по лестнице в надежде застать Джима у тетки.

– Что ж ты не привез его, Чарльз? – спросила миссис Лоренц, удивившись, что племянник приехал один.

– Так вы не заезжали за Джимом в школу? – разочарованно спросил мистер Лоренц.

– Нет, конечно. Ведь ты обещал сам его привезти!

– Я нигде не смог найти его, тетя.

– Он исчез?

– Боюсь, что именно так.

– Где Джим, Чарли? – крикнул Реджинальд, вбегая в комнату.

– Пропал. Я объехал весь город, но безрезультатно. Его нигде нет.

– Я помогу тебе отыскать его, Чарли! – сказал мальчик. – Может быть, ему надоело ходить в школу и он снова принялся чистить сапоги?

– Это меня несколько не удивило бы, – ответил мистер Лоренц.

Глава XXXI

Про гнев Реджинальда и отличную идею его матери

Мистер Лоренц решил во что бы то ни стало отыскать мальчика и для начала еще раз отправился к полисмену Мерфи. Но тот наотрез

отказался помогать ему в розысках, хотя, по-видимому, знал, где находится маленький беглец. От него мистер Лоренц отправился в банк, где, как он знал, находились сбережения Джима. Однако там выяснилось, что мальчик приходил накануне и забрал весь свой капитал.

Таким образом, стало понятно, что Джим не захотел более пользоваться щедростью своих благодетелей и скрылся намеренно, не оставив никаких следов.

Не теряя надежды, мистер Лоренц напечатал объявления во всех газетах, а также послал мальчику через полисмена Мерфи ласковое письмо с чеком на значительную сумму. На третий день чек вернулся по почте обратно. Конверт был надписан красивым деловым почерком, совсем не схожим с рукой Джима, и помечен обыкновенным почтовым штемпелем, не указывавшим, из какой части города он прислан.

Предположив, что мальчик вернулся к своему прежнему занятию, мистер Лоренц стал наведываться в ту часть города, где прежде работал Джим, и наводить о нем справки у чистильщиков обуви. Но никто не мог сказать, куда Джим подевался.

Видя тщетность поисков, миссис Лоренц стала мало-помалу уверять себя, что неблагодарный мальчик недостоин ее попечения. К тому же она была слишком поглощена заботами о счастье собственного сына, чтобы тревожиться о судьбе

мальчика, который, как ей теперь казалось, никак не мог быть сыном ее школьной подруги.

— Элеонора была прелестная девушка, Чарльз, — заметила она как-то племяннику, — а мальчик совсем не похож на нее. Должно быть, он весь в отца, если только Джим и правда сын Элеоноры.

— Что же из того, тетя? Характер мальчика заслуживает исключительной похвалы! А разве вы знали его отца?

— О нет! Я только так сказала. Но мне кажется, что у мальчика нехороший нрав, иначе он не стал бы от нас скрываться. Впрочем, этого можно было от него ожидать!

— Но ведь Реджинальд тоже убегал из дома, и вы не порицали его за это.

— Реджинальд — ребенок, и это ты, Чарльз, виноват, что он тогда убежал! — воскликнула миссис Лоренц, вспыхнув от негодования. — Пожалуйста, не делай таких сравнений!

— А знаете, тетя, что заставило Джима скрыться? Он видел полисмена раньше меня, а тот, в свое оправдание, открыл мальчику, что его подозревали в воровстве и потому вскрыли ящик!

— О, Чарльз! Неужели полисмен сказал ему это? Но зачем же мальчик скрывается так упорно?

— Мне кажется, что он слишком честен и благороден, чтобы пользоваться покровительством

людей, обвинивших его в таком гнусном пороке. И потому просто избегает дальнейшего общения с нами. Этот поступок внушает мне еще больше уважения к Джиму!

— О Боже! Я хотела сдержать перед ним свое обещание и теперь не могу этого сделать!..

— Мы поступили, тетя, слишком неосторожно, когда...

Внезапный громкий вскрик миссис Лоренц заставил ее племянника резко обернуться: на пороге стоял Реджинальд, весь в слезах и с бледным, искаженным от гнева лицом.

Миссис Лоренц бросилась к нему с распростертыми объятиями, но мальчик гневно оттолкнул ее.

— Почему вы назвали Джима вором? — спросил он, дрожа от негодования.

— О, мой дорогой Реджинальд! Я чувствовала, что ты когда-нибудь узнаешь об этом несчастном деле! — в смущении воскликнула миссис Лоренц и начала бессвязно рассказывать мальчику о пропаже бриллиантов.

— Постойте, тетя, вы не то говорите! — остановил тетку Чарльз Лоренц. — Позвольте, я сам объясню это дело Реджинальду.

— Да, дорогой мой, Чарли тебе все расскажет! — проговорила миссис Лоренц, выходя из комнаты, довольная тем, что избавилась от неприятного объяснения.

— Джим Трейси — замечательно добрый и честный мальчик... — начал мистер Лоренц.

– Я это без тебя знаю, Чарли, – нетерпеливо прервал его Реджинальд. – Ты скажи мне, за что мама и мадемуазель назвали его вором?

– Все мы очень в нем ошиблись, Реджинальд, – успокаивающе произнес мистер Лоренц. – Мы подозревали его. На деле же оказалось, что Джим не только честный, но и очень добрый и благородный мальчик.

– Но ведь мои часы нашлись, и мамины бриллианты тоже?! Только я и мадемуазель были виноваты, что они затерялись!

– Но твоя мама этого не знала, а мадемуазель забыла, что положила их в другое место. И потому мы, совсем не желая обидеть Джима, заглянули в его ящик.

– А он обиделся и убежал?

– Да, должно быть, он очень обиделся.

– Это очень гадко – открывать чужой ящик. Теперь я понимаю, почему он убежал... Как ты думаешь, Чарли, мы скоро найдем его?

– Я все камни переверну, чтобы отыскать его, Реджинальд!

– А я помогу тебе, Чарли.

– Хорошо, Реджинальд, будем искать его вместе.

– Знаешь, Чарльз, – сказала с живостью мисс Лоренц, возвращаясь из соседней комнаты, где она слышала весь разговор, – упомянув о камнях, ты навел меня на хорошую мысль: я поставлю на могилу маленького Джейми па-

мятник и этим хоть немного заглажу свою вину перед Джимом!

— Ах, мама, это будет чудесно! — воскликнул в восторге Реджинальд. — Но только надо сделать на памятнике такого же спящего мальчика, как в нашей картинной галерее. Я видел, как Джим поцеловал его, когда проходил мимо!

— Благодарю тебя, дорогой мой, за эту мысль. Так и сделаем. Наверняка Джиму это понравится!

Глава XXXII

Про мраморного мальчика и большие камни

В короткое время Реджинальд резко изменился к лучшему. Благотворное влияние нового учителя и здравые советы Чарльза постепенно превратили его в послушного, внимательного и прилежного ребенка.

Не проходило дня, чтобы он по несколько раз не вспоминал о своем друге Джиме и, разговаривая о нем со своим кузенем, не задавал один и тот же вопрос: «А много ли ты сегодня перевернул камней, Чарли?»

Однако, несмотря на все старания, мистеру Лоренцу не удавалось напасть на след Джима.

— Не уехал ли он в Европу, Чарли? — однажды спросил Реджинальд кузена, когда тот вернулся вечером с очередной безуспешной прогулки.

— О нет, Реджинальд. Но наш город велик, и в нем легко скрыться.

Не теряя надежды отыскать беглеца, двоюродные братья поехали на могилу маленького Джейми. Приближаясь к пригородному кладбищу, они не заметили, как впереди за поворотом мелькнула фигура мальчика, в котором можно было без труда узнать Джима...

Чарли и Реджинальд подошли к прекрасному памятнику, который несколько дней назад был установлен на могиле.

— Как красиво смотрится этот мраморный мальчик среди зелени! — заметил Реджинальд. — Смотри, Чарли, тут даже вырезано имя Джейми. Ах, как доволен будет Джим, когда увидит это!.. Это что?.. Смотри, Чарли, тут лежат розы! И совсем свежие!..

— Похоже, Джим только что был здесь. Пойдем скорее назад, Реджинальд, может быть, мы его догоним!

Но, как они ни спешили, нагнать Джима не удалось.

— Может быть, Реджинальд, твоя мама была сегодня на кладбище, чтобы осмотреть работу

скульптора, и оставила эти цветы? — предположил Чарльз.

Дома они узнали, что миссис Лоренц действительно заезжала на кладбище, но цветов не привозила.

— Я совсем забыла о них, — сказала она, — хоть у нас целая оранжерея всяких растений.

— Значит, их действительно оставил Джим, — заключил молодой человек. — Может быть, мы найдем лавку, где он покупал цветы... Вот и еще один камень, который нам следует перевернуть, Реджинальд!

На следующее утро Чарльз Лоренц получил следующее письмо:

«Мистер Лоренц!

Я был на могиле Джейми и увидел там каменного спящего мальчика, которого раньше видел в вашем доме. Вероятно, его велел поставить туда мистер Реджинальд. Я очень благодарен ему за это. Я говорил мистеру Реджинальду, что, если он будет любить Джейми, я буду любить его. Я сдержу слово и думаю, что он тоже не изменит своему.

Джим».

— О, Чарли, Чарли! Какой это для нас громадный камень! — закричал Реджинальд, прочитав протянутое ему кузеном письмо. — Теперь мы наверняка найдем Джима!

— Это письмо мало нам поможет: почтовый штемпель не указывает, из какой части города оно прислано.

— Очень жаль! — погрустнел мальчик.

— Но ты тоже можешь написать ему письмо и передать через полисмена Мерфи.

— Я так и сделаю! Только помоги мне, Чарли, я не умею писать так складно, как Джим.

Письмо Реджинальда, исправленное его кузеном, было следующего содержания:

«Дорогой Джим!

Я очень сожалею, что ты ушел. Мы с Чарли ищем тебя повсюду. Мой кузен говорит, что мы перевернем все камни, пока тебя не найдем.

По-моему, ты самый лучший из всех мальчиков! Правда, я знаю одного только Вилли Сондерса, но он богатый и не всегда добрый. А я все время стараюсь быть добрым, хотя это иногда очень трудно.

Я был на кладбище, видел твои розы на могиле Джейми и очень жалею, что мы не застали тебя там. Я тоже буду приносить туда цветы. Я все время люблю Джейми и надеюсь, что и ты меня любишь.

Твой друг Реджинальд.

Р. S. Мама поставила на могилу Джейми мраморного мальчика. Она думала, что это тебе понравится».

♦Дорогой Джим! Я очень сожалею...♦

Глава XXXIII

Про страхи миссис Лоренц и про Александра Великого

Миссис Лоренц неустанно следила за здоровьем и счастьем своего сына, но скоро ей стало казаться, что мальчик становится бледным и заметно чахнет от строгой дисциплины ее племянника и профессора Брауна.

— Я беспокоюсь за Реджинальда, — заметила она однажды своему племяннику. — Он так изменился за последнее время!

— Но ведь он переменялся к лучшему, тетя!

— Ну, это еще неизвестно. Он вдруг стал таким послушным и вежливым со всеми, ест все, что ему подают, не капризничает и ничего не требует. Это на него совсем не похоже!

— Зачем же ему капризничать, тетя? Ведь вы подаете сыну самые редкие блюда и окружаете всевозможным комфортом.

— Но ты ведь помнишь, Чарльз, какой он всегда был разборчивый? — продолжала горевать миссис Лоренц. — Я уверена, что ему нужна полная перемена жизни!

— Так отправьте его в Китай! — смеясь, предложил мистер Лоренц. — Уж полнее этой перемены ничего не придумаешь!

— Я не хочу уезжать так далеко от доктора Кемпера, — ответила миссис Лоренц. — Впрочем,

я спрошу Реджинальда, куда он хочет отправиться.

— А если он захочет отправиться на Луну, что вы тогда сделаете, тетя? — с усмешкой спросил мистер Лоренц.

— Нет, этого он не захочет. В последнее время он стал гораздо рассудительнее...

На следующее утро за завтраком миссис Лоренц спросила сына, не хочет ли он чем-нибудь развлечься.

— Да, мама,пусти меня, пожалуйста, на целый день к Лиззи Дове, — ответил Реджинальд. — Когда я был у них, они сказали, что будут всегда рады меня видеть.

— Это очень благоразумная просьба, тетя, — заметил мистер Лоренц. — А не хочешь ли ты отправиться на Луну, Реджинальд?

— Разве другие мальчики ездят на Луну, Чарли? — спросил Реджинальд, вытаращив на кузена глаза от удивления.

— Нет, но когда им надоедает все, у них иногда появляются и такие невозможные желания.

— Это похоже на Александра Великого, о котором мне рассказывал профессор Браун: завоевав весь свет, он заплакал оттого, что ему нечего было больше покорять.

— Но он, верно, забыл, что ему оставалось еще покорить самого себя, не так ли, Реджинальд?

— Да. Я не заплакал бы на его месте, — кивнул сын миллионера. — Так делают только маленькие дети.

— Значит, в этом ты перегнал даже Александра Великого! Ты совсем больше не плачешь?

— Нет, ведь слезы ничему не могут помочь. Джим Трейси никогда не плачет! К тому же я теперь занимаюсь с профессором и вполне счастлив. Мне и в голову не приходит плакать.

— Так ты действительно счастлив, мой дорогой? — обрадовалась миссис Лоренц.

— Да, мама. Я действительно счастлив, когда не думаю о себе и стараюсь делать счастливыми других людей.

— Значит, рецепт доктора оказался хорош, Реджинальд? — спросил его кузен.

— О, я совсем забыл о нем, и сам не замечал, как делал все по рецепту. Мне кажется, что его рецепты очень хороши, особенно если он не прописывает лекарства. Да, Чарли?

— Чарльз, я боюсь отпускать Реджинальда к миссис Дове: он может там упасть с крыши, — снова забеспокоилась миссис Лоренц.

— О нет, мама! — живо возразил мальчик. — Там вокруг всей крыши есть перила, и я не стану подходить к краю. Ты не поверишь, мама, как там хорошо! Миссис Дове вчера рассказала мне, что у Лиззи теперь есть голубятня!

— Я тебя провожу туда, — пообещал мистер Лоренц, потрепав по щеке своего маленького кузена. — И взберусь с тобой на самую крышу.

— О, как я рад! — Реджинальд от радости захлопал в ладоши. — Это даже лучше, чем убежать из дома!

Глава XXXIV

Про голубятню и зеленые луга

— Как поживают твои птицы, Лиззи? — спросил Реджинальд, глядя на стаю голубей, круживших в воздухе на утреннем солнце. — Ах, как у вас здесь хорошо! Дует прохладный ветерок, голуби летают! А как близко от нас эти облака! Мы точно на небе с тобой, правда, Лиззи?

— Земля тоже очень красива. А знаете, мистер Реджинальд, один из птенцов сломал крылышко, когда вылетал из гнезда...

— Ты ведь послала сразу за доктором, Лиззи? И дала ему лекарство? — с участием спросил Реджинальд, зная, что обычно предпринимают в подобных случаях.

— Нет, — улыбнулась девочка, — птицам не дают лекарств. Дядя перевязал ему крылышко, обернув его мокрой тряпочкой, и голубок успокоился.

— Значит, лекарства придуманы только для людей? Отчего мы не можем обойтись без них, как птицы? Знаешь, Лиззи, я не люблю докторов...

— Вы несправедливы, мистер Реджинальд. Что стало бы с бедными детьми в больнице, если бы не было доктора Кемпера и его лекарств?

— Мне не нравятся всякие микстуры, хоть они, может быть, и в самом деле помогают детям, —

ответил Реджинальд, залюбовавшись голубком, сидевшим в голубятне.

— Да, лекарства очень помогают больным... Ах, как я была бы рада, если бы у больных детей было столько же воздуха, как у моих голубков!

— Но ведь их нельзя привести сюда на крышу, Лиззи.

— Нет, не сюда. Если бы у нас было много денег, мы поехали бы с ними за город.

— Я тебе дам сколько хочешь денег, Лиззи! А Робби тоже поедет?

Девочка задумалась: миссис Лоренц просила ее не говорить сыну о смерти мальчика.

— Робби не нуждается в такой прогулке, — ответила она, чуть запнувшись. — Но в больнице много других детей, которым очень нужно подышать свежим воздухом. Когда их прошлым летом отвезли за город на зеленый луг, они от радости вели себя как сумасшедшие.

— Правда? — воскликнул Реджинальд, заинтересовавшись словами девочки. — Я столько раз бывал на зеленых лугах и никогда не делался от этого сумасшедшим... Доктор Кемпер тоже говорит, что больным детям очень полезно дышать свежим воздухом.

— Да, это правда. Ведь они круглый год сидят взаперти, и им редко удается увидеть голубое небо и зеленую траву.

Лиззи расположилась на крыше в уютном уголке со своей рабочей корзиночкой, полной

– Ах, как у вас здесь хорошо! Дует прохладный ветерок,
голуби летают!

разноцветных лоскутков, и стала одевать маленькую безногую куклу в длинное платье, чтобы скрыть ее увечье.

— Знаете, мистер Реджинальд, — обратилась она к мальчику, — все убогие дети хотят, чтобы их куклы были с целыми руками и ногами. Поэтому я и одеваю их в длинные накрахмаленные платья, чтобы они могли стоять. Недавно одна маленькая девочка очень жалела, что у кукол нет докторов. А я знаю, что у них наверняка есть доктора, только они берут слишком много денег за лечение...

— Мне кажется, что на всякое дело нужно много денег, Лиззи. Я прежде никогда не думал об этом.

— Да, без денег ничего не достанешь, — кивнула девочка. — Было бы даже несправедливо получать все даром.

— Надо было бы сделать так, чтобы бедные люди получали все даром, а богатые за все платили деньги! — придумал Реджинальд.

— Это было бы тоже неверно, — возразила девочка. — Надо помогать только больным и таким беднякам, которые не могут помочь себе сами. Ах, как мне хотелось бы иметь много денег, чтобы помогать им!

— Скажи, не возьмешь ли ты меня в помощники в этом деле?

— Да, с большим удовольствием, если только ваша мама согласится на это.

– О, моя мама согласится на все, что я захочу, лишь бы только это не было что-нибудь дурное!

– Ах, тогда было бы чудесно достать лодку и на весь день поехать с детьми вверх по реке.

– Я завтра же попрошу маму купить лодку, – сказал Реджинальд. – А когда вернусь домой, тотчас же пошлю за доктором Кемпером и скажу ему об этом!

– Этим вы его очень обрадуете. Я на днях слышала, как он говорил старшей сиделке, что нынче нет денег для большой прогулки. Вот будет радость, когда дети узнают, что все-таки поедут на природу!

– А мне можно поехать с вами? – нерешительно спросил Реджинальд, опасаясь, что его не возьмут. – Я еще никогда не был на такой экскурсии...

– Разумеется, вы поедете с нами! Ведь это вы устраиваете эту прогулку. Мама, мама! – закричала в восторге девочка, вбегая в мансарду, откуда как раз послышался звон колокольчика, приглашавший детей к завтраку. – Мистер Реджинальд обещал оплатить экскурсию для бедных детей!

– Пожалуйста, Лиззи, не называй меня никогда мистером! Зови меня просто Реджинальдом, как других мальчиков.

– Хорошо, мы будем звать вас Реджинальдом, но только здесь, на крыше, – ответила с улыбкой миссис Дове.

— О, смотрите, Реджинальд, — весело воскликнула девочка, — где мама накрыла стол! Под виноградными лозами! Ах, как замечательно! У нас к завтраку пастила, сливки и свежие пирожные из булочной миссис Блум. Пожалуй, я схожу за черноглазой Нелли, она хорошо ведет себя за столом...

Девочка убежала в мансарду и вернулась оттуда с большой французской куклой, которой очень гордилась. Посадив свою любимицу на высокий стул, Лиззи повязала ей салфетку, чтобы она не запачкала свое парижское платье, и поставила перед ней блюдечко с пастилой.

— Твоя мадемуазель Кларет очень добрая, — рассказала она мальчику, — она подарила мне свою собственную куклу, с которой играла, когда была маленькой. Смотрите, Реджинальд, какое красивое у нее платье!

Глава XXXV

Про Хоев ковчег и сладкие булки

Реджинальд очень весело провел день в обществе Лиззи и миссис Дове. Часов в шесть за ним заехал кузен Чарли.

— Где живет та добрая булочница, которая накормила тебя в день твоего побега? — спросил он мальчика, садясь с ним в экипаж.

— Миссис Блум? — уточнил мальчик. — Вот тут, за углом! Поедем к ней, Чарли! Я хочу поблагодарить ее за печенья, которые она мне тогда подарила.

Войдя в булочную, мистер Лоренц стал выбирать разные пирожные, между тем как Реджинальд болтал с булочницей о предполагаемой прогулке с больными детьми.

— Лиззи Дове и я повезем их в лодке на зеленый луг, — говорил он. — Знаете, это очень полезно для детей!

— А я пошлю им корзинку печенья, — пообещала с улыбкой добрая женщина.

— Позвольте мне поблагодарить вас, миссис Блум, — обратился к ней мистер Лоренц, — за то, что вы тогда накормили моего голодного кузена!

— Не за что, мистер Лоренц! Я люблю хороших мальчиков.

— Но я был тогда нехороший, миссис Блум, — честно признался сын миллионера. — Я убежал из дома, и мадемуазель потеряла мамины бриллианты, а потом забыла, куда их положила, и подумала, что...

— Реджинальд! — остановил его мистер Лоренц.

— Ах, я совсем забыл, миссис Блум, но он был не...

Но Чарльз Лоренц вывел мальчика из булочной, не дав ему опозорить своего друга.

— Что ты там рассказывал миссис Блум о лодке, зеленом луге и больных детях, Реджинальд? — спросил он, когда они снова сели в экипаж.

— О, Лиззи придумала чудесную прогулку! Я все расскажу тебе дома, при маме. Но что ты будешь делать с этими пирожными и печеньями? Ведь ты знаешь, что мама покупает их только у Армана.

— Я купил эти пирожные и печенье для голодных мальчиков и девочек, Реджинальд: они не так разборчивы, как мы!

Мистер Лоренц приказал кучеру остановиться у большого дома, перед которым играла толпа детей. При виде подъехавшего экипажа они бросили свои игры и с любопытством подошли к приехавшим.

— Это тебе, Сэм, — сказал мистер Лоренц, подавая большой пакет свежих печений и пирожных бледному черноглазому мальчику, стоявшему на костылях в стороне от других.

Дети с жадностью смотрели на подарок, который маленький калека со слезами благодарности принял от мистера Лоренца.

— Хочешь, я помогу тебе отнести пакет наверх, Сэм? — предложил свои услуги маленький худенький мальчик. — Ах, как чудесно пахнет! Дай мне хоть маленький кусочек!

Реджинальд не спускал глаз с этой необычайной сцены.

— Разве они тоже убежали из дома и проголодались, Чарли? — спросил он кузена шепотом.

– Нет, им не надо никуда сбегать, чтобы проголодаться. Они и дома не едят досыта.

– Пожалуйста, Чарли, давай каждый день будем привозить им булки и пирожные! Нельзя ли их тоже взять с собой в лодку? Наверное, они будут рады поиграть на зеленом лугу...

– Чтобы взять с собой всех голодных мальчиков и девочек Нью-Йорка, придется построить настоящий Ноев ковчег, Реджинальд.

– Неужели их так много, Чарли? – удивился Реджинальд.

– Да, мой милый, полный город!

Маленький миллионер тяжело вздохнул.

– А надо очень много денег, чтобы построить Ноев ковчег?

– Да, Реджинальд. Когда-нибудь я покажу тебе большой ковчег, построенный нашим городом для этих бедных детей.

– Будет очень интересно на него посмотреть. Я думаю, что детям там очень хорошо. Да, Чарли?

– Ну, вот мы и дома, Реджинальд, – переменил тему мистер Лоренц. – Пойдем переоденемся скорее к обеду, а потом расскажем маме о наших сегодняшних приключениях.

– Разве бывают приключения, если не убежишь из дома, Чарли?

– Конечно, и иногда очень даже интересные!

– Ну, тогда я очень рад, что мне не надо будет больше убежать из дома, – серьезно заметил мальчик.

Выслушав идею о загородной прогулке для больных детей, миссис Лоренц с готовностью поддержала ее. Она даже пообещала и впредь устраивать такие мероприятия, но только при условии участия в них доктора Кемпера.

— Как ты думаешь, Чарли, если бы Александр Великий устраивал прогулки для больных детей, он стал бы тогда плакать, что ему нечем заняться?

— Не знаю, Реджинальд. Но он любил делать только то, что ему нравилось.

— А я похож на Александра Великого? — спросил мальчик серьезно.

Мистер Лоренц нагнулся и с улыбкой заглянул в глаза своего маленького кузена.

— Нет, Реджинальд, ты совсем не похож на него.

— И я очень этому рад, — удовлетворенно улыбнулся мальчик. — Я ни за что на свете не хотел бы походить на него!

Глава XXXVI

Про подготовку к путешествию

Руководителями загородной прогулки на общем совете были избраны доктор Кемпер и Чарльз Лоренц.

– Доктор, нам необходима очень большая лодка, – заявил Реджинальд доктору Кемперу деловым тоном хозяина. – Надо взять с собой и тех мальчиков, «которые голодают дома», как говорит Чарли.

– Их нельзя сводить вместе, друг мой, – покачал головой доктор. – Мои нежные дети из больницы совсем не годятся в компанию дворовых мальчиков.

– Отчего же? Разве эти мальчики не умеют прилично вести себя в обществе? – удивился Реджинальд. – Я и не знал, что бедняки тоже бывают избалованными...

– Мальчики везде одинаковы, – ответил доктор Кемпер. – И среди бедных, и среди богатых встречаются как добрые, так и злые.

– Разве злые мальчики не сделаются лучше, если поедут вместе с добрыми? – спросил Реджинальд, разочарованный замечанием доктора.

– А не пригласить ли нам на эту прогулку и чистильщиков обуви, Реджинальд? – предложил мистер Лоренц, тронутый унынием кузена. – Тогда, может быть, и Джим поедет с нами.

– О, Чарли! Ты думаешь, Джим тоже поедет, если мы пригласим его? Давай сейчас же напишем ему письмо! – обрадовался мальчик, собираясь не мешкая бежать за пером и чернилами.

– Реджинальд! – остановил его кузен. – Ты должен научиться сдерживать свое нетерпение и освоить прекрасное искусство ждать.

Сначала надо решить, как и когда устроить прогулку, чтобы наши маленькие гости провели время весело и приятно, а затем уже можно приглашать Джима. Он наверняка не откажется помочь нам в этом деле, потому что и сам неравнодушен к маленьким больным.

— Нельзя ли нам поехать прямо завтра? О, Чарли, пожалуйста, скажи, что мы поедем завтра!

— Нет, Реджинальд, к завтрашнему дню мы не успеем как следует подготовиться. Поэтому поедем послезавтра. Да и Джим не успеет до завтра получить наше приглашение!

— Я совсем не подумал об этом, Чарли! Я напишу письмо сейчас, пока ты разговариваешь с доктором Кемпером!

Мальчик побежал в библиотеку и сел писать письмо своему другу. Высунув кончик языка и ежеминутно перекидывая одну ногу на другую, после усидчивой часовой работы он сочинил следующее послание:

«Дорогой Джим!

Я очень жалею, что не знаю, где ты теперь. Мы устраиваем прогулку за город с больными детьми. Это придумала Лиззи Дове, а мама и миссис Блум дадут нам с собой много пирожных и разной еды. Я возьму с собой свои книжки с картинками и много разных игрушек, и все мы весело проведем день.

Лиззи говорит, что детям очень полезно гулять по зеленым лугам, потому что они долго сидят взаперти в больнице. Пожалуйста, приходи непременно.

Я с каждым днем делаюсь лучше. Должно быть, это оттого, что я стараюсь быть добрым, и, может быть, ты меня теперь больше любишь.

Чарли сказал, что мы поедем послезавтра в десять часов от угла Двадцать третьей улицы. О, Джим, неужели ты не поедешь с нами?

Твой друг Реджинальд.

Р. С. Жаль, что с нами не будет Джейми».

Передав свое письмо через полисмена Мерфи, Реджинальд с увлечением занялся приготовлениями к прогулке.

В мезонине он набрал вместе с Лиззи целую корзину книг, игрушек и разных игр, подходящих для отдыха на открытом воздухе. Миссис Лоренц приказала слугам собрать множество ковров, подушек, несколько качелей и гамаков.

Реджинальд был в восторге.

— Мама! — вспомнил он, вбегая к матери и совсем запыхавшись от возбуждения. — Вели приготовить нам еще мороженого, конфет, шампанского, ликеров, цветов, гусиной печенки и... — и он остановился на полуслове, чтобы перевести дух.

– Реджинальд, попроси уж заодно маму дать нам сигар и черного кофе! – подсказал мистер Лоренц, сдерживая смех.

– Чарли, ты, кажется, смеешься надо мной? Мама, а музыка у нас будет?

– У вас будет все, что позволит доктор Кемпер. Он лучше всех нас знает, что нужно больным детям. А шампанское, ликеры и гусиная печенька точно излишни, доктор вряд ли позволит тебе взять с собой такое угощение.

– Но ведь взрослым все это нравится. Отчего же детям нельзя, мама? Если это хорошо для вас, то и нам тоже...

– В том-то и дело, что эти вещи вредны и для взрослых, Реджинальд, – прервал его мистер Лоренц. – Они только портят людей.

– Тогда этого не надо, мама! – воскликнул Реджинальд. – Я вовсе не хочу испортить этих детей!

– И хорошо делаешь, мой дорогой, – сказал мистер Лоренц. – У нас и без этого будет всего вдоволь: музыка, конфеты, сахарные птички и всевозможные другие лакомства.

– О, Чарли! – воскликнул Реджинальд, кидаюсь на шею двоюродному брату. – Ни у одного мальчика в целом мире нет такого замечательного кузена!

В этот вечер Лиззи вернулась домой в состоянии полного блаженства.

— О, мама! У нас будет все, все!.. — рассказывала она вне себя от счастья, снимая шляпку. — И лодка, и музыка, и сладости!

Войдя в свой закуток, она сняла с полки любимых кукол, чтобы поделиться с ними важной новостью.

— Ах, вы мои дорогие, — шептала она им, — вы совсем не знаете, какая радость вас ожидает! Я скоро возьму вас с собой на чудесную прогулку и одену вас в самые лучшие платья. Только вы должны вести себя примерно! У вас будет все-все, кроме... — и, приблизив губки к самому уху черноглазой Нелли, Лиззи шепнула ей: — Кроме таких вещей, которые портят людей!..

Глава XXXVII

Про газеты и неожиданную встречу

Наконец наступил долгожданный день. Реджинальд поднялся почти с первыми лучами солнца: накануне он нарочно лег рано, чтобы, по его же словам, «ночь прошла скорее».

Щедрый мальчик не забыл ничего: микроскоп, подзорная труба, калейдоскоп и другие сокровища были тщательно упакованы и приготовлены

для развлечения маленьких инвалидов. Желая доставить гостям как можно больше удовольствия и ободряя себя надеждой, что среди них объявится Джим, мальчик неутомимо хлопотал, торопил всех и не мог успокоиться, пока не выехали из дому.

Ответа от Джима так и не было. Реджинальд не знал, присоединится ли его друг к прогулке, и Чарльз посоветовал своему маленькому кузену не слишком надеяться на встречу.

— Ты ведь знаешь, Джим — большой труженик и, скорее всего, еще и учится по вечерам и в выходные. До сих пор у него еще не было времени быть ребенком!

— Но неужели ему трудно было хотя бы написать, что он не может поехать? — спросил Реджинальд.

— Мне кажется, Джим не знает таких тонкостей этикета. Но я уверен, что он не обидит тебя намеренно.

Когда Реджинальд и Чарльз приехали на пристань, их там ожидали доктор Кемпер, миссис Дове и Лиззи. Все дети, под присмотром няnek и сиделок, уже расположились с игрушками на пароходе, на коврах и подушках. С судна раздавалась веселая музыка, привлекавшая на пристань множество любопытных.

— Чарли! Лиззи говорит, что Джим не пришел! — безнадежно воскликнул Реджинальд.

– Надеюсь, мой дорогой, ты не испортишь удовольствия ни себе, ни другим тем, что будешь скучать по Джиму. Уверен, у твоего друга есть какая-то уважительная причина.

– Нет, Чарли, – пробормотал Реджинальд и часто заморгал, глотая подступившие слезы. – Я буду хорошим и... веселым, но мне так...

Мальчик не смог договорить и зарыдал.

Чтобы отвлечь его, мистер Лоренц придумал маленькое поручение.

– Я забыл дома свои газеты, – сказал он мальчику. – Сбегай, пожалуйста, к газетному ларьку и купи мне «Трибун» и «Герольд».

Реджинальд помчался стрелой, и мистер Лоренц видел, как он остановился перед окошком газетчика. И вдруг бросился внутрь ларька!

Прождав с минуту, мистер Лоренц сам пошел за кузеном и скоро услышал голос Реджинальда, звавшего его. Он ускорил шаги и, заглянув в ларек, увидел мальчика стоящим на полу на коленях. Он придерживал голову упавшего в обморок газетчика и старательно обмахивал его своей шляпой.

– Это Джим! – воскликнул Реджинальд, увидев в окошке своего кузена.

Джим медленно открыл глаза.

– Я думал, что выдержу, но... не осилил... – пробормотал он и снова впал в забытие.

Вокруг ларька собралась большая толпа.

— Посторонитесь, друзья, ему нужно больше воздуха, — заметил мистер Лоренц, обращаясь к толпе, подозвал носильщика и приказал ему отнести Джима на пароход.

Реджинальд бросился вперед предупредить доктора Кемпера, а мистер Лоренц задержался, чтобы передать имущество Джима на хранение в надежные руки.

— Бедный малый насадился работой, — заметил один мастеровой с верфи, оказавшийся приятелем Джима. — Он работал днем и учился по ночам, вот и уморил себя!

Мистер Лоренц подошел к пароходу как раз вовремя, чтобы принять большую корзину с печеньем, присланную миссис Блум для детей.

Доктор Кемпер успел осмотреть Джима, и мистер Лоренц нашел мальчика лежащим в просторной каюте. Узнав от доктора, что Джим скоро поправится, Реджинальд просиял от счастья и тихо подсел к изголовью своего друга, спавшего крепким сном.

— Сон — отличное лекарство от нервного переутомления, — пояснил доктор. — Лучше всего оставить сейчас Джима в покое и дать ему подышать свежим воздухом.

Реджинальд охотно согласился с решением доктора и, оглянувшись еще раз на спокойно спавшего Джима, который набирался сил, тихонько сказал кузену:

— Все-таки лекарства доктора Кемпера очень хороши! Правда, Чарли?

Глава XXXVIII

Про самый лучший день

Чтобы дети не устали от лишней ходьбы, миссис Лоренц велела нанять повозки, на которых пассажиров доставили с парохода прямо к опушке леса. Ну а там уже были подготовлены качели, гамаки и удобные кресла.

Прогулка превзошла все ожидания детей. Доктор Кемпер, миссис Дове, Лиззи и Реджинальд заботливо следили за тем, чтобы никто не скучал, и бледные, исхудалые детские личики сияли радостью при виде ясного синего неба, залитой солнцем зеленой поляны и деревьев, вершины которых чуть заметно колебал легкий ветерок.

Лиззи и Реджинальд были в восторге от того, что им удалось доставить столько радости своим маленьким немощным друзьям.

— Я так счастлива, что даже не знаю, где у меня болит! — воскликнула крошка Энни.

— А я даже рад, что хромаю, — вторил ей малыш Иосиф. — Если бы я был здоров, меня бы не взяли на прогулку.

— О, как хорошо было бы теперь поваляться на травке! — вздохнула маленькая, разбитая параличом Бетси.

— Если ты не можешь побегать по травке, так пусть травка прибежит к тебе, — сказал мистер Лоренц, услышав пожелание девочки.

Подозвав сиделку, он велел ей накосить большую охапку травы и положить в гамак к маленькой больной.

– Хорошо ли тебе теперь? – спросил Реджинальд, осторожно качая девочку.

– Чудесно! Я хотела бы всегда лежать так на травке. Спине так мягко и приятно!

– А нам дадут покушать чего-нибудь сладкого? – спросила у Лиззи худенькая Мэри, сидевшая в гамаке недалеко от Бетси.

– О, вам привезли много вкусного печенья и других лакомств! – ответила Лиззи, раскачивая гамак девочки.

– А пряничные лошади и слоны там есть? – спросила бледненькая Джейн, нежно качавшая на коленях черноглазую Нелли и никогда не видевшая лучших лакомств.

– Я таких пряников не видел, – честно ответил Реджинальд. – Но наш повар Энтони приготовил много белых сахарных голубей, хороших кроликов с глазками из изюма и имбирных мальчиков и девочек с флагами в руках.

– Ах, скоро ли мы увидим все эти прелести? – воскликнула Мэри. – Ну, Джейн, теперь моя очередь нянчить Нелли!

Реджинальд сиял от радости и ежеминутно отбегал то к доктору, то к своему кузену, чтобы передать им восторженный разговор детей и поделиться с ними собственной радостью.

— Ты, Чарли, наверное, никогда не бывал на такой чудесной прогулке! — прокричал он кузену, пробегая мимо него к доктору.

— Знаете, я так рад, что есть больные дети... — сообщил он доктору Кемперу и тут же смутился: — Нет-нет, я не то хотел сказать! Я так рад, что у нас есть случай доставить малышам столько удовольствия! Ведь вы тоже рады этому, доктор, правда? — и, не ожидая ответа, он опять убежал к детям.

Тем временем Джим успел отдохнуть и оправиться настолько, что тоже сошел на берег. Он растянулся в гамаке под сенью огромного дерева, в стороне от детей, и увлекся книгой о путешествии в Индию. Реджинальд часто подбегал к нему, чтобы передать веселый разговор детей и узнать, не желает ли он чего-нибудь.

Расспросив Джима обо всем, мистер Лоренц узнал, что мальчик на скопленные за несколько лет работы деньги приобрел газетный ларек при верфи. Он продавал газеты и усердно посещал вечернюю школу. С наступлением жары он почувствовал сильное переутомление и потерял аппетит. Приглашение Реджинальда пришло только утром, слишком поздно, чтобы писать ответ. Джим собирался ехать с ними, но, когда уже собрался запереть ларек, вдруг почувствовал головокружение и с ним сделалось дурно. Дальше он ничего не помнит, но слышал, точно

сквозь сон, голос Реджинальда, звавшего своего кузена.

— Теперь, мистер Лоренц, я совсем поправился и завтра снова примусь за работу, — закончил Джим свой рассказ.

Бледное, изможденное лицо мальчика ясно говорило, что начатое дело ему не по силам. Однако мистеру Лоренцу пришлось постараться, прежде чем Джим согласился оставить свою изнурительную деятельность и принял предложение поселиться у миссис Лоренц, желавшей дать ему хорошее образование.

— Я знаю, что ты и без нас пробьешь себе дорогу, — говорил мальчику Чарльз, — но зачем же так сильно себя изнурять? Когда-нибудь и ты сможешь оказать нам услугу, и наше одолжение окажется взаимным.

Наконец начался пир горой. Под сенью вековых деревьев накрыли белой скатертью большой стол и уставили его вкусными блюдами, цветами и целой пирамидой печенья и сочных фруктов. У детей разбежались глаза от такого изобилия, радостный гул стоял, как от пчелиного роя. Няньки и сиделки едва успевали исполнять просьбы ребят, оглашавших опушку леса веселым смехом и голосами.

Реджинальд и Лиззи прислуживали тем, кто не мог сидеть за столом, и еще больше веселили всех суетливыми попытками одновременно выполнить заказы, сыпавшиеся с разных сторон.

– Дайте же мне поскорее голубка! – просила маленькая парализованная Бетси, владевшая только одной рукой.

Когда Реджинальд подал ей сахарного кролика и голубя, она прижала их здоровой ручкой к груди и сказала:

– Они гораздо лучше живых, потому что совсем ручные!

К закату солнца дети вернулись на пароход, и тот, подобно лебедю, под звуки музыки плавно поплыл обратно к городу.

Маленькая Бетси никак не хотела оставлять наполненный свежей травой гамак, и ее, всю засыпанную маргаритками, торжественно внесли в больницу вместе с другими неходячими детьми. За ними длинной вереницей вошли остальные участники веселой прогулки. Все дети несли в руках игрушки.

Следом служители внесли целый воз гамаков, качелей и кресел, подаренных миссис Лоренц для мебелировки больничной крыши, – там решили устроить летний сад для маленьких инвалидов.

– О, мама! – воскликнул Реджинальд, бросаясь на шею матери, встретившей его на пороге дома. – Как чудесно мы провели время! Я никогда не видел таких счастливых детей, как сегодня!

Лиззи Дове тоже сияла от счастья и, поднявшись к себе в мансарду, радостно сообщила матери:

– Знаешь, мама, теперь я всегда буду любить миссис Лоренц! Ведь она доставила столько

радости моим маленьким друзьям! Наверное, никогда ни у кого не было такой чудесной прогулки, как у нас сегодня. Жаль только, что моя Нелли запачкала мороженым свое лучшее платье...

Глава XXXIX

Про то, что случилось потом

На другой день за завтраком Чарльз Лоренц получил из Англии телеграмму с приглашением немедленно прибыть в Лондон по очень важному делу.

— Я должен буду уехать в субботу, — сообщил он.

— О, Чарльз, возьми меня с собой! — тут же попросил Реджинальд, в последнее время почти не отходивший от своего кузена.

— С удовольствием, — ответил тот и обратился к миссис Лоренц, сидевшей напротив за чашкой кофе: — Тетя, отпустите его со мной! Вы недавно говорили, что Реджинальду нужна полная перемена обстановки. Вот и представился отличный случай!

— Что ты говоришь, Чарльз! Ведь ты сам знаешь, что я не успею к субботе собраться в дорогу. У моей портнихи нет для меня ни одного готового платья!

— Мама, мама! — воскликнул Реджинальд, подбегая к матери и покрывая ее лицо горячими поцелуями. — Отпусти меня с Чарли!

— Я, пожалуй, отпустила бы с тобой Реджинальда, Чарльз, если бы... если бы доктор Кемпер поехал с вами, — сказала миссис Лоренц, вежливо отклоняя просьбу.

— Так он и поедет с нами, — улыбнулся молодой человек. — В будущем месяце в Лондоне состоится съезд врачей, и доктор избран делегатом от нашего города.

— Правда? Этого я не знала! В таком случае и я поеду с вами. И без новых платьев. Все, что нужно, я смогу купить в Лондоне.

— О, мама, как я рад, что ты тоже едешь! — Реджинальд был в восторге. — Позволь и Джиму ехать с нами!

— Ему тоже нужна перемена, — заметил мистер Лоренц, присоединяясь к просьбе мальчика. — Джим слишком изнурен, и ему необходим хороший отдых. Такое путешествие быстро поставит его на ноги!

— Я от всей души рада доставить удовольствие такому замечательному мальчику, как Джим, — ответила миссис Лоренц и попросила племянника в тот же день привезти к ним мальчика. Она твердо решила воспитывать Джима вместе с Реджинальдом.

Сборы были недолгими. Через несколько дней Реджинальд и его друг в одинаковых дорожных костюмах уже бегали по пароходу.

Черная полоса в жизни Джима закончилась. Путешествие и свежий морской воздух ободрили его и заставили поверить в новую, лучшую жизнь. К тому же Реджинальд скоро заполнил в его сердце пустоту, так тяготившую мальчика после смерти Джейми.

Мадемуазель Кларет тоже поехала с ними, но уже не в качестве гувернантки. Ей просто хотелось навестить родных в Европе. Она, миссис Лоренц, Чарльз, доктор Кемпер и капитан сначала пытались следить за неугомонными друзьями и поддерживать дисциплину, но скоро махнули на них рукой.

— Пойдемте, мадемуазель, — сказал наконец мистер Лоренц французенке. — Предоставим юным джентльменам наслаждаться жизнью по-своему. Нам не угнаться за ними. Капитан приставил к ним надежного матроса, и он справится с этим делом лучше нас!

Мальчики сделались любимцами экипажа и до мельчайших подробностей изучили устройство огромного судна, начиная с капитанского мостика и кончая нижним трюмом, где шумели машины и кочегары подбрасывали каменный уголь в огромные пылающие печи.

Нередко мистер Лоренц и доктор Кемпер затевали с мальчиками непринужденный разговор и рассказывали что-нибудь интересное об окружающей природе и людях.

Однажды, польщенный заинтересованностью обоих юных друзей, Чарльз сказал, что, закончив

Мальчики сделали любимцами экипажа и до мельчайших подробностей изучили устройство судна.

обучение, Джим сможет поступить в банк и со временем сделаться его помощником.

— А я? — воскликнул Реджинальд. — О, Чарли, нельзя ли мне тоже сделаться банкиром?

— Отчего бы нет, милый Реджинальд. Но сначала ты должен вырасти и узнать цену деньгам.

Эти слова требовали осмысления. Реджинальд серьезно задумался, а мистер Лоренц вдруг вспомнил кое о чем еще.

— Кажется, — обратился он с улыбкой к старшему из мальчиков, — ты собирался стать морским разбойником, если разбогатеешь, не так ли?

Джим смутился, но потом понял, что с ним шутят, и ответил как ни в чем не бывало:

— Думаю, что из благородных людей даже пираты получают благородные. Но все-таки в мире очень много других занятий! Куда более полезных!

Тем временем, обдумав все хорошенько, Реджинальд крепко обнял кузена и прошептал ему на ухо:

— Я, Чарли, уже немного знаю цену деньгам: с ними можно сделать счастливыми очень много людей!

Оглавление

<i>Глава I.</i> Про серебряный доллар и едва не испорченный характер	3
<i>Глава II.</i> Про новый дом и колбасу на завтрак	12
<i>Глава III.</i> Про умение плавать и неожиданное знакомство	18
<i>Глава IV.</i> Про микстуру и борьбу за свободу	22
<i>Глава V.</i> Про то, что произошло в доме Лоренцев	27
<i>Глава VI.</i> Про кислое и сладкое и про полученный бумажник	35
<i>Глава VII.</i> Про французские глаголы и золотые локоны	40
<i>Глава VIII.</i> Про вторичный визит и неправильный завтрак	47
<i>Глава IX.</i> Про бой часов и китайскую вазу	54
<i>Глава X.</i> Про воздушный сад Лиззи Дове	63
<i>Глава XI.</i> Про красивых людей и плохие приметы	67
<i>Глава XII.</i> Про поиски счастья и поиски Реджинальда	73

<i>Глава XIII. Про странствия миллионера и печенье с корицей</i>	83
<i>Глава XIV. Про визит на крышу и про кукол Лиззи</i>	94
<i>Глава XV. Про таинственный рецепт доктора Кемпера</i>	103
<i>Глава XVI. Про новые достижения Реджинальда</i>	109
<i>Глава XVII. Про Джейми и про то, что Реджинальд увидел в больнице</i>	116
<i>Глава XVIII. Про новые переживания миссис Лоренц</i>	120
<i>Глава XIX. Про экскурсию по дому и визит в мезонин</i>	124
<i>Глава XX. Про свежий воздух и серьезный разговор</i>	130
<i>Глава XXI. Про то, что обнаружилось утром</i>	139
<i>Глава XXII. Про нового учителя и морских разбойников</i>	143
<i>Глава XXIII. Про загадочные пропажи в доме Лоренцев</i>	147
<i>Глава XXIV. Про розыск, доверие и закон</i>	151
<i>Глава XXV. Про тайное дело в полицейском управлении</i>	157
<i>Глава XXVI. Про разоблаченную тайну и маленький урок</i>	161

<i>Глава XXVII. Про давнее воспоминание</i> миссис Лоренц	167
<i>Глава XXVIII. Про новую встречу</i> и открывшуюся правду	170
<i>Глава XXIX. Про досаду Патрика Мерфи</i>	174
<i>Глава XXX. Про то, как не смогли найти</i> Джима	176
<i>Глава XXXI. Про гнев Реджинальда</i> и отличную идею его матери	180
<i>Глава XXXII. Про мраморного мальчика</i> и большие камни	185
<i>Глава XXXIII. Про страхи миссис Лоренц</i> и про Александра Великого	190
<i>Глава XXXIV. Про голубятню и зеленые</i> луга	193
<i>Глава XXXV. Про Ноев ковчег и сладкие</i> булки	198
<i>Глава XXXVI. Про подготовку</i> к путешествию	202
<i>Глава XXXVII. Про газеты и неожиданную</i> встречу	207
<i>Глава XXXVIII. Про самый лучший день</i>	211
<i>Глава XXXIX. Про то, что случилось потом</i>	216

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Марта Ливингстон-Муди

СЫН МИЛЛИОНЕРА

Художественный редактор *А. Н. Корниенко*

Технический редактор *Н. В. Савостьянова*

Компьютерная верстка *А. Ю. Анненкова*

Корректор *М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 25.06.2015. Формат 60×90^{1/16}.

Гарнитура Школьная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 13,7.

Тираж 3000 экз. Изд. № 1185. Заказ № 5404.

ЗАО «ЭНАС-КНИГА».

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru

<http://www.enas.ru>

Распространение издания

осуществляет ООО НЦ «ЭНАС».

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-20. E-mail: real@enas.ru

Обсуждение книг в сообществах

- facebook.com/enas.kniga
- vk.com/enas.kniga
- ok.ru/enas.kniga

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51.

